

в 1993 году в основных рубриках публикует :

Наше исследование. *Земства в России. История казачества. Феномен старообрядчества. Великое Княжество Литовское. Жена Муссолини — подруга Ленина.*

Начало. *Праславяне — кто они? Была ли письменность у славян? Принятие христианства: благо или зло? Куда исчезли половцы и печенеги? Откуда пошла земля русская?*

Антигерои. *Марина Мнишек, Аракчеев, Шуйский, Берия...*

Из истории российских партий. *Анархисты. Дашнаки. Максималисты.*

Фото Александра Шипилова

Сто народов России. *Обычаи, быт, традиции и праздники народов. Русский национальный характер.*

Неизвестные войны России. *Два спецномера, посвященные первой мировой и кавказской войнам (Неизвестные страницы. Униформа. Знамена. Ордена).*

РОДИНА

4 — 1993

ISSN 0235-7089

Фото Виктора Грицюка

СВЕТ И ТЕНИ

ОНИ НА НАШИХ ЛИЦАХ... ВГЛЯДИМСЯ В СЕБЯ

Фотографии Виктора Грицюка

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 — 1993

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина». Компьютерная верстка **Т. А. Киселевой.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОР БОНДАРЕВ

САМОРАСПАД

Можно ли говорить о закономерностях развала СССР?

Что лучше: быть богатым и здоровым или бедным и больным? Найдутся люди, которые предпочтут нищету и страдания, поскольку, мол, они очищают душу и тело. Все же большинство, не задумываясь, предпочтет быть здоровыми и богатыми, даже если при этом придется поплакать. Приблизительно так обстоит дело и с другим вопросом: должна ли Российская Федерация стать великой страной? Есть, конечно, люди, которым наплевать на страну и ее граждан. Но когда патриоты надрывно доказывают, что России предначертано великое будущее, стоит спросить: а кто же против этого? Кто откажется жить в процветающем государстве, где люди имеют достойную жизнь и человеческие права, где развивается многовековая культура народа, — в государстве, интересы которого и граждан которого уважают в мире?

Фото Геннадия Бодрова

Естественен вопрос: почему же, если все заинтересованы в процветании и нормальной государственности, СССР развалился и существует реальная угроза целостности Российской Федерации? Наиболее простой ответ — это дело рук каких-то зловредных сил, которые довели нас до такой жизни. Но давайте все-таки сравним происходящее у нас с другими странами и вспомним, как все случилось.

События последних лет в Югославии, бесконечные религиозные и этнические конфликты в Индии, продолжающаяся беспощадная и абсурдная борьба ирландских католиков и баскских сепаратистов, трения между двумя разноязычными частями населения Канады и, наконец, распад Чехословакии с ее вроде бы весьма смирными и разумными народами — все это говорит о том, что совместная жизнь народов в одном государстве всегда несет с собой потенциальную угрозу. Как каждая семья из коммуналки стремится уехать в отдельную квартиру, так и каждый народ почему-то желает иметь собственное государство. Однако кто возьмется утверждать, что существует какой-то «железный закон», в соответствии с которым многонациональные государства обречены? И, вообще, разве существуют в истории какие-то безусловные законы? Нет. История всегда альтернативна. Поэтому говорить о фатальной предопределенности развала СССР никак нельзя. Наверное, могли быть и иные варианты.

Довольно часто сторонники воссоздания Союза говорят о том, что ни Российская империя не была тюрьмой народов, ни Советский Союз нельзя считать «империей зла». Да, на одной шестой земного шара национальных конфликтов в последние десятилетия практически не было. Но ведь память народов содержит в себе многовековой опыт, в ней остаются следы от тех унижений и оскорблений, которым народ подвергался сотни лет тому назад, не говоря уже о недавнем прошлом. Оказалось вдруг, что татары до сих пор не забыли взятия Казани Иваном Грозным. Для русских это может показаться историческим казусом, но и сами русские до сих пор недобрым словом вспоминают «татар», которые семь веков назад громили Русь. Напомню только одну поговорку: «Незваный гость хуже татарина».

Есть в российской истории и факты настоящего геноцида. Так, под руководством Суворова были уничтожены десятки тысяч ногайцев. Много зверств творили русские солдаты во время Кавказской войны. Сошлюсь на авторитет Льва Толстого: «О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от

мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным, как чувство самосохранения». Не только чеченцы, но и черкесы понесли огромные потери в этой войне, а сотни тысяч вынуждены были покинуть родные горы.

Нередко говорят о «жидомасонском» заговоре. Однако почему-то при этом не вспоминают, что евреи в дореволюционной России подвергались гонениям и притеснениям. Именно из русского языка слово «погром» вошло в другие европейские языки. Активное участие евреев в революции было вполне естественной реакцией на дискриминацию и государственный антисемитизм. Как-то стали забывать и о том, что со сталинских времен антисемитизм стал государственной политикой и в СССР. Даже после смерти Сталина, практически до перестройки, «пятый пункт» отравлял жизнь миллионам. Стоит ли удивляться, что для многих из них СССР был прежде всего «империей зла»?

В памяти народов Прибалтики и Западной Украины еще свежи воспоминания о массовых депортациях и репрессиях, десятках тысяч погибших в сталинских лагерях и застенках. Наверное, специфической местью истории следует признать активное участие в разрушении СССР литовца Ландсбергиса и уроженца Западной Украины Кравчука. Кроме того, вряд ли стоит напоминать о преследовании поляков и литовцев в царской России, о сталинских массовых депортациях миллионов немцев, месхов, чеченцев, ингушей, калмыков, корейцев, греков, крымских татар. В общем, потенциал национальной ненависти в памяти народов был и остается весьма значительным, и картина прошлого далека от идиллии, которую изображают патриоты.

Однако я тоже не считаю, что Российская империя и СССР были тюрьмой народов. А если последний и можно считать большим застенком, то роли тюремщиков и заключенных распределялись не по национальному признаку. Все же большинство народов мирно уживалось, а колонизация, опять же для большинства, означала приобщение через Россию и СССР к мировой цивилизации. Сформировавшиеся в советское время национально-территориальные государственные образования действительно сыграли огромную роль в развитии многих небольших народов, в процессе их модернизации. Очень высокий процент межнациональных браков, смешанное расселение людей разных национальностей наглядно свидетельствовали об отсутствии для большинства из них межнациональных проблем. Общность исторической судьбы, близость культур, традиции взаимного уважения действительно составляли реальную предпосылку того, что Союз мог сохраниться. Не говорю уже о явной экономической необходимости сохранения единого государства. В этой связи вполне можно говорить о том, что альтернатива развалу все-таки была, хотя социально-экономическая система была явно обречена. Ведь всякий развод, как между народами, так и между членами одной семьи, несет множество тяжелейших проблем. К тому же иногда бывает, что, разведясь, люди все-таки сходятся вновь. Однако жизнь распорядилась по-иному.

Кстати сказать, именно отсутствие (за исключением еврейской и крымско-татарской) национальных проблем сыграло свою роковую роль. Действительно, практически никто не ожидал столь стремительного уничтожения СССР. Сейчас нередко ссылаются на западных политиков и советологов, которые, мол, давно уже все предвидели и все предсказали. Однако если познакомиться поближе с этими пророчествами, то нетрудно убедиться, что их авторы так же далеки от истины, как и все остальные. Большинство предсказателей рисовали один и тот же сценарий: усиление фундаментализма в Средней Азии, превращение ислама в политическую силу, и отсюда конфликт с остальной коммунистически православной частью страны. Кстати сказать, западные советологи практически поставили крест на «свободолюбивых» прибалтах, считая, что они полностью адаптировались к советским условиям.

Как известно, все случилось совсем по другому сценарию. Литовцы и эстонцы, которых давно уже списали как борцов против «империи», выступили первыми, а развал довершила Украина, которая вообще ни в каких сценариях не упоминалась. Мало того, среднеазиатские народы до последнего продолжали цепляться за Союз, да и сейчас многие из жителей и даже политиков этого региона говорят о необходимости воссоздания единой страны. Если сравнивать прогнозы с диагнозом врача, то ситуацию можно описать приблизительно так: смертельный исход был определен верно, но врач предсказывал смерть от рака, а летальный исход получился от гриппа с осложнениями. Естественно, грош цена такому врачу, да и таким предсказателям. Стоит напомнить и о той растерянности на Западе, в том числе и в США, когда прибалтийские республики всерьез заговорили о своем намерении отделиться. И дело не только в том, что на Западе поддерживали Горбачева, но и в том, что такое развитие событий было полной неожиданностью.

Надо честно признаться, что в СССР, точнее в кругах российской интеллигенции, до 1988 года никто не ожидал надвигающегося краха государства. На известном пленуме ЦК КПСС в ноябре 1987 года, когда Ельцин начал свой бунт против ЦК, превратившийся впоследствии в политическую борьбу с системой, генсек Горбачев заявил: «Мы справедливо говорим, что национальный вопрос у нас решен».

Может, тогда только в ЦК были такие олухи, которые ничего не понимали? Ничего подобного. Еще в 1988 году после пленума по национальному вопросу профессиональный политолог, а ныне крупный российский политический деятель Евгений Амбарцумов утверждал в «Московских новостях»: «Примечательно, что подтвердилась верность партии ленинскому принципу права наций на самоопределение как ключевому. Жизнь показывает, что он вполне совместим с укреплением целостности государства». Или вот еще одно авторитетное свидетельство лидера нынешней прессы Виталия Третьякова: «Так или иначе, не будем преувеличивать национальные проблемы — от них в той или иной мере не избавлено ни одно государство... Да, ситуация в нашей стране сложная, но маховик сталинской национальной политики почти остановлен, а маховик новой национальной политики раскручивается все быстрее». Трудно удержаться, чтобы не продолжить сравнение журналиста: да, маховик раскрутился, и все пошло вразнос.

Подобные оценки господствовали в среде российской интеллигенции, поэтому вряд ли стоит особо подчеркивать фамилии их авторов — они были типичными. Пожалуй, ЦК КПСС и КГБ раньше других оценили опасность и заговорили об угрозе. Но кто же поверил этим организациям? Даже больше: чем громче звучали обвинения в национализме и сепаратизме, тем меньше было им доверия. Что ж поделаешь, для того чтобы люди доверяли, нужно иметь репутацию, а поверить партфункционерам и чекистам было нельзя, поскольку у них была своя корысть в сохранении государства — именно они и составляли основу этого государства.

Только во второй половине 1989 года появилась самостоятельная политическая сила, которая провозгласила своей целью сохранение СССР — парламентская фракция «Союз» в Верховном Совете СССР. Однако если мы вспомним, что и как делали «союзники», то вряд ли можем признать их старания продуктивными. Стоит отметить, что в рядах сторонников сохранения Союза наряду с аппаратчиками значительную часть составляла интеллигенция. В целом же «союзники», пытаясь сохранить государство, хотели законсервировать и его социальную природу. Достаточно вспомнить об их яростной борьбе против частной собственности на землю.

Очевидными провокациями занимались «союзники» вместе с КПСС и КГБ в Прибалтике, сделав ставку на местные коммунистические структуры. Стоит подчеркнуть, что парт- и госноменклатура в республиках регулярно демонстрировала свою недееспособность, сталкиваясь со сложными и неординарными проблемами, которые пришли вместе с перестройкой. Так было в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдавии. Вместо того чтобы отделить судьбу страны от судьбы социализма, «союзники» и их соратники из парторганов тесно их связали. Характерный эпизод произошел на четвертом съезде народных депутатов СССР. Тогда Горбачев предложил новое наименование страны, которое должно было смягчить накал идеологической борьбы вокруг судьбы страны,— Союз Советских Суверенных Республик, т. е. убрать слово «Социалистических». Таким образом предлагалось снять этикетку, неприемлемую в то время уже для многих, особенно в республиках. Но даже эта скромная корректировка не прошла, консерваторы отвергли это предложение, в очередной раз продемонстрировав свою нетерпимость и нежелание идти на компромиссы, вызвав усиление сепаратистских настроений. Столь же провокационным был и пресловутый мартовский референдум, на который без конца ссылаются: ведь там в формулировке тоже стояли слова «Советских, Социалистических».

Стоит отметить и позицию профессиональных патриотов с дореестроечным стажем. Кто же первый проклял «империю лжи» и предал коммунизм анафеме? Солженицын, Шафаревич, Солоухин, Кожинов и прочие ревнители российской старины. И только когда коммунизм рухнул вместе с СССР, они заговорили, да и то не все, о том, что пора кончать гражданскую войну между белыми и красными. Интересно, а как они представляли посткоммунистическую Россию, основу государственности которой и составляла КПСС? Бесполезно искать у них ответ на этот вопрос.

Трудно отрицать то, что первые лидеры демократической волны — Ельцин, Сахаров, Афанасьев, Старовойтова — действительно внесли серьезный вклад в разрушение вместе с тоталитаризмом и государства. Однако давайте вспомним, что первое крупное политическое решение, во многом предопределившее последующие события,— декларация о государственном суверенитете России — было одобрено тысячей депутатов всего при трех голосах против. За этим последовала всеобщая суверенизация. А ведь и тогда в российском парламенте уже заседали все те патриоты, которые нынче клянут всех тех, кто разваливал СССР. Странная логика! Если уж обличать, то следует начинать с себя. Забегая вперед, напомню, что и соглашение в Беловежской Пуще было одобрено под рукоплескания Верховного Совета. Однако не прошло и нескольких месяцев, как те же люди стали разоблачать «предательство»!

Возьмем ГКЧП. Достаточно очевидно, что цель путчистов состояла в сохранении не просто Союза, а СССР в полном смысле этой аббревиатуры — Союза Советских Социалистических Республик. О политиках судят не только по их намерениям, но и по тем результатам, которые в конце концов получаются. Здесь же и намерения были абсурдные, и финал трагическим. Достаточно очевидно, что в герои их никак не зачислишь, поскольку итог их предельно идиотской ак-

ции был самый плачевный для страны — обвальный распад того, что осталось. В тех условиях, когда республики уже приобрели значительную степень независимости от центра, даже победа путчистов могла только усилить сепаратистские настроения, поскольку возврата к старым порядкам даже в самых лояльных среднеазиатских республиках никто не хотел.

С другой стороны, победа демократов под руководством Ельцина насмерть перепугала тех, кто уже правил в других республиках. И, по-видимому, зря преувеличивают проявленные в те первые дни после победы имперские амбиции россиян. Новая российская власть с ее широковещательным антикоммунизмом не могла не напугать осевшую у власти в других республиках партноменклатуру. Вот они и шарахнулись от России и пресловутого «центра». К тому же российские демократы не устояли перед соблазном и разнесли все союзные структуры.

Историю с ССГ, а затем с СНГ также трудно однозначно представить как чей-то злой умысел. Какая все-таки странно короткая память у политиков и политиканов: в то время объявленное Украиной отделение от СССР было практически всеми воспринято как трагедия, и с СНГ на самом деле связывали определенные надежды большинство россиян. Другое дело, что уже через месяц выяснилось, что Украине никакой союз не нужен. Но ведь заблуждались практически все, за очень небольшим исключением!

Сейчас, по прошествии довольно значительного промежутка времени, мы имеем опыт, и надо сказать, что он весьма противоречив. Допустим, СНГ не было бы, а был бы заключен договор о ССГ. Весьма сомнительно, что в его рамках при хотя бы формальном лидерстве Горбачева удалось бы провести радикальные гайдаровские реформы, а без них положение было бы намного хуже. Кроме того, очевидно, что в разных республиках возникли весьма различные политические режимы, которым было бы трудно существовать в рамках одного более или менее жесткого государственного образования. Да, может быть, армию было сохранить легче, хотя бы некоторое время. Однако развал единого экономического пространства, рублевой зоны, возникающие границы — все это говорит о том, что вероятность дееспособного союза была не столь велика. Трудно предположить, что в ССГ успешно решались хотя бы какие-то проблемы, поскольку уже тогда все республики заявили о своем суверенитете и вряд ли им поступились бы. Может быть, отдельные вопросы решались бы более эффективно, но в целом в отсутствие реального мощного союзного центра и продолжавшегося развала экономики шансов и у ССГ было не так уж много. Кстати сказать, даже не путч, а XXVIII съезд КПСС, на котором партия практически прекратила свое существование, поскольку превратилась в совокупность республиканских организаций, уже предопределил развал партийно-государственной системы. Скроенные на скорую руку органы ССГ не смогли бы ее заменить. Поэтому вполне можно предположить, что беловежские соглашения хирургическим образом ускорили неизбежную в то время агонию.

Таким образом, поиски виноватых довольно бессмысленны. С какого-то периода пошла цепная реакция самораспада. Сопротивляться ей было бесполезно, а чаще всего и вредно, поскольку противодействие только провоцировало усиление сепаратистских тенденций. Можно предположить, что в принципе была возможна политика, которая не имела бы столь тяжелых последствий. Однако в стране не оказалось ни политических лидеров, ни, что еще более важно, политической силы, которая могла разработать и реализовать иной вариант в этих специфических условиях. Да, можно сказать, что одни политики сделали больше для развала страны, чем другие: кто-то создавал предпосылки краха до 1989 года, другие разваливали страну только в 1989—1990 годах, а затем ее спасали, третьи занимались тем же еще и в 1991 году, но в 1992-м тоже начали спасать — теперь уже Российскую Федерацию. И потом, главным противником была тоталитарная система, а не СССР, а необходимость отказа страны от коммунизма мало у кого вызывает сомнения. К сожалению, вместе с коммунистическим режимом погиб и Советский Союз, и опять же к сожалению, о таком итоге в этой стране никто всерьез не думал и его не предвидел.

Нельзя не обратить внимание на то, что нынешние сторонники воссоздания СССР выступают в массе своей под красными флагами. Фактически до сих пор так и не удалось отделить идею сохранения страны от попыток реставрации безусловно изжившей себя коммунистической идеи. Правда, большинство политических лидеров, возглавивших борьбу за воссоздание страны, готовы отказаться от социализма в любой его форме, но иного обоснования, кроме коммунистического «первородства» Союза, их сторонники не воспринимают. Достаточно посмотреть на любой митинг этих «союзников», где вовсю представлены портреты Сталина и Ленина, чтобы усомниться в здравом смысле борцов за единый и неделимый СССР. Другой же идейной основы они не видят. Если же для реставрации СССР нужен новый Сталин, то пропади он пропадом такой «союз нерушимый»!

После того как Союз развалился, на очереди стала Российская Федерация, поскольку принципиальных различий в государственном устройстве между нею и СССР не существовало. И здесь пошел стремительный процесс превращения всех бывших противников Союза в новых государственников. Кроме того, неожиданно выяснилось, что практически все российские политики глубоко сожалеют о распавшейся стране. Необходимо признать, что в это время происходит отказ от многих иллюзий, которые

раньше были у демократов. Ведь многие, по-видимому, искренне считали, что экономику можно перестроить за 500 дней, что, устранив КПСС, можно будет легко перейти от тоталитарного государства к демократическому. Неожиданно оказалось, что международные

Фото Геннадия Бодрова

отношения далеки от демократической идиллии, а государства, какие бы демократические они ни были, строят политику на основе самого банального национального эгоизма, преследуя свои интересы. Особенно наглядно это продемонстрировали ближайшие соседи России — балтийские страны: Латвия и Эстония требуют возвращения к границам 1920 года, а Литва предпочитает границы 1991 года, поскольку одним выгодно одно, а другим — другое. Столкнулась Россия и с двойными, а то и тройными стандартами, которые используют западные страны. Это и многое другое буквально в течение нескольких месяцев превратило практически всех, за небольшим исключением, в патриотов и государственников.

Если слушать речи, то весьма непросто отделить бывших демократов от нынешних наиболее активных патриотов. Разница в другом: последние в основном заняты тем, что ищут виновных в развале страны и выдвигают любые, даже самые абсурдные обвинения против власть имущих, выдумывая различные заговоры и разыскивая супостатов. Вот, например, Ксения Мяло («Родина», № 2, 1993) обнаружила, что советник президента Ракитов, а следовательно, и вся президентская рать пытаются зачеркнуть всю тысячелетнюю российскую государственно-историческую и духовную жизнь. Кроме того, она прочла в каком-то захудалом молдавском журнальчике, что некий русофоб жаждет погибели России и русских. Найдя две подобные публикации — при желании можно было набрать целую кучу, — она строит свою систему обвинений против нынешней российской власти и демократов. Неужели Ракитов — это единственный советник и соратник Ельцина, и нигде, кроме как в Молдове, не издаются журналы и газеты? А как же Станкевич, Румянцев, Руцкой, Лукин, Амбарцумов, Травкин, Зорькин? Как это она смогла не заметить такого обилия новых российских патриотов?

О каком отрицании тысячелетней истории можно говорить, когда самыми популярными историческими персонажами стали Сергий Радонежский, Николай Второй и Петр Столыпин?! Особенно в фаворе Столыпин, на которого ссылается чуть ли не каждый российский политик. Кстати, чем в первую очередь занялись демократы, придя к власти? Возвращением городам и улицам старых российских наименований. И красным днем календаря сделали православное Рождество. А российский президент, который по поводу и без повода ходит в церковь и демонстрирует свою глубокую симпатию патриарху! Можно вспомнить, что, заступая на свой пост, он получил от последнего благословение. Не отстают в своем почтении к российской истории и традициям прочие демократы: Собчак и Лужков устраивают пышные встречи с членами императорской фамилии, выказывая свою любовь то ли к монархии вообще, то ли просто к династии Романовых. Их коллеги в областях присвоили себе звание «губернаторов», которое хотя и латинского происхождения, но, несомненно, отсылает к российскому прошлому. В будущей Конституции вводится Государственная дума, а герб правящие демократы почему-то взяли у России, причем даже с тремя коронами. Столь же малообоснованны и прочие обвинения, выдвигаемые патриотами против демократов. Практически часть российской интеллигенции просто свихнулась от ужасов свободы, о которой много лет болтала на кухнях.

Никто не оспаривает того, что распад СССР принес с собой множество проблем, что русский народ находится в очень тяжелом положении. Действительно, как пишет Мяло, нет «никакой сколько-нибудь значимой общей идеи, совместной цели, общего образа». Кстати, откуда им взяться, если российская интеллигенция ничего подобного не создала? Крах коммунизма, глубокая дистанция, отделяющая нас от Российской империи 1917 года, привели к настоящему кризису русского национального самосознания. Потеря значительной части территории, тесно связанной с ключевыми событиями российской истории, особенно Крыма и Севастополя, превращение из второй сверхдержавы в огромную страну третьего мира, где разрушается культура, разваливается производство, не говоря уже о драматическом положении русскоязычного населения в ближнем зарубежье, — все это, безусловно, привело к глубокому кризису, который очень болезненно переживается людьми.

Нынешняя ситуация напоминает 1917 год. Тогда слабое Временное правительство не смогло быстро решить ни одну из стоявших перед ним проблем, и оно пало потому, что его никто не поддерживал. Большевики, воспользовавшись этим, пообещали золотые горы и устроили переворот. Нынешние «большевики» Аксючиц, Астафьев, Павлов, Константинов и прочие также говорят о каком-то третьем пути, также пользуются слабостью власти для пропаганды своих «коммунопатриотических» идей, обещая Великую Россию. Кстати сказать, у большевиков был хотя бы марксизм, который они собирались внедрить в жизнь. У этих же даже такой утопии нет, а есть только сильная ненависть к Америке и любовь к исламским диктаторам плюс мечты о воссоздании СССР. Об экономических воззрениях патриотов и говорить не стоит, это просто винегрет из «преимуществ развитого социализма, достижений Китая, общинного землепользования и российского протекционизма». Что касается политическ идей, то здесь есть даже такие, которые фактически направлены на окончательное уничтожение России, вернее, того, что от нее осталось. Например, та же Мяло утверждает, что в первую очередь русским надо стать нацией, иначе они погибнут. Но русские — и так великая нация, и изобретать здесь особо нечего. К тому же Российская Федерация представляет собой многонациональное государство, и если пытаться сделать его чисто русским, а не российским, от него останутся одни обломки.

Очень озабочены патриоты отсутствием особой «русской идеи». Мол, никак русский человек не проживет, если не будет идейно оснащен. В качестве таковой уже выдвигают идею «российской государственности». Но ведь никто не отрицает того, что необходимо государство как таковое. Другое дело, возведение государства в предмет поклонения и почитания — это мы уже пережили и знаем, чем все это закончится. Там, где на первом месте государство, там человек превращается в винтик государственного механизма. И не надо рассказывать нам об Америке, где, мол, все обожают свое государство. Государство — это прежде всего чиновники и налоги, а затем уже все прочие ритуалы и атрибуты. Поклонение государству — это удел чиновников, поскольку оно их кормит, а нормальный гражданин любит свою страну и почитает свою культуру. И не нужна нам особая «русская идея», у нас есть великая культура и богатейшая история, в которой достаточно оснований для любых общечеловеческих и национальных ценностей. Отрицание возможности для России перехода к рыночной экономике и демократическим институтам, о чем постоянно твердят патриоты, — это, на самом деле, неверие в свой народ, презрение к нему. Русские, да и россияне, не глупее других и вполне решат нынешние проблемы, если «патриотические» большевики не устроят в России очередную смуту.

Русская интеллигенция второй раз в течение одного века уничтожила государство, а вместе с ним и сильно обкорнала свою страну. Видимо, это и есть одно из свойств знаменитой русской души — устраивать погром в собственном доме. Причем, как обычно, снесли все почти до основания. Теперь пора строить новый, тем более что старый был действительно непригоден для жизни.

СЕРГЕЙ ПАНАРИН,
кандидат исторических наук

ВОСТОК ГЛАЗАМИ РУССКИХ

Ни одна человеческая общность, подпадающая под понятие этнической, не живет вне контактов с другими такими же общностями. Люди осознают свою самость в процессе этих контактов, соотнося себя с другими, с их непохожестью.

Какие впечатления межэтнических контактов получают в сознании народа первостепенную важность, как они отбираются и группируются — это во многом зависит от сравнительно быстро преходящей **исторической ситуации.** Что касается устойчивого историко-культурного наследия, то оно формирует само **оценочное зрение** этноса. Даже в моменты наибольшей объективности люди видят других — а в их зрачках, отраженными, себя — не такими, какими они и другие являются на самом деле. Ведь оценочное зрение народа — не отделенный от него инструмент познания, а органическая часть данной этничности, глубоко врезанная временем черта ее социально-психологического склада или **народного характера**.

Особенности оценочного зрения могут ослабевать, усиливаться, искажаться, вовсе исчезать или преобразовываться под давлением этнических интересов, рождаемых опять-таки текучей и изменчивой ситуацией. Поэтому **в контактном поведении**, иначе говоря — в способах общения с людьми «чужого» этноса (или плодами его культуротворчества) не всегда просматриваются глубинные поведенческие доминанты. Но все же именно они, коренящиеся — нередко во множественном, альтернативном виде — в народном характере, играют первую скрипку в межэтническом общении.

Многое зависит и от **позиционного уровня контак-**

тов, то есть от положения рассматриваемого района в пространстве (не столько физическом, сколько геополитическом и/или цивилизационном): будет ли контакт простым или сложным; развернется ли он на одном или нескольких уровнях взаимодействия этносов и их самосознания; даст ли положительное знание и соревновательный импульс или только укрепит завышенную самооценку этноса, которой так легко оправдывать историческую бездеятельность.

Совокупность образа, вырабатываемого оценочным зрением, и реакций на этот образ, проявляющихся в контактном поведении, есть **отношение этноса к другим этносам**. Отношение русского народа к народам, входящим в цивилизационное пространство Востока, и составляет главную тему этих заметок.

Как известно, русская (великорусская) народность сложилась в пределах Московского государства. И вот сразу же одна наша важнейшая позиционная особенность: на территории этого государства фактически совместились русская этничность и православная цивилизация. Как следствие, наши контакты совершались на двух уровнях, были одновременно и межэтническими, и межцивилизационными. В дальнейшем, начиная с петровских времен, они все более осложнялись. С обретением российского великодержавия мы сделались непременными участниками геополитических отношений, влияющих на судьбы мира. А с 1917 года русский народ стал еще и главным полем эксперимента по созданию нового общества, безразличного, поначалу даже откровенно враждебного какому-либо национальному своеобразию.

До XVII века русские довлели себе. И позже в рамках своей цивилизации мы не имели равновеликих себе участников контактов, оставаясь в положении ее единоличного лидера. Вступая в контакты с этносами, принадлежавшими иным цивилизациям, мы, по существу, не умели видеть их просто другими народами. К тому же, помимо этнокультурных и языковых знаков отличия, обычных для всех народов, мы несли на себе еще и бремя тройного величия: хранителей «Третьего Рима», строителей Империи, творцов социалистического царства Божия на Земле... Оно угнетало этнос и человека; выдержать его можно было лишь с помощью разного рода утешительных самоопределений. Так возник соблазн видеть в результатах нашего действия в истории зримые свидетельства осуществления нами особой, свыше заповеданной исторической миссии, а в национальных свойствах русских — особые свойства народа-избранника; так начало искажаться оценочное зрение русского народа и сформировались две разные культуры понимания себя и других.

Будучи людьми универсалистской христианской традиции, мы выработали культуру «этносближающую». В ней нравственные критерии стоят выше критерия национальной принадлежности. Но драматические перипетии нашей истории способствовали появлению и второй, противоречащей первой, культуры — «этноотчуждающей». В ее основе лежит языческое по сути представление о не-единоверцах и не-единоверцах как о существах, которым, чтобы полностью вочеловечиться, по-настоящему цивилизоваться, нужно стать такими же, как мы. А пока не стали — «Святая Русь» (или «земля, где так вольно дышит человек») и Иван, который кашу из топора сварит, немца облапошит, блоху подкует, превосходят иные страны и народы.

До Октября перед соблазном считать русских избранным народом не устояли многие лучшие наши умы. Но то была беда интеллигентов, не простолюдинов. Не мужик от сохи, а профессор с кафедры проповедовал о нашей высшей сравнительно с Европой **духовности** или об исключительно филантропическом характере русской деятельности среди «азиятцев». Революция смела тех, кто верил в русское мессианство — и поставила на их место тех, кто верил в мессианство мирового пролетариата. А из революции русский народ вынес опыт ранее невиданного по размаху исторического действия. Значение этого опыта для межэтнических контактов русских было огромным. Вера в свои силы, в возможность — через их пожертвование — построить новый мир стала на какое-то время стержнем народного сознания; оставшееся в народной памяти ощущение лидерства ожило с необычайной силой. По отношению к внешнему миру мы почувствовали себя первопроходцами, по отношению к внутреннему, т. е. к другим народам СССР, — учителями в деле социалистического строительства.

Именно тогда, в 20—50-е годы, среди русского народа впервые столь широко распространилось представление о собственном особом предназначении, прежде составлявшее предмет мечтательных упований лишь малой его фракции. Не только пелось «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», но и верилось в это; не только из утра в утро под торжественные звуки гимна звучали слова о старшинстве и величии «Руси», но и не проходили они мимо миллионов ушей.

То были, конечно, результаты пропагандистского воздействия, организованного тоталитарным режимом. Его эффективность оказалась высокой по двум причинам: в массовом сознании почва для усвоения мессианских идей была уже подготовлена прошлым историческим опытом народа; в идеологическом наследии имелось немало такого, что большевики могли черпать безбоязненно и даже с большой пользой для воспитания «нового человека». Они заимствовали и византийско-московскую идею священнодержавия, и «русскую идею» — идею нашего избранничества, слили то и другое с идеей всемирно-исторического служения пролетариата и оплодотворили образовавшийся гибрид одушевлением народа, на короткий миг опьянившегося самостоятельным историческим творчеством. А уж дальше внутри гибрида почти естественным образом совершались подмена за подменой: на место мирового пролетариата встал «великий русский народ» (предварительно, правда, основательно раскрестьяненный и выбитый репрессиями), на место пролетарского интернационализма образца 1848 года — уваровский патернализм «старшего брата», «русскую соборность» исподволь подменил деспотический советский коллективизм и т. п.

Официальный канон представлений о сверхвыдающейся роли русского народа в мире проник-таки в наше сознание. Добиться этого властям было тем легче, чем тяжелее было реальное положение русских людей: таким образом компенсировались невзгоды их жизни. Не случайно Россия сделалась пресловутой «родиной слонов» как раз в голодные послевоенные годы. Под влиянием всего этого наше оценочное зрение все больше превращалось из органа, впитывающего непосредственные, живые впечатления от чужой этничности, в льстивого иллюстратора утешительных мифов русских о себе. И все прочнее укреплялась «этноотчуждающая» культура понимания других.

Пока обстоятельства позволяли нам считать себя лидерами, эта метаморфоза не слишком сказывалась на нашем контактном поведении. Пребывая в убеждении, что другие рано или поздно уподобятся нам, точнее, нашему идеальному автостереотипу, мы долго могли сохранять снисходительную терпимость к непохожести соседей внутри державы и за ее священными рубежами. Но как только ослабли партийные свивальники, все круто переменилось. Мы оказались внезапно погруженными в безжалостный поток живой истории. Он подмыл и обрушил замок нашего иллюзорного величия. Нет больше СССР и коммунистического идеала, мы разом лишились и своего славного избраннического прошлого, и лучезарного воздаянного будущего. Разумеется, это не могло не затронуть и деликатную область наших контактов с другими народами, нашего отношения к ним.

Правда, здесь надо сразу же провести различие между контактами с западным и восточным миром. Оболочка благостной самоуспокоенности вечного лидера лопнула в обоих случаях; однако дефекты оценочного зрения, ставшие, по существу, частью нашего историко-культурного наследия, остались. Они лишь по-новому срабатывают в новых условиях, в том числе — предельно заостряют и прежде подспудно накапливавшиеся различия в отношении русских к народам Запада и народам Востока.

Еще совсем недавно мы по-разному величались перед Западом. В ход шли ссылки на наше великодержавие, самый передовой общественный строй, несравненную широту русской души и т. п. Втайне же мы алкали материальных благ и политических свобод, отличающих **загнивающую, мещанскую, бездуховную** западную цивилизацию. И при этом в упор не видели народы с их определенными национальными чертами, а замечали только некий набор товаров и институтов. Теперь с двойственностью отношения к Западу как с массовым явлением покончено. Воцаряется убеждение, что не они, люди Запада, должны подровняться под нас, а мы, оказавшиеся столь далекими от идеала, — под них, вживе идеал воплотивших (другое дело, что не тот, с которым мы так долго носились). Но мы по-прежнему слабо реагируем на этническую индивидуальность наших западных контрагентов, воспринимаем их по преимуществу как обобщенный тип человека, созданный удачливой цивилизацией, не знаем и даже как будто и не хотим узнать истинные человеческие черты тех, на чей образ жизни столь решительно переориентировались.

Не обретая истинного знания через оценочное зрение, которое снова нас подводит, мы не можем выработать и адекватные нормы контактного поведения. По видимости оно становится смиренным. Но, во-первых, за этим смирением, как мне кажется, скрывается самоуничижение паче гордости — мы все еще утешаемся, на манер, некогда подсказанный Чаадаевым, своим отрицательным величием. А во-вторых, смирение дается не всем. В целом же можно сказать, что наше отношение к народам Запада, во многом освободившись от мессианских претензий, пока не встало на почву реальности и потому неустойчиво, даже в чем-то истерично.

Общению русских с народами Востока были присущи те же самые черты, что и с народами западными. (Я сознательно оставляю в стороне контакты с теми из них, которые не попали в пределы СССР, и ограничиваюсь опытом общения с народами «советского» Востока. Он наиболее показателен, так как на родных просторах, не стесненные, как где-нибудь в Индии или Малайзии, жесткой необходимостью соотносить свои поступки с законами чужого государства, мы проявили все особенности этого отношения с наибольшей отчетливостью.) Но хорошо видны и принципиальные различия.

Прямые контакты с Западом всегда были у нас делом государственным или привилегией избранных. Народ в массе своей участвовал в них только тогда, когда Запад сам вторгался в пределы России — в Смутное время, в 1812 году, во время мировых войн. Преобладало, таким образом, действие реагентное, эпизодическое, организуемое и контролируемое властью. В то же время опосредованные контакты — через произведения западной индустрии, науки, искусства — с XVII века и до наших дней (за вычетом трех сталинских десятилетий) были столь интенсивными, что во многом изменили народный быт. Достаточно напомнить, что некоторые стихи английских поэтов-романтиков стали русскими народными песнями, что и водка, и гармонь пришли к нам тоже с Запада, что язык, одежда и кухня русских испытали сильнейшее немецкое, голландское, французское, английское влияние. В общении же с народами Востока объем и значение опосредованных межэтнических контактов постепенно и неуклонно падали. Начав, в эпоху симбиоза Руси со Степью, с усвоения целого ряда вещественных и институционных элементов восточных цивилизаций и

даже частично инкорпорировав тогда же и позже в состав собственного этноса некоторые ориентализированные по культуре народности Поволжья, Северного Кавказа и Сибири, мы затем все больше стремились выступать исключительно дающей, а не принимающей стороной культурного взаимодействия. Особенно это сделалось заметно в советское время, когда государственные структуры до предела «зарегулировали» сферу культурного обмена. Тут чрезвычайно показательна эволюция книжного перевода с восточных языков и на восточные. Удельный вес переводов первого рода во всей переводимой литературе достиг пика в 50-е — начале 60-х годов. Потом он стабилизировался, а с 80-х годов снижался, упав в конце концов всего до нескольких долей процента[1]. Наоборот, АПН, «Прогресс», «Мир», республиканские издательства почти до самого закрытия соответствующих редакций неуклонно наращивали объемы перевода русскоязычной художественной и пропагандистско-политической литературы, направлявшейся на Восток.

Прямые контакты с народами Востока развивались в противоположном направлении — по нарастающей. И долгое время в них очень сильной была струя народного участия. Наиболее социально активные группы русских действовали в данном случае инициативно, на постоянной основе и самостоятельно. Достаточно вспомнить о русских казаках и купцах. Правда, правительство и здесь не оставалось в стороне, но, хоть и не без колебаний, все же давало больше простору народному действию. Ермака власти сначала объявили вором — а через полвека после гибели его уже поминали в церквах. Государство прибирало к рукам вольное казачество — и намеренно насаждало его на восточных окраинах Империи. Уже в нынешнем столетии прогремела целинная «эпопея». Она была, однако, лишь самым ярким эпизодом последовательной политики, в соответствии с которой Центр систематически поощрял миграцию русских на Восток. Причем не только на географический (в Сибирь), что делало и царское правительство, но и на культурный, в Среднюю Азию, от чего самодержцы российские воздерживались вплоть до 1907 года. В результате уже через 20 лет после Октября мы выросли в первую по численности национальную группу в большинстве автономий и вторую — во всех тюркоязычных союзных республиках. В 1937 году доля русских составляла 16% в Азербайджане, 11% — в Узбекистане, 17% — в Туркмении, 20% — в Киргизии и целых 37% — в Казахстане[2].

Этот рост сопровождался, однако, резкими структурными сдвигами внутри массы русских, перемещавшихся на Восток. Социальные группы, преобладавшие среди дореволюционных переселенцев и нередко уходившие на Восток от государства и вопреки его воле, — казаки, беглецы, молокане и другие раскольники, бродяги, купцы, крестьяне, сорванные с родных мест голодом или столыпинской реформой, — были почти полностью сменены новыми участниками контактов, в своих действиях и самих перемещениях вполне зависимыми от воли и надзора своего работодателя-государства — промышленными, строительными и колхозными рабочими, управленцами, техническими и другими специалистами. Не истребленный полностью, самопроизвольный контакт был отодвинут на второй план контактом плановым; общение, рожденное естественными потребностями народной жизни, уступило место общению, в своих предпосылках искусственному, сконструированному где-то наверху, над народом, по представлениям власти о том, как должна строиться его жизнь.

Последствия были самые драматические. Во-первых, другой стала продолжительность контактов во времени, что непосредственно сказалось на их глубине и органичности. Среди прежних субъектов межэтнического общения была велика доля тех, кто рассчитывал укорениться в Закавказье, Туркестане или Забайкалье, сделать новое место жительства малой родиной для своих детей. Переселенцы советского времени в большинстве своем остались трудовыми мигрантами; они тяготели не к полному вживанию в новую среду, а лишь к временному сосуществованию с ней — пусть даже в действительности оно растягивалось на целую жизнь. Во-вторых, многие из них приезжали в качестве людей, владеющих неизвестными местному населению знаниями и профессиями. Эта изначальная функциональная заданность их пребывания на Востоке сыграла коварную роль, подкрепляя трудовой практикой идеологические клише старшинства и избранничества русских. В-третьих, новое поколение участников русско-восточных контактов в той или иной степени разделяло негативистское большевистское видение Востока.

А идеологов Кремля цивилизации народов Востока отталкивали сразу по нескольким причинам. Эти цивилизации не были ни «технологическими» (довольствовались неизменным и ограниченным набором технических приспособлений, по значимости не соизмеримых с живым трудом), ни «демиургическими» (терпеливо применялись к природной среде, а не пересоздавали ее в соответствии с честолюбивым планом творения). Они были обращены не в будущее, а в настоящее и прошедшее. Они были плодом культуротворческих усилий не передового класса, пролетариата, а классов реакционных или исторически обреченных: феодалов, священнослужителей, крестьянства. Наконец, пространство, занятое возросшими в их лоне народами, большей своей частью входило в темное царство мирового империализма, а не в светлое — социализма. Отдельным восточным этносам посчастливилось оказаться по сю сторону чудесно преображающегося рубежа, охраняемого человеком в зеленой фуражке. Но за это им должно было заплатить отречением от собственной истории и от братьев по культуре (а то и по языку), оставшихся на той, «темной», стороне. На бытовом уровне данная система взглядов хорошо сочеталась с мессианскими традициями русских и чувством их профессионального превосходства.

Даже у лучших из русских в отношении к народам Востока было нечто, задевавшее достоинство последних. Мы искренне считали их во всем равными себе. Но то было равенство людей не живых и сущих, а абстрактных, должных быть. Мы на себя смотрели как на стройматериал для будущего нового мира — и так же смотрели на них, не особенно интересуясь, насколько они в действительности разделяют наши благородные порывы.

Можно сказать и иначе. Худшие из русских или просто люди дурно воспитанные нередко считали и считают себя на голову выше всяких там «черных», «чуреков», «урюков» и т. д. Но не эти люди задавали господствовавший, открыто звучавший тон межнациональных отношений. Это делали лучшие: они полагали, что имеют место лишь некоторые, братской дружбой и интернациональной помощью устраняемые количественные различия, некое вполне преодолеваемое стадиальное неравенство. Получалось, что худшие, без колебаний принижая этнокультурную индивидуальность народов Востока, тем самым ее признавали; тогда как лучшие, движимые, казалось бы, прекрасными побуждениями, вообще игнорировали этническую самость и цивилизационную неповторимость восточных соседей, т. е., по существу, начисто отказывали другим народам в праве быть самими собой.

Описанные выше особенности оценочного зрения и контактного поведения русских в их общении с народами Востока сохраняются, к сожалению, до сих пор. Но события последних лет не прошли бесследно. На мой взгляд, их важнейшим итогом стало формирование своеобразного русского изоляционизма по отношению к Востоку, в первую очередь — к бывшему «советскому».

Проявления этого изоляционизма довольно многочисленны, назову лишь некоторые. В политически активной части русского народа довольно сильно убеждение, что восточные народы бывшего СССР не способны к усвоению демократических ценностей и институтов. Еще более широко, т. е. уже в массе русской публики, распространено мнение, будто они являются экономическим балластом на ногах славянских республик. Вывод в обоих случаях один: их надо предоставить собственной судьбе.

Существует и несколько другая точка зрения. В отличие от первой, опирающейся на неявное отношение к народам Востока как к исторически отсталым и инерционным, она уже в какой-то мере учитывает как рациональные доводы, так и интуитивные чувствования, вместе подсказывающие, что народы, создавшие восточные цивилизации, обладают не меньшей силой исторической субъектности, чем русские. Согласно ей, Россия должна отстраниться от недавних солагерников постольку, поскольку те, в процессе возвращения к самостоятельному историческому творчеству, с железной неизбежностью собьются в старую, «до-советскую» и «до-русскую», колею. Конкретно это бу-

дет означать, что все они возродят и усилят традиционные институты, подавляющие развитие независимой личности, а большинство к тому же будет захвачено волной воинствующего мусульманского фундаментализма. Вообще исламофобия, зародившаяся, по-видимому, в среде русского меньшинства на Северном Кавказе и в Средней Азии, все более грозит сделаться глубоко интериоризированным элементом сознания всего русского этноса.

Я не буду разбирать перечисленные выше положения с точки зрения их доказательности; это — отдельная тема. Скажу лишь о том, как они соотносятся с исторически закрепившимися особенностями понимания русскими себя и других.

Одна часть обоснований изоляционистского отношения к народам Востока является логическим продолжением старой идеи русского мессианства. Раньше наше призвание было, жертвуя собой, спасать других, теперь — спасаем себя; прежде мы учили Восток, ныне должны все силы бросить на ученье у Запада. Сделаем так — реализуем наши богатейшие возможности, уже делом, а не словом докажем, что «Россия обречена на величие», пусть даже величие типовое, а не уникальное. Казалось бы, никаких претензий на избранность — ан нет, никак мы от нее не можем отвязаться! Ибо полагаем: стоит нам правильно понять свою историческую задачу — и мы пересоздадим себя согласно новой цели и вопреки прошлой истории. Но что это, как не основополагающий посыл все той же «русской идеи», как не все та же упорная уверенность в абсолютной уникальности русских? Ведь полностью самосильным, не зависимым ни от внешних обстоятельств, ни от внутренних слабостей может быть только исключительный, избранный, свыше отмеченный народ...

Разделяя изоляционистскую позицию по другим мотивам, мы вроде бы солидаризируемся с теми, кто давно понимал неуничтожимость этнической самобытности и цивилизационных отличий. Однако и тут мы во многом остаемся примерными воспитанниками большевиков. Признав непохожесть народов Востока, мы пугаемся ее; она нам непонятна и неприятна; мы окружаем ее предрассудками и подозрениями и в конечном счете абсолютизируем. Мы забываем о том, что русских с бывшими «братьями» соединяло не только официальное идеологическое правоверие, но еще и связь совместного проживания, взаимных обид и взаимной помощи, что она завязалась мертвыми узлами — и через участие обеих сторон в этногенезе друг друга, и через взаимообогащение культур, и через смешанные браки, и через языковые и бытовые заимствования, даже через общую «совковость».

По существу, тут опять налицо рецидив застарелой русской болезни, болезни отрешения — в идеалистическом порыве к самосильному преображению — от собственного (и одновременно разделяемого с другими, совместно нажитого) прошлого. Мы стремимся сузить поле оценочного зрения и обеднить варианты контактного поведения. Нам кажется, что тогда у нас лучше пройдет коррекция и того и другого. В действительности же это не так, нельзя их улучшить, отвернувшись от целого культурного мира и от значительнейшей части того исторического пространства, в формировании которого мы деятельно участвовали, где оставили часть своего этноса и обрели многое из русского характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Б. Кац. Оригиналы, копии и мы //Книжное обозрение, № 33, 1991. С. 3.

2. По данным Всесоюзной переписи населения 1937 .//См.: Сборник статистических материалов 1990. М.: «Финансы и статистика». 1991. С. 20—23.

ВЛАДИМИР МИКУШЕВИЧ

ПРОБЛЕСКИ

Фрагменты из книги «Проблески» трудно выбирать потому, что вся книга состоит из фрагментов. Некоторые из них напоминают афоризмы, хотя не являются афоризмами в строгом смысле слова: афоризм изолирован и самодостаточен, а проблески непрерывно взаимодействуют, ссылаются друг на друга, иногда друг друга опровергают. Среди проблесков неоднократно встречается мысль о том, что человек не чувствовал бы себя бессмертным, не будь он действительно бессмертен, и читатель увидит, как варьируется эта мысль в разных формулировках, возвещая то блаженство, то трагизм, то комизм человека.

«Проблески» писались с 1977 по 1990 год без всякой надежды на опубликование. Книга начиналась в годы, когда не только публиковать, но и показывать ее было опасно. Некоторые проблески можно принять за наброски недописанных книг, и почти каждый из них, действительно, мог бы быть развернут в книгу, но сами проблески убедили меня, что делать этого не следует: академическая книжность исказит их, сначала заставит коптить, потом погасит. Я пришел к выводу, что философская книга всегда состоит из проблесков, и читатель инстинктивно ищет именно их. Так называемая связность изложения проистекает из желания навязать свою идею, а навязываемая идея превращается в идеологию насилия и господства. Проблески приучили меня ценить то, что приходит в голову, выше того, что выходит из головы. Головное, умышленное, надуманное противопоказано философии, как всякому другому искусству. Проблески взывают к неведомому читателю. Они рассчитаны на ответные проблески, для которых предназначены промежутки между фрагментами, так как философия — это диалог проблесков.

У кого не было ни своего дома, ни своего сада, у кого никогда не было своей звезды, тот весь век сам не свой.

Только тогда, когда нет никаких других свобод, осуществляется единственная свобода, без которой нет Руси: свобода юродствовать.

Когда все мрут от чумы, значит ли это, что чума в моде?

Раб лишь тогда вполне раб, когда общество состоит из одних рабов.

Демократия предполагает независимость всех граждан. Свой голос — это свой удел, свой надел, земельный или духовный. «Hier stehe ich, anders kann ich nicht», — вот к чему сводится демократия.

Гарантировать следовало бы не право на жизнь, а право на свою собственную, неповторимую, неотчуждаемую смерть; лишь в этом свобода личности, остальное приложится.

Россия свергла царизм, потому что никогда не признавала разных царей, оставаясь верной одному белому царю, как бы этот царь ни звался: Иван Грозный или Петр Великий.

Даже произвол тирана человечнее бюрократического безразличия.

Если Царство Божие внутри нас, вне нас царство дьявола.

Заповеди обращены к отдельному человеку: "Не убий! Не укради!» Если заповеди перевести во множественное число, отдельный человек возомнит себя исключением, которому все дозволено. Политика — искусство возможного, пока отдельный человек помнит, что можно, а что нельзя.

Тот, кто провозглашает всеобщую ответственность в политике, наверняка сам ответственен за массовое кровопролитие.

Владимир Микушевич — поэт, переводчик западной поэзии, автор литературных и философских эссе, опубликованных в журналах «Век XX и мир», «Радуга», в «Независимой газете». Мы предлагаем вниманию читателей фрагменты его неопубликовавшейся работы, написанной в необычном жанре — философско-афористической прозы.

Свободен ли тот, кто во время революции любуется закатом? Свобода — это не право, это правота.
Бог вочеловечился и был распят, чтобы испытать свободу.
Православная Церковь принимала царство второго и третьего Рима, ибо помнила, что Царство Божие не от мира сего.
Наука берется осмыслить мир и доказывает его полную бессмыслицу.
Русские пьют потому, что Россия протрезвилась.
Можно ли называть политику искусством возможного в мире, где больше невозможно никакое искусство, кроме политики?
Социализм с человеческим лицом за неимением человеческой личности.
Никогда не бывают свободны все, в лучшем случае свободен каждый.
Можно было бы утверждать, что насилие бесплодно, если бы перед глазами не мельтешил современный интеллигент, подтверждающий могущество насилия тем, что сам он — дитя насилия.
Любопытно проследить, как после всех национализаций, коллективизаций и социализаций Россия нашла современное соответствие серпу и молоту: приусадебный участок и отдельную квартиру.
Когда человеку слишком назойливо доказывают, что он свободен, человек может предпочесть рабство, лишь бы опровергнуть подобные доказательства.
От антихриста постыдный страх оказаться не как все: отпавшими единицами жертвуют будто бы ради множеств. Страх Божий: оказаться на Страшном Суде, как все, отпавшие от Бога; Бог не прощает человечества, Бог прощает человека.
Кумирам приносят кровавые жертвы, чтобы поверить в кумиры.
Акт величайшего сопротивления: когда не хватило хлеба в одной очереди, встать в другую. В данном случае подчиниться насилию значило бы остаться без хлеба. В этом смысле очередь за хлебом — всегда антиправительственная демонстрация.
Когда один человек обращается к другому, он обращается к образу Божьему, то есть к самому Богу; общенье двоих невозможно без Третьего: Третий между ними — Всевышний Переводчик.
Как бы забывая, что Христос воскрес, Андрей Платонов следом за Розановым раскапывает задушевный перегной, на котором произрастает русское православие.
Только победителей судят, побежденных просто уничтожают.
Притягательная сила марксизма в том, что марксизм приучает жертвовать свободой ради власти.
Бессмысленны все предписания для множеств. Только личность имеет значение в истории. Народ — личность, следовательно, личность стоит народа, человек стоит человечества.
Величайшее преступление террора в том, что террор обесценивает смерть.
Бессмертен тот, кто чувствует себя бессмертным.
Жизнь — это неизлечимая болезнь, от которой исцеляет воскресение.
Последовательность в политике — коллективное самоубийство. Хороший политик всегда непоследователен.
Мейерхольд Кончаловского — современная икона: образ неправедного мученика.
Революция — историческая трагикомедия: тщетное жертвоприношение.
Больше всех боится смерти тот, кому надоела жизнь.
Нация — множество, народ — единство.
Стоит верить лишь тогда, когда можно не верить. Без неверия нет веры.
Возделывать свой сад — значит переделывать современный мир.
Современный человек любит себя, как своего ближнего, потому что любить или ненавидеть можно других, а когда другие такие же, как ты, они вызывают лишь равнодушие.
Безразличие — вернейший способ убить любое мнение, поэтому безразличие нельзя считать терпимостью.
Беспринципность слишком агрессивна для того, чтобы считаться терпимостью.
Истинная терпимость доказывает свою правоту самопожертвованием, на которое не способно заблуждение.
Поступить с человеком как с биологической особью — значит убить человека.
Где нет лица, там нет права.
И живой, и мертвый принадлежат к своему народу; убитый принадлежит к человечеству.
Во имя человечества истребляют людей; убитые составляют человечество.
Эрос устремляется дальше зачатия, секс не доходит до зачатия, обходит его, избегает: символ секса — противозачаточные средства.
Зачатие ужасает, потому что в зачатии смерть.
В зачатии смерть, но зачать невозможно без веры в бессмертие.
Смерть как навязчивая идея оскопляет на время или навсегда.
Смерть — наследственное уродство; для человека смерть противоестественна.
Истребить человечество — преступление лишь потому, что при этом был бы убит Человек.
Только одно преступление тяжелее убийства: доказывать, будто лучше убить одного человека, чем двух.

Человек — Слово, народ — язык.
У человека образ Божий, у народа голос Божий.
Народ недостоин голоса Божьего, которым народ говорит. В этом трагическая вина народа.
Образ Божий говорит человеческим голосом.
Голос Божий не обретает образа Божьего в народе, ибо народ — противоборство Бога и зверя.
История — самоубийство человечества.
Бессловесное не имеет власти, поэтому бессловесное нуждается в насилии.
Бессловесное не уживается со Словом, поэтому бессловесное немилосердно.
Бессловесное вне свободы. Оно освобождает от свободы. Отсюда первый соблазн бессловесного.
Бессловесное вне веры. Бессловесное очевидно. Отсюда второй соблазн бессловесного.
Бессловесное вне жизни. Самоубийство — торжество бессловесного, его третий соблазн.
Каину наследует Хам.
В двадцатом веке впервые пришел ко власти средний человек.
Отрицая материю, Беркли подтверждает, насколько чуждо насилие духовному опыту Англии. Материя дает себя знать везде, где царит насилие. Без материи нет насилия, без насилия нет материи, так как сама материя — предельное насилие над человеческим духом.
Утопия — хамова греза, насилие — хамова явь.
У Блока Христос появляется, чтобы возвестить гибель богов.
Продавался каждый интеллигент, а купили Алексея Толстого, потому что он дорого стоил. Алексей Толстой — поэт русской реставрации, гением которой был Сталин.
Функция поэзии — напоминать языку Слово, без Которого язык умирает.

Фото Геннадия Бодрова

Нет собственности там, где человек — собственность.
Где Бог, там нет ничего, кроме Бога. Вот почему никто не видел Бога.
Род человеческий вымирает от брезгливости. Сначала организм не принимает чужеродных органов, потом пищи, потом питья и, наконец, воздуха, отравленного цивилизацией.
В искусстве есть чуждое, но нет чужого.
Кто верит в человека, тот не верит в себя.
Кто верит в себя, тот не верит себе, потому что человек есть ложь.
Верить в себя — значит верить в Бога.
Кто судит преступника, тот его соучастник.
Кто ни в чем не виновен, тот виновен во всем.
Ничего не боится лишь тот, кто боится Бога.
Страх перед настоящим расслабляет.
Страх перед прошлым ослепляет.
Страх перед будущим отрезвляет.
Человекообразные поднялись на дыбы от ярости или от похоти, но мода ходить на задних ногах еще держится среди них.
Демократия — это свобода, заученная наизусть.
Не бывает блаженства без свободы, бывает свобода без блаженства.
Свобода без блаженства — выбор между добром и злом.
Человек не верил бы в бессмертие, если бы не был бессмертен.
Если бы смерть была реальностью, не было бы ничего, кроме смерти, то есть не было бы ничего.
Православный собор — многоствольное дерево, готический собор — лес вместо деревьев.
Русский человек любит дерево и недолюбливает лес.
Для русского человека дерево стоит леса. Сколько леса нужно было вырубить для того, чтобы «во поле березка стояла».
Главная опасность нашего времени — человек, всему знающий цену.
История обесценивает все.
Когда понятие «ценность» приобретает коммерческий оттенок, остается бесценное.
Ничто так не вредит делу, как поиски идеального решения; эти поиски — алиби для бездельника и шарлатана.
Политика разрушает экономику, так как политика делается сверху, а в экономике имеет успех лишь инициатива, идущая снизу.
Трагизм только там, где свобода.
Катастрофа — не трагедия.
Донос всегда остается изнанкой официального оптимизма.
Большевизм принимает на вооружение марксизм, как дикарь хватается за камень.
Большевизм органически несовместим с марксизмом и невозможен без него.
Бесспорная власть Ленина над людьми объясняется уникальным сочетанием несбыточной утопической мечты в отношении будущего: «Золотом будут мостить уборные»— и цинического прагматизма в отношении современности (пломбированный вагон). При этом возникла своеобразная обратная связь: цинический прагматизм санкционировался и оправдывался величием несбыточной мечты, а невероятная утопия получала видимость осуществимости от цинического прагматизма. Одно с другим было связано своей извращенностью, обрекающей то и другое на разоблачение и крах, но на определенном отрезке времени лишь немногие могли противостоять завораживающей трезвости этого сочетания.
Пример Ивана Грозного и Петра Великого свидетельствует о том, что монарх не может стать диктатором; пример Юлия Цезаря и Наполеона Бонапарта доказывает, что диктатор не может стать монархом.
Человек трагичен, и человек смешон, ибо человек чувствует себя бессмертным, сознавая свою смертность.
Философия — искусство находить самого себя; поэтому философия никогда не бывает анонимной.
Отчуждение возникает, когда человек, убивая другого, перестает сознавать, что он убивает себя. Такова первая степень отчуждения.
Вторая степень отчуждения — самоубийство, когда убивают себя, как другого.
Третья, высшая степень отчуждения — смертная казнь, убийство, за которое никто не отвечает, а если отвечает, то лишь за судебную ошибку.
Отчуждение с плюсом: принятие фикции за реальность. Таков культ государства. Отчуждение с минусом: принятие реальности за идеал, то есть за фикцию. Такова идеология.
Творчество — искусство осуществлять замыслы.
Время — это сумма настоящего, прошлого и будущего. Вечность — это настоящее в настоящем, в прошлом и в будущем.

ВАДИМ КОЖИНОВ

ОЛЬГА И СВЯТОСЛАВ

Агрессивность Хазарского каганата неопровержимо доказана широкомасштабными и тщательными археологическими исследованиями 1950—1980-х годов, главную роль в которых играла археолог и историк С. А. Плетнева. В результате были досконально изучены остатки более десятка мощных хазарских крепостей, располагавшихся в IX—X веках на берегах Дона, Северского Донца и Оскола — на рубеже, проходящем несколько южнее «линии», которую можно провести через современные города (с востока на запад) Воронеж—Старый Оскол—Белгород—Харьков. Вокруг этих крепостей существовали многочисленные (их открыто уже более трехсот!) и многолюдные поселения. С. А. Плетнева доказала, что все их жители состояли на военной службе Каганата.

«Военизация населения, — говорит С. А. Плетнева в своем новейшем труде, — касалась... не только мужчин, но и женщин, многие из которых похоронены с оружием, воинскими поясами, сбруей и конями... Основной его (населения этого региона. — *В. К.*) функцией была не охрана пограничья, а проведение в жизнь наступательной политики каганата на западных и северо-западных соседей»[34], — то есть русские племена. Нельзя не подчеркнуть еще что в с е б е з и с к л ю ч е н и я хазарские крепости располагались на правом, западном — то есть русском — берегу Дона, Северского Донца и Оскола и, следовательно, были предназначены не для обороны; они представляли собой плацдармы для нападений на Русь. Наконец, около крепостей были созданы (они обнаружены и изучены) многочисленные железоделательные предприятия и мастерские для производства оружия и снаряжения воинов.

Не приходится сомневаться, что перед нами явные «следы» тех битв, которые запечатлены в древнерусских богатырских былинах, и открытия С. А. Плетневой и ее сподвижников вполне уместно сравнить с открытиями Генриха Шлимана и других археологов,

Окончание. Начало см. в № 11—12, 1992.

«раскопавших» следы той реальности, которая легла в основу древнегреческого гомеровского эпоса...

Немало сделавшая для изучения истории Древней Руси востоковед Т. М. Калинина писала еще в 1976 году, что «Хазария... ко времени Святослава практически постоянно находилась в состоянии войны с Русью, и разгром ее был подготовлен всей прежней политикой древнерусских князей»[35]. И в 950 — начале 960-х годов, пока Ольга созидала государственные и духовные устои Руси, Святослав сотворил русскую военную мощь — как ясно из последующих событий, поистине исключительную и, так сказать, заведомо непобедимую. Святослав, сообщает «Повесть временных лет», был настолько уверен в каждой своей грядущей победе, что «посылаше къ странам, глаголя: «Хочю на вы ити».

И, по-видимому, долгая деятельность Святослава, создававшего военную силу, совершалась не в Киеве, а в недоступной для хазар дальней Северной Руси, в том «Невогороде», о котором знал современник событий, император Константин, внимательно следивший за происходящим в Русской земле. Летопись сообщает: «Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совокупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ (барс), войны многи творяше». По летописи, это совершалось в Киеве, однако, как уже сказано, через полтораста лет забылось первоначальное пребывание Святослава в Северной Руси, вдали от хазарских глаз.

Между тем есть такая сторона дела, которая недвусмысленно свидетельствует, что Святослав «возрос» вдали от Ольги, — это его полное неприятие христианства. Если бы сын подрастал под рукой матери-христианки, он, по всей вероятности, как-то приобщился бы к новой религии. Но в Северную Русь христианство к тому времени еще совершенно не проникло; даже при Владимире пришлось там — в отличие от Киева — крестить людей с помощью жесткого насилия (о чем достоверно сообщает Иоакимовская летопись[36]). Более того, если про старшего сына Святослава, Ярополка, известно, что он, оказавшись по воле отца правителем Киева, по меньшей мере доброжелательно относился к христианству, то Владимир Святославич, отправленный отцом в совсем еще юном возрасте в Северную Русь, возвратившись лет через десять в Киев, начал здесь свою деятельность с воздвижения монументального языческого пантеона — и лишь много позднее обратился к вере своей бабушки Ольги.

В «Повести временных лет» Святослав, в ответ на уговоры матери принять христианство, ссылается на мнение своих воинов: «дружина моя сему смеятися начнуть». Но хорошо известно, что в составе киевской дружины уже при Игоре было множество христиан (это ясно из текста договора с Византией); естественно прийти к выводу, что мощная Святославова дружина создавалась в Северной Руси и была поэтому целиком языческой, «смеявшейся» над христианами как непонятными ей существами.

Начало военных действий Святослава против Хазарского каганата относится к 964 году. Это способно удивить, так как выходит, что «подготовка» продолжалась примерно в течение десятилетия (как доказывалось, Святослав родился приблизительно в 937—938 годах, то есть к середине 950-х годов он достиг совершеннолетия и вполне мог по тогдашним обычаям возглавлять войско). Не исключено, что Святослав предпринимал какие-либо акции против хазар и ранее 964 года, но они оказались тщетными.

По-видимому, уже после обретения зрелости (27—28 лет) Святослав выработал победную стратегию: в 964 году он, как упомянуто в «Повести временных лет», двинулся на Оку, а не на Северский Донец и Дон, где проходил общеизвестный ближайший рубеж Руси и Хазарии; то есть он совершил обходный маневр, значительно удлинивший путь войска, но обеспечивший и неожиданность удара, и направленность его в не столь подготовленный для сопротивления рубеж Каганата.

На Северском Донце и Дону, как уже говорилось, был расположен громадный военный лагерь, для которого правители Каганата «мобилизовали» и подготовили массу воинов из аланских, булгарских* и, частично, печенежских и гузских племен и всегда могли пополнять эту свою многоплеменную армию. Между тем, проплыв в 965 году по Оке и далее, вниз по Волге, Святослав напал на столицу Каганата, на его «штаб» (который и определял все возможное сопротивление), не с запада, а с севера. Он, очевидно, стремительно прошел через территорию (в районе впадения в Волгу Камы) волжских булгар, которые сами уже давно стремились сбросить зависимость от Хазарского каганата и, надо думать, не препятствовали прохождению русского войска.

«Повесть временных лет» содержит предельно краткое сообщение (поскольку речь идет о забывшемся событии полуторастолетней давности): «Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ (титул уже понимается как имя. — *В. К.*), и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежю взя».

Во многих работах «град» понят как столица Каганата Итиль (вблизи современной Астрахани), а «Белая Вежа» (башня) — как весьма далекая от Итиля крепость в низовьях Дона Саркел (что и значит «белая вежа»), которую Святослав «взя» уже на возвратном своем пути на Русь. Хотя Святослав позже действительно захватил донской Саркел, гораздо более достоверна точка зрения, согласно которой в «Повести временных лет» речь идет о двух частях Итиля — левобережном «граде» и правобережном

* Следует знать, что к этому времени имелись три «ветви» болгар-булгар: волжские, дунайские и непосредственно «хазарские» — донские.

«Саркеле» (Белой Башне), где и находилась резиденция кагана[37].

После того как Итиль был захвачен Святославом, многоплеменные войска Каганата, расположенные в различных его областях, потеряли управление и просто рассыпались: археологические исследования показали, что мощный придонской «военный лагерь» с его крепостями, о котором говорилось выше, начисто опустошился (некоторые авторы почему-то связывают это с нашествием враждебной хазарам части печенегов, которые на самом деле кочевали значительно южнее, в непосредственно причерноморской степи).

Как достаточно четко сообщают арабские источники, Святослав не ограничился взятием Итиля, а покорил также расположенные южнее и западнее хазарские центры, в частности Самандар (вблизи нынешней Махачкалы) и Самкерц (будущая Тамань), а затем уже через Дон возвратился в Киев.

Итак, Святослав совершил беспрецедентный победный поход, преодолев несколько тысяч километров, захватив целый ряд крепостей и разгромив не одно сильное войско. Была полностью сломлена мощь Хазарского каганата, который, по определению современного историка А. П. Новосельцева, до этого похода Святослава «господствовал на обширной территории Восточной Европы, где многие народы... от него зависели» и был «главной политической силой Восточной Европы»[38].

Не раз народы и государства, подчиненные Каганатом, пытались сокрушить его, но победа в конечном счете оставалась за хазарами. Так, терпели поражения от Каганата и аланы, и булгары, и гузы (торки), и касоги (черкесы), а венгры и часть печенегов «спаслись» тем, что просто ушли от Каганата на запад. Словом, в самом факте полнейшей победы Святослава выразилось нарастающее величие Руси. И поход Святослава — и по замыслу, и по осуществлению — это, конечно, деяние великого полководца.

В заключение темы стоит отметить, что из-за некоторых хронологических деталей в арабских источниках в последнее время возникло предположение не об одном, а о двух походах Святослава на хазар, — в 965-м и, позднее, в 969 году, причем второй поход состоялся уже без участия самого Святослава, но по его указанию. Это предположение, основанное, повторяю, на хронологической «неувязке» в арабском сообщении, едва ли основательно. Невозможно поверить, что Святослав, столь долго готовивший свой хазарский поход, все же не довершил его; с другой стороны, совершенно неправдоподобно, что некий второй поход был предпринят тогда, когда Святослав уже вел свою новую войну за Дунаем, к которой мы теперь и обратимся.

Достаточно широко распространено представление, что Святослав был своего рода принципиальным врагом не только Хазарии, но и Византии; это мнение как бы находит веское подтверждение в Святославовом неприятии христианства. В связи с этим, в частности, возникла и версия о будто бы имевшем место остром конфликте между Святославом и христианкой Ольгой, хотя для такого мнения и нет никаких серьезных оснований. Утверждают, например, что, достигнув зрелости, Святослав якобы насильственно «отстранил» Ольгу от власти, даже совершил-де «государственный переворот» (то ли в 960-м, то ли в 964 году). Между тем хорошо известно, что Ольга правила от имени Святослава: так, в «Повести временных лет» рассказ о правлении Ольги озаглавлен следующим образом: «Начало княженья Святославля, сына Игорева».

Несостоятельна и концепция о заведомо «антивизантийской» направленности Святослава (которая, в частности, и отделила-де его от Ольги). Едва ли не главным виновником этой версии является знаменитый византийский историк Лев Диакон, создавший повествование о событиях в Византии в 959—976 годах — повествование, один из главных и наиболее подробно изображенных героев которого — именно Святослав (что само по себе говорит о громадном значении этого русского исторического деятеля). Незадолго до того, как Святослав предпринял наступление на Хазарский каганат, 16 августа 963 года, в Константинополе начал править Никифор II Фока — один из самых выдающихся императоров за всю историю Византии. И в 964 году (то есть когда на Руси правил уже Святослав, а не Ольга) русское войско участвует в борьбе Никифора с арабами — так что говорить о конфликте Святослава с Византией нет пока никаких оснований. Далее, в 966 году, назрела война Никифора с Болгарией, и он решает пригласить на помощь Святослава (исходя, понятно, из союза своих предшественников на византийском троне с Ольгой). Для этого он отправляет к Святославу своего полномочного представителя Калокира — человека, который принадлежал к знати города Херсонеса, то есть столицы византийских владений в Крыму; здесь важно иметь в виду, что херсонесцы, непосредственные соседи Руси, лучше знали и понимали ее настроения и интересы. Для весомости посольства Никифор присваивает Калокиру один из высших и наиболее почетных византийских титулов патрикия. Кроме того, Калокир везет с собой в Киев в качестве дара огромное количество золота (около 450 килограммов).

По-видимому, в 967 году Калокир прибыл в Киев и вскоре, как сообщает Лев Диакон, «завязал дружбу» и даже принял «побратимство» со Святославом. И в самом деле, византийский патрикий, очевидно, уже не расставался со Святославом во время его последующих походов. Но далее в рассказе Льва Диакона появляется заведомое искажение реальности. Он утверждает, что Калокир-де «уговорил» Святослава «помочь ему... в борьбе за овладение престолом и ромейской (византийской) державой», обещая за это «несказанные богатства из царской сокровищницы», а также и власть над Болгарией (дунайской).

В комментарии к недавно вышедшему в Москве (в

1988 году) изданию «Истории» Льва Диакона (в его подготовке участвовали выдающийся византолог М. Я. Сюзюмов, начавший изучать наследие этого византийского историка еще в 1916 году, и Г. Г. Литаврин) убедительно показаны искажения — не исключено, что намеренные,— и тенденциозность ряда высказываний Льва Диакона. В частности, отвергается утверждение последнего, будто бы Калокир — фаворит и посланец Никифора — побуждал Святослава свергнуть этого императора. И, опираясь не только на повествование Льва Диакона, но и на корректирующие исследования современных историков, можно восстановить истинную картину Святославовых походов за Дунай (до сих пор во многих сочинениях некоторые домыслы Льва Диакона излагаются некритически).

Итак, в 968 году Святослав, «будучи мужем... — по описанию Льва Диакона, — отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров (так в Византии нередко называли русских, поскольку они жили вблизи от Тавра — Крыма. — *В. К.*). Набрав, таким образом, войско, состоявшее... из шестидесяти тысяч (это, по всей вероятности, преувеличение. — *В. К.*) цветущих здоровых мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян» (болгар). В августе 968 года войско Святослава достигло Болгарии и чрезвычайно быстро одержало победу.

Когда Святослав подплыл к Дунаю, болгары, рассказывает Лев Диакон, «собрали и выставили против него фалангу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры (русские) стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян (болгар). Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористол». Так Византия была избавлена от болгарской опасности, а сами болгары даже обратились к Никифору с просьбой о мире и о спасении их от русского войска...

Лев Диакон далее утверждает, что Святослав будто бы собирался потом вести войну уже против самого Никифора, но это, как будет показано ниже, явно не соответствует действительности. Верно другое — что Святославу пришлись по душе болгарские земли в низовьях Дуная у города Малый Преслав (в «Повести временных лет» он назван Переяславцем), и он решил обосноваться здесь. Возможно, это намерение не особенно устраивало Никифора (он мог сам иметь виды на Болгарию), но нет оснований считать, что между Святославом и этим императором возник серьезный конфликт.

Святослав провел зиму 968—969 годов в полюбившемся ему Переяславце, однако весной к нему пришло известие о том, что Киев, где находилась Ольга с тремя сыновьями Святослава, осаждают печенеги. До сих пор распространено мнение, что печенегов натравили византийцы, ибо Никифор, мол, уже стал к тому времени врагом Святослава. Гораздо более убедительна точка зрения Т. М. Калининой, полагающей, что «толкнуть печенегов на Киев» могли, скорее, в какой-то мере уцелевшие после Святославова похода «верхи Хазарии, осведомленные об отсутствии князя»[39]. Как сказано в «Повести временных лет, «то слышавъ Святославъ, вборзе вседе на коне съ дружиною своею, и приде Киеву... И собра вои, и прогна печенеги в поли (степь), и бысть мир».

Но Святослав рвался из Киева назад, на Дунай: «...хочю жити в Переяславци на Дунаи... яко ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, паволоки, вина и овощеве розноличныя, изъ Чехъ, же, из Угорь сребро и комони (кони), из Руси же скора (меха) и воскъ, медъ и челядь». Из этих слов, между прочим, ясно, что у Святослава не было планов завоевания Византии: он только хочет, чтобы к нему «сходились» ее богатства.

И далее приводятся задушевные слова Ольги, которые едва ли бы были возможны, если бы действительно существовал вымышленный некоторыми историками острый конфликт матери и сына: «Видиши мя болну сущю; камо хощеши отъ мене ити?.. Погреб мя, иди, ямо же хочеши». «По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея...» Это произошло 11 июля 969 года, и «заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвутеръ (священник), сей похорони блаженую Ольгу».

После погребения Ольги Святослав возвратился в Болгарию. Но в самом конце 969 года ситуация крайне резко изменилась. Опальный византийский вельможа, выдающийся полководец Иоанн Цимисхий совместно с Феофано — изменницей-женой Никифора — подготовил заговор, и 10 декабря император был предательски и зверски убит ночью в своей спальне.

Именно п о с л е этого ставший побратимом Святослава Калокир призвал его выступить уже не против Болгарии, но против Византии — то есть в действительности против злодея-узурпатора Цимисхия, провозгласившего себя императором; об этом убедительно сказано в современном комментарии к «Истории» Льва Диакона:

«Лев в своем повествовании объединил два похода Святослава (имеются в виду походы 968 и 969 годов в Болгарию; уже эта явная ошибка свидетельствует о недостоверности повествования Льва Диакона. — *В. К.*) в один так, что, помимо прочих недоразумений, произошло смешение целей начальной и последующей деятельности Калокира... Лишь тогда, когда Калокир получил сообщение об убийстве Никифора (напомню: своего покровителя. — *В. К.*), он решил при опоре на Святослава поднять мятеж и захватить власть... Версия о начальном этапе действий Калокира (что он будто бы побуждал Святослава бороться еще с самим Никифором. — *В. К.*), изложенная Львом, исходила от официальных кругов правительства Иоанна Цимисхия» (которое стремилось представить Святослава непримиримым врагом не нынешнего императора, а Византии как таковой). Следует знать и о «недовольстве военной аристократии (византийской) по поводу расправы над Никифором и возведения на престол его убийцы»; известны и тогдашние прямые в и з а н т и й с к и е восстания против Цимисхия. И трудно усомниться в том, что Святослав понимал войну против организатора подлого убийства Никифора (который был союзником Святослава) как требование воинской чести и долга.

Византийские хронисты и историки — прежде всего Лев Диакон — запечатлели и действия, и сам образ Святослава во время его противоборства с императором Иоанном Цимисхием; сведения русской летописи гораздо более скупы и отрывочны. Поэтому для знания и понимания личности Святослава необходимо опереться на эти первоисточники — к тому же мало известные широкому кругу интересующихся отечественной историей людей.

Правда, Лев Диакон, который в своем сочинении, написанном в 980-х годах, подробнее всех рассказал о русском князе, во многом, как уже говорилось, искажает реальность; иначе, впрочем, и не могло быть, ибо Лев, по-видимому, служил «придворным дьяконом» самого Иоанна Цимисхия в последний (975) год его правления (это доказывал знаменитый византинист К. Б. Газе) и проникся той ненавистью, которую, без сомнения, питал сей император к своему недавнему опаснейшему врагу. Тем не менее историк волей-неволей воссоздал многие замечательнейшие черты русского полководца.

Лев, о чем уже шла речь, пытается утверждать, что Святослав будто бы покушался свергнуть еще и императора Никифора (чтобы посадить на его место своего «побратима» Калокира). Однако в «Истории» Льва не приведен н и о д и н ф а к т, который доказывал бы, что Святослав действительно выступал против Никифора.

Более того: Лев сам свидетельствует, что вообще п е р в а я враждебная акция в тогдашних русско-византийских отношениях исходила не от Святослава, но от Цимисхия, который вскоре после своего прихода к власти «отрядил» к Святославу «послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян (болгар) награду (нежданно убитый император, оказывается, не успел передать эту награду. — *В. К.*), удалился в свои области... покинув Мисию, которая принадлежит ромеям... Ибо... мисяне... покинули родные места (болгары и в самом деле жили до середины VII века не у Дуная, а в степях севернее Кавказа. — *В. К.*) и, бродя по Европе, захватили... эту область (будущую Болгарию. — *В. К.*) и поселились в ней»[40].

В определенном смысле Цимисхий вроде бы был прав: придунайские земли, населенные болгарами, когда-то входили в Империю. Однако уже почти т р и с т о л е т и я на этих землях существовало независимое Болгарское царство. И Святослав имел основания ответить Цимисхию (проявив своеобразный геополитический «максимализм»), что пусть-де как раз византийцы «тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами» (русскими). В этих суждениях Святослава выразилось, между прочим, недюжинное знание истории, поскольку давным-давно, за триста лет до того, в VII веке, воинственные славянские и тюркские племена действительно почти полностью вытеснили византийцев из е в р о п е й с к о й части их Империи.

Цимисхий снова отправил послов, высказавших от его имени резкие угрозы и, в частности, напомнивших Святославу о поражении его отца Игоря под стенами Константинополя (за тридцать лет до того, в 941 году). «Если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, — угрожал Цимисхий, — ты найдешь погибель здесь со всем своим войском».

Разгневанный Святослав отвечал: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам... Мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Константинополя».

Далее Лев сообщает: «Получив известие об этих безумных речах, император ромеев решил незамедлительно со всем усердием готовиться к войне. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их «бессмертными» и приказал находиться при нем... приказал собрать войско и отправить в близлежащие и пограничные с Мисией (Болгарией) земли...»

Но выяснилось, что Святослава невозможно остановить. Весной 970 года его войско мощным стремительным броском двинулось от низовьев Дуная, пересекло Балканские горы, разметало передовые отряды Цимисхия, захватило целый ряд городов и, преодолев таким образом около четырехсот километров, осадило Аркадиополь, расположенный всего в ста с небольшим километрах от Константинополя. Здесь произошло сражение, о котором Лев пишет: «... успех битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска», но в конечном счете русские, по его словам, «обратились в бегство».

Однако многие историки выразили глубокое сомнение по поводу сведений Льва о таком исходе битвы. До нас дошло свидетельство непосредственного участника событий — византийского епископа Иоанна, который в момент приближения Святослава к Константинополю обратился с горькими словами к покойному императору Никифору, выражая тем самым неверие в победу Иоанна Цимисхия: «...восстань теперь, император, и собери войска, фаланги и полки. На нас устремляется русское вторжение».

И, надо думать, более верно, нежели Лев Диакон, рассказывает об Аркадиопольском сражении «Повесть временных лет» (цитирую в переводе Д. С. Лихачева): «И пошел Святослав к столице (Константинополю), воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь (Цимисхий) бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать, не можем ведь ему сопротив-

ляться?»... И сказали бояре... «Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань... Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою».

По всей вероятности, «Повесть временных лет» ближе к истине, ибо ведь Цимисхий безоговорочно требовал от Святослава «удалиться» на Русь, а между тем и после битвы при Аркадиополе Святослав (о чем сообщает и Лев Диакон) продолжал спокойно пребывать на Дунае.

Но Цимисхий, конечно же, слишком опасался Святослава, чтобы смириться с его пребыванием на Дунае, и начал долгую и чрезвычайно тщательную подготовку к войне с русским полководцем. Он обратился к войскам, находившимся в азиатских провинциях Византии, приказав им «переправиться через Геллеспонт в Европу и провести зиму в расположенных там зимних укреплениях... Ожидая весны, он ежедневно обучал... войско умению передвигаться в полном вооружении во всех направлениях и упражнял его в различных военных приемах»... Кроме того, Цимисхий заблаговременно «отправил на продовольственных судах в Адрианополь (город, близкий к границе Болгарии. — *В. К.*) много хлеба и корма для вьючных животных, а также достаточное количество оружия для войска».

Наступил следующий, 971 год, и весной Цимисхий повел свою армию в Болгарию: «Впереди... двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а сзади — около пятнадцати тысяч отборнейших гоплитов (пеших воинов. — *В. К.*) и тринадцать тысяч всадников. Заботу об остальном войске император поручил проедру Василию; оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины».

И эта грозная армада, вобравшая в себя всю мощь Империи, должна была обрушиться на Святослава. Тем не менее Лев Диакон не скрыл, что Цимисхий, уже познавший возможности Святослава, испытывал сильнейшие опасения. Он говорил перед походом своим приближенным, что «счастье наше поставлено на лезвие бритвы». И е д и н с т в е н н у ю возможность избежать поражения в противоборстве со Святославом Цимисхий видел в том, что нападение будет целиком и полностью н е о ж и д а н н ы м. Для этого он, в частности, потребовал провести войска в Болгарию «по ущельям и крутым теснинам». Понимая заведомое воинское превосходство русских, Цимисхий сказал: «Если мы... неожиданно нападем на них, то, я думаю, — да поможет нам Бог!.. — обуздаем безумие росов».

Как установил ряд историков, действительная неожиданность нападения могла иметь место лишь при том условии, что после Аркадиопольской битвы (которая на деле вовсе не была выиграна византийцами) Цимисхий договорился со Святославом, что оставит его в покое, признав его владения на Дунае. Именно поэтому русские никак не ожидали новой войны, и Цимисхию удалось обрушиться на них врасплох.

14 апреля 971 года довольно быстро, за два дня, Цимисхий сумел захватить болгарскую столицу Преслав, где был небольшой русский гарнизон, и двинулся к дунайской крепости Доростол, в которой в это время находился сам Святослав. Как сообщает Лев, после вторжения армии Цимисхия болгары «переходят на сторону императора», еще более увеличивая его силы.

* * *

23 апреля Цимисхий подошел к Доростолу. На подступах к крепости был первый бой: «Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях (Святослав действительно не знал ни одного поражения. — *В. К.*)... дрались, напрягая все силы». Позднее русские и оборонялись на стенах крепости, и совершали почти ежедневные вылазки из нее. Армия Цимисхия имела безусловное «техническое» превосходство, употребляя, в частности, «военные машины», метавшие камни на большие расстояния; «каждый день от ударов камней, выбрасываемых машинами, погибало множество скифов» (русских).

Но еще важнее было то громадное преимущество Цимисхия, о котором поведано в хронике византийца Иоанна Скилицы; он писал о воинах Святослава, что «на помощь им не приходилось надеяться. Соплеменники были далеко, соседние народы... боясь ромеев, отказывали им (русским) в поддержке, у них не хватало продовольствия... К ромеям же каждый день притекали, как из неисчерпаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы». Русских же «внутри города терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий».

Тем не менее ожесточенные сражения под Доростолом продолжались почти т р и м е с я ц а! Естественно, что Лев Диакон, который вообще-то отзывался о войске Святослава негодующе и даже просто злобно, все же написал: «...этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч».

21 июля 971 года «на рассвете Святослав созвал совет знати... Когда они собрались вокруг него, Святослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабли и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска... Другие возражали, утверждая, что нужно помириться с ромеями... Тогда Святослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития подчинявшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой... Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы

должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой».

Не следует удивляться тому, что византийцы были осведомлены обо всем происходящем в лагере Святослава; Лев Диакон не раз говорит о многочисленных знающих русский язык лазутчиках, засылавшихся Цимисхием в расположение русских войск (это было обычным делом в высокоразвитой византийской военной практике).

Но заветные слова Святослава переданы в «Повести временных лет», по всей вероятности, точнее:

«Уже намъ некамо ся дети (некуда деться), волею и неволею стать противу; да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, мертвыми бо срама не имамъ. Аще ли побегнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убежати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою» (позаботьтесь сами о себе).

О том, что Святослав исполнил свое обещание — «предъ вами поиду» — свидетельствовал Лев Диакон: «...выслушав речь своего повелителя, росы с радостью согласились вступить в опасную борьбу... они... построились в мощную фалангу и выставили вперед копья... с неистовой яростью бросался Святослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих» (это происходило 21 июля 971 года, а сражения под Доростолом начались, как уже сказано, еще 23 апреля).

Тогда лучший из лучших византийских воинов, телохранитель Цимисхия Анемас, «вырвался из коне вперед... устремился на предводителя росов и, ударив его мечом по ключице, поверг вниз головой наземь, но не убил. Святослава спасла кольчужная рубаха и щит». Соратники князя тут же уничтожили Анемаса и с воодушевлением «начали теснить ромеев... Но вдруг разразился ураган... поднялась пыль, которая забила им (русским) глаза (Лев далее приписывает это божественному вмешательству в битву. — *В. К.*)... Ромеи преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Святослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи... Всю ночь провел Святослав в гневе и печали... Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия ромеев (вспомним: к ним «каждый день присоединялись конные и пешие силы»), он счел долгом разумного полководца... приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете (22 июля) послов к императору Иоанну».

Святослав предложил следующее соглашение: русские «возвратятся на родину, а ромеи... не нападут на них по дороге... а кроме того снабдят их продовольствием... Император... с радостью принял эти условия» (значит, он вовсе не считал, что Святослав уже побежден и должен капитулировать без всяких условий). Для переговоров Цимисхий отправил к Святославу свое доверенное лицо — епископа Феофила.

Итак, поражения в прямом смысле слова Святослав так и не потерпел. Согласно «Повести временных

лет», он в конце сражения, «видевъ же мало дружины своея, рече в собе: «Поиду в Русь, приведу боле дружины», то есть собирался позднее вновь вступить в борьбу с Цимисхием.

После переговоров с Феофилом Святослав пожелал встретиться с самим императором — вероятно, захотел увидеть в лицо своего упорнейшего противника. Лев Диакон рассказал, как Святослав подплыл в ладье к берегу, у которого на коне, «покрытый вызолоченными доспехами», ожидал его Цимисхий: «Он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них... умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый... широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные... Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Так подробно (здесь приведены к тому же далеко не все детали) изобразил византийский историк Святослава, чувствуя, что он призван запечатлеть облик одного из величайших полководцев. Предельную простоту Святославова бытия отметила, как известно, и «Повесть временных лет» (перевод Д. С. Лихачева): «...не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах».

Тот факт, что русский полководец, не победив Цимисхия, все же и не потерпел действительного поражения, ясно выразился еще и в следующем: после описанной встречи с императором в конце июля 971 года он, очевидно, еще долго находился на Дунае. Ибо на не столь далеком Днепре Святослав оказался уже поздней осенью. У грозных днепровских порогов его поджидали печенеги...

Иоанн Скилица сообщает, что ранее Святослава на Днепр прибыл посол Цимисхия — уже упомянутый Феофил. Скилица уверяет, что, согласно договоренности Святослава с Цимисхием, Феофил должен был, в частности, предложить печенегам «беспрепятственно пропустить росов», но те, мол, «отказались» это сделать, недовольные-де примирением Святослава с Цимисхием. Едва ли можно верить этой версии; она, скорее всего, выдумана ради прикрытия низкого коварства Цимисхия[*], который только что оказал Святославу знаки высокого уважения. И, надо думать, Феофил, напротив, даже заплатил печенегам за нападение на возвращающегося на Русь Святослава.

Воевода Свенельд, о котором шла речь выше, убеждал Святослава: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». Но гордый полководец не захотел обходить опасность. Правда, он отложил свое возвращение в Киев до весны, — вероятно, потому, что Днепр уже замерзал: «И остановился зимовать в Белобережье (у устья Днепра. — *В. К.*), и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав. В год 972, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку».

Ясно, что голодная зимовка окончательно подорвала силы уцелевших в войне с Цимисхием Святославовых воинов. Печенеги же, по своему поверью, стремились воспринять из сделанной им «чаши» великую воинскую мудрость и доблесть погибшего полководца...

Но византийский император не надолго пережил своего русского соперника: не прошло и четырех лет после гибели Святослава, и в начале января 976 года узурпатор Цимисхий, против которого не раз составлялись заговоры, был, согласно сообщению Льва Диакона, отравлен одним из своих приближенных. На византийский престол взошел законный император Василий II — внук того самого Константина Багрянородного, который в свое время заключил тесный союз с Ольгой. И при Василии союзные отношения Византии с Русью были восстановлены; есть сведения, что уже в 980 году сын Святослава Владимир отправил в Константинополь дружественное посольство.

* * *

Подводя итоги рассказа об Ольге и Святославе, хочу еще раз возразить тем историкам, которые так или иначе «противопоставляли» этих деятелей.

М. В. Левченко справедливо писал, что, хотя Святослав не смог победить Цимисхия (ибо, как писал этот византинист, «будучи отрезанным от своей родины, не получая подкреплений, он должен был сражаться со всеми силами византийской армии в период ее наивысшего расцвета, когда она, бесспорно, была наиболее хорошо организованной и обученной армией Европы и находилась под командованием одного из лучших своих полководцев»), все же именно при этом князе, «разгромив хазар» и продемонстрировав свою военную мощь в противоборстве с Цимисхием, «Русь становилась первостепенной политической силой и, по существу, добивалась гегемонии в Восточной Европе». Однако далее М. В. Левченко утверждал, что «политика Святослава была глубоко отлична от политики Ольги», которая созидала внутренние государственные и духовные устои Руси[41].

Разумеется, между Ольгой и Святославом были определенные разногласия (так, мать очень огорчало его неприятие христианства, и она, очевидно, считала ошибкой его попытку прочно обосноваться в дунайском Переяславце). И все же, как я стремился доказать, сам поход Святослава на Дунай был естественным порождением того самого прочного союза с Византией, который утвердила именно Ольга. Сподвижник Иоанна Цимисхия Лев Диакон исказил реальность, пытаясь приписать Святославу агрессивные намерения в отношении пригласившего его на помощь императора Никифора. Святослав, начав затем борьбу против Цимисхия, предательски убившего его союзника Никифора, очевидно, полагал, что он действует вовсе не против истинных интересов Византии; нельзя не упомянуть, что в 988 году, через шестнадцать лет после гибели Святослава, когда на Руси правил его сын Владимир, в Византии вновь возник военный заговор против тогдашнего законного императора Василия II, и, как писал тот же М. В. Левченко, «Владимир... без промедления послал шеститысячный отряд... в Константинополь. Этот отряд явился вовремя, чтобы изменить ход войны и спасти Василия II»[42] (вскоре император отдал свою сестру Анну в жены Владимиру).

Словом, действия великого полководца Святослава совершались в конечном счете именно в том «направлении», основу коего заложила Ольга: союз с Византией, но союз, при котором Русь выступает и как сильная самостоятельная держава, имеющая свою собственную политическую волю.

И вполне уместно заключить, что во времена Ольги и Святослава, благодаря различным по своему характеру, но все же в конечном счете устремляющимся к единой цели действиям этих, без сомнения, великих созидателей, в судьбе Руси впервые ясно обозначились черты великой державы[43].

[*] Это было типично для Цимисхия: так, став императором исключительно благодаря помощи жены Никифора Феофано, он тут же отправил ее в ссылку на пустынный остров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., 1959. С. 149, 161.
2. Назову (в хронологическом порядке) только некоторые из них, имеющие обобщающий характер: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962; Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962; Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966; Плетнева С. А. От кочевнй к городам. М., 1967; Плетнева С. А. Хазары. М., 1976; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979; Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1986; Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982; Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983; Маяцкое городище. М., 1984; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989; Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культовые комплексы Маяцкого городища. Воронеж, 1991.
3. Сахаров А. Н. «Мы от рода русского». Рождение русской дипломатии. Л., 1986. С. 263.
4. См. подробно в моей работе: История Руси и русского Слова. /«Наш современник», 1992, № 6—12.
5. См.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 435.
6. Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 41.
7. См. подробно в моей указанной выше работе.
8. Артамонов М. И. Воевода Свенельд./Культура Древней Руси. М., 1966. С. 30—35.
9. См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 62.
10. Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии. /«Византийскнй временник». Т. XVIII. М., 1958. С. 85—104.
11. См.: Бартольд В. В. Сочинения. Т. II (1). М., 1963. С. 845 (работа «Арабские известия о русах»).
12. Половой Н. Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. /«Византийский временник». Т. XX. М., 1961. С. 90—105.
13. Талис Д. Л. Из историн русско-корсунских политических отношении в IX—X вв./Византийский временник». Т. XIV. М., 1958. С. 106.
14. Сахаров А. Н. «Мы от рода русского...». С. 215—216.
15. Ариньон Ж.-П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги. /«Византийский временник». Т. 41. М., 1980. С. 118.
16. Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди /Вопросы нсториографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 67.
17. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М.,1962. С. 163.
18. Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской данн (опыт критического комментария летописного сюжета. /«Русская литература», 1974, № 3. С. 167.
19. Топоров В. Н. Работники одиннадцатого часа — «Слово о законе и благодати» и киевские реалии. /«Russian Literature», XXIV—1. Amsterdam, 1988. С. 24.
20. Архипов А. А. Об одном древнем названии Киева./История русского языка в древнейшии период. М., 1984. С. 224—240.
21. Пекарская Л. В., Зоценко В. Н. Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979—1981 гг./Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев, 1985. С. 135.
22. Литаврин Г. Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь. /«История СССР», 1981. № 5. С. 173—183.
23. Назаренко А. В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь?/«Византийский временник». Т. 50. М., 1989. С. 66—83.
24. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 201.
25. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре./Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 54.
26. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 45, 310.
27. См.: Литаврин Г. Г. Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора /Византийские очерки. М., 1982. С. 71—92.
28. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 67.
29. Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и временн крещения княгини Ольги./Древнейшне государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 49—57.
30. Бейлис В. М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в./Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 21—31.
31. См.: Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. I. М., 1991. С. 75—92.
32. См.: Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.
33. Назаренко А. В. Попытка крешения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в./Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 24.
34. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 278, 282.
35. Калинина Т. М. Сведения ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава./Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 96.
36. Достоверность этого сообщения подтверждена в работе: Янин В. Л. Летописные источники о крещении новгородцев /Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 49—55.
37. См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 192—193.
38. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. М., 1990. С. 3, 89.
39. Калинина Т. М. Цит. соч.. С. 97.
40. Здесь и далее цитирую по изданию: Диакон Лев. История. М., 1988.
41. Левченко М. В. Цит. соч. С. 274.
42. Там же. С. 289—290, 355.
43. Ср. подробный рассказ о Руси IX—X вв. (в частности, о ее противоборстве с Хазарскнм каганатом в моей работе «История Руси и русского Слова» (журиал «Наш современник», 1992, № 10—12).

ПРОГУЛКА ПО ЯУЗЕ

Фото Г. Смирнова и П. Максимова

Прогулка по Яузе от ее устья к истоку — это путешествие в историю Москвы, историю ее культурной жизни, архитектуры. Отправимся в путь. Неподалеку от площади Яузских ворот (ворот Белого города, крепости, снесенной в XVIII веке), там, где проходила дорога на Коломну и Рязань, в XIV веке был поставлен один из сторожей Москвы — Андроников монастырь. Здесь митрополит Киприан встретил Дмитрия Донского, возвращавшегося с Куликовской битвы. В монастыре работал Андрей Рублев. В XVII веке деревянные стены с башнями и воротами заменили каменными.

В XVIII и начале XIX века прежние слободы ремесленников, расположившиеся по берегам реки неподалеку от монастыря, начали вытеснять церкви, дома и дворянские усадьбы, архитектуру которых авторы путеводителя «По Москве», изданного летом 1917 года, назвали поворотом к современному западноевропейскому искусству. Для окрестностей Яузы это было время, когда впервые появилась мысль о благоустройстве, когда берега реки подняли, сняли запруды и мельницы, когда там устраивались такие великолепные усадьбы, как Найденовская, Баташевская.

В рамках поворота к мировой цивилизации (но не России, а правящей элиты) в XVIII веке развивалось и романтическое направление. Романтики обращались не к Европе постРенессанса, а к готике, средневековой Европе. Однако с тридцатых годов XIX века, после Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов, требовавших по образцу европейских стран отмены крепостного права, официальные круги предпринимают попытку создать «свой», национальный, «русский» стиль. Его памятниками являются, в частности, больницы, расположенные в Сокольниках, Воскресенская церковь (там же). В «русском стиле» (в его официальном варианте) можно легко обнаружить ту же тягу к запредельному, что и в готике. «Русский стиль» выдвинул имена, хорошо известные и в советское время, например имя академика А. В. Щусева, автора претенциозных проектов Ярославского и Казанского вокзалов, а заодно и Мавзолея В. И. Ленина.

Но «западники» не остались в долгу. В начале XX века в Россию двинулось модернистское зодчество, провозглашавшее культ кривой линии, преобладание пятна над формой. Вспомнили и о классицизме. Идеологом этого «нового поворота к старому» был И. В. Жолтовский. Здания нового классического стиля, видимо отвечая вкусам городской верхушки, преимущественно премировались Городским общественным управлением. Премировались постройки Жолтовского и в советское время.

После Октябрьского переворота на средней Яузе, выше Электрозаводского моста, строились здания авангардистов. Одно из них — клуб фабрики «Буревестник» архитектора К. В. Мельникова, чье имя прочно вошло в историю мировой архитектуры. Но авангард, давший прекрасные образцы в США и Западной Европе, был успешно изжит в нашей стране руситами и классицистами под флагом борьбы с формалистским, чуждым советскому народу буржуазным искусством.

Е. ВЕРЕДИН

Ворота Андроникова монастыря.

Воскресенская церковь.

Больница в Сокольниках (ныне туберкулезная клиническая больница № 7).

Представляем журнал «Вольное слово»

В череде эмигрантских изданий «Вольное слово» занимает особое место. Небольшие, карманного формата, удобные для «контрабандного» провоза через границу брошюры переправлялись из Франкфурта-на-Майне, где печатались в издательстве «Посев», в пределы «свободной» России. Переправлялись самыми разными способами нарочной почты: смельчаками, которые не боялись таможенных церберов, на кораблях, возвращающихся из плавания, в «дипломатах» дипломатов, в неуклюжих портфелях выездных литераторов и ученых. Выпуск за выпуском составлялась библиотечка избранного «самиздата»...

Выпуск 22-й составлен по материалам Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН). Здесь впервые печатаются записи следственных показаний и допроса на суде В. Огурцова, одного из руководителей ВСХСОН. Опубликованы программные документы организации, список литературы, изъятой КГБ у членов ВСХСОН. Тем, кто изучает проблемы общественного развития в России, этот выпуск поможет разобраться во многих вопросах.

Нам кажется, что, несмотря на обилие публикаций на тему запретной «самиздатовской» литературы, о многом еще не известно. Вот почему хотелось бы напомнить о вроде бы канувшем в лету «Вольном слове». Полностью найти этот журнал-бюллетень сегодня очень трудно.

Разве что в библиотеке КГБ?

Представляем один из материалов «Вольного слова» нашим читателям.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ МИХАИЛА САДО 3.12.1967

Суд над М. Ю. Садо и другими руководителями ВСХСОН проходил в Ленинграде. По статье 72 УК РСФСР (антисоветская организация) Садо был приговорен к 13 годам заключения, из них — к 5 годам тюрьмы.

— Граждане судьи!

Я обвиняюсь в очень тяжком преступлении — в измене родине. Эту измену я совершил, как следует из материалов следствия, организовав вместе с сидящими здесь моими соратниками заговор с целью свержения советской власти и установления буржуазного режима. Для этого была организована антисоветская организация «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа». В чем, на мой взгляд, особенность нашего дела и где ключ к разгадке преступления? Если все, что мы делаем, можно назвать преступлением.

Возрастной ценз лиц, привлеченных к уголовной ответственности по данному делу, от 18 до 43 лет. Ни один из нас не судим ранее. Из 28 участников организации — двадцать имеют высшее образование и один — среднее. Все это дети советских рабочих, служащих, интеллигенции, офицеров. Все родились в России, учились в советской школе, в советских вузах.

Что же случилось с нами? Что заставило нас, каждого в отдельности, стать на путь борьбы с советской властью?

Я думаю, что прежде всего мне надо рассказать о себе.

...Родился в 1934 году в Ленинграде в семье чистильщика обуви. Родители мои были неграмотными. По национальности я ассириец. Вы, конечно, знаете, что ассирийцы осели в России в основном в период первой мировой войны 1914—18 годов и, тесно связанные, как христиане, с единоверцами-русскими, обрели здесь для себя родину. И я, как в свое время Пушкин, ведущий свой род из Эфиопии, не представляю себя без России, без русского языка, без культуры русской...

Россия для нас, ассирийцев, стала второй, а скорее всего, единственной родиной. К сожалению, родина эта подчас оборачивалась для нас злой мачехой. Распространившиеся по стране в 1937 году необоснованные репрессии захватили и ассирийцев. Почти вся интеллигенция и большинство мужчин старше 30 лет были арестованы и в основном истреблены. Были закрыты наши школы, прекратилось издание книг, даже газеты, между прочим, единственной. Репрессии коснулись и нашей семьи. Был арестован отец, два маминых брата и мой дед. Остался жив только отец, отсидевший 16 лет. В 1956—57 годах все они были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Я опущу рассказ о тяготах своей жизни, о смерти матери, ибо задача моя — не разжалобить суд, а обнажить перед вами факты, одни только факты.

В школу я поступил поздно. Причина — война, ленинградская блокада. В первый класс я пришел только в 1944 году, в седьмом — вступил в комсомол, в 1952 году, увлекшись спортом, стал чемпионом Ленинграда по классической борьбе. К концу школьного образования почувствовал повышенный интерес к истории и литературе. К остальным наукам был равнодушен, тем более что все ведь тогда было более просто. По биологии, например, нас учили, что вся эта наука держится на четырех столпах: Тимирязев, Вильямс, Мичурин, Лысенко. Помню также, что ветвистая пшеница академика Лысенко обещала нам сказочные урожаи с гектара. Но я этих урожаев так и не видел, хотя часто бывал в колхозах Кубани и Украины. На уроках литературы нас кормили Сталиным в огромных порциях, и знакомство с литературой народов СССР сводилось к изучению произведений безграмотного акына Джамбула и такого же ашуга Сулеймана Стальского.

На уроках истории нас уверяли, что без Сталина Октябрьская революция победить не смогла бы, и всем, буквально всем, даже жизнью, мы обязаны только Сталину. Поэтому, когда Сталин умер, я был уверен, что со дня на день произойдет что-то невероятное. Я никогда не видал Иосифа Виссарионовича. Мне хотелось увидать его хотя бы мертвым. С несколькими школьниками-товарищами я сбежал из дому, уехав на похороны вождя в Москву. Впечатление от этих похорон, где люди давили друг друга, как в преисподней, осталось у меня на всю жизнь.

Осенью 1954 года я был призван в армию и попал в парашютно-десантные войска. Участвовал во множестве учений. Был поднят по тревоге во время венгерских событий. Видел атомный взрыв.

Во время учений, которые проходили в Ярославской и Костромской областях, часто бывал в деревнях и всегда поражался безысходной бедности, нищете их.

Церкви, часовни, монастыри были в запустении, разваливались. Во многих церквах размещались склады горючего, различные кладовые, мастерские. У меня это выливалось в нестерпимую боль за поругание русской культуры. В 1956 году нам, солдатам, было прочтено Постановление ЦК о культе личности Сталина, в 1957 году, когда я уже вернулся в Ленинград, повсюду только и говорили об антипартийной группировке Маленкова, Молотова, Кагановича и других. Потом, помню, состав нового Политбюро приезжал в Ленинград на празднование 250-летия города.

Вместе со многими ленинградцами я стоял на Невском у Дома книги и приветствовал этот кортеж. На душе было неспокойно: ведь анафеме предавались люди, которые долгие годы были рядом со Сталиным, имена которых составили нашу историю.

«Что же происходит?» — задавал я себе вопрос. Но разобраться было некогда. Надо было сдавать экзамены в университет.

В студенческой среде все новое, происходящее в стране после разоблачения культа, воспринималось эмоционально и проявляло себя в бурном самовыражении. Тогда взахлеб читались Ремарк и Хемингуэй, книга Дудинцева «Не хлебом единым», диспуты по которой носили очень бурный и острый характер.

Насколько студенты болезненно воспринимали культ личности, свидетельствует то, что любой диспут в конце концов сводился к проблеме культа, к его критике и очень часто выливался в требование: сурово наказать виновников репрессий.

Такая литература, как «Письмо к Сталину» Раскольникова, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и т. д., не могла не производить впечатления. Лично я был захвачен этой трагедией. Трагедией эпохи. К сожалению, мы все скоро увидели, что это не конец трагедии, а только ее начало. Вслед за культом Сталина уже начинался культ Хрущева.

И положение в стране еще более ухудшилось.

Рабство, авантюризм, бесхозяйственность, несправедливость так и кричали на каждом углу.

Промышленные производства были захламлены. Перерасход сырья стал обычным явлением. Хищение, взяточничество приняли колоссальные размеры. В реках гибла рыба, в лесах — зверье, сельское хозяйство являло картину полнейшего разгрома. Колхозники зарабатывали в месяц по 25—30 рублей, а труд их был ужасающим. Я сам видел, как эти бедные люди с утра до ночи ползали на четвереньках под дождем, убирая картофель. И тем не менее, картофельные поля часто оставались неубранными. А в это время Хрущев со своей семьей разъезжал по миру, произносил идиотские речи, которых не мог не стыдиться ни один уважающий себя русский. Недовольство росло. Произошло повышение цен на мясо и молочные продукты, пшеница стала покупаться за рубежом. Это Россией-то! Последовали авантюры с денежной реформой, государственными займами.

В стране создавалась напряженная обстановка, приведшая к массовым выступлениям против советской власти в Новочеркасске, Караганде, Тбилиси, Краснодаре и других местах.

Я был уверен, что мы стояли тогда накануне внутренней катастрофы, которая могла разразиться стихийно в любой момент и бросить страну во внутренний хаос.

Скажите, граждане судьи! Что в этой ситуации должен был делать сын своего отечества? Россия — мое отечество. Моя мать. Мог ли я спокойно смотреть, как гибнет моя мать?

О ленинградском процессе ВСХСОНовцев см. «Посев» № 50/1967, № 1/1968; № 11/1972; «Хронику текущих событий» № 1 (Спецвыпуск «Посева» № 1). — Ред.

ИВАН ЗАБЕЛИН

«ВРЕМЯ—ОТЛИЧНОЕ»...

(ИЗ ДНЕВНИКА: ФЕВРАЛЬ 1861 — МАЙ 1865)

Историк Иван Егорович Забелин (1820—1908) известен нам прежде всего как великолепный исследователь русского быта, кропотливое изучение которого ученый считал залогом объективной оценки и громких, и незаметных исторических событий. В этом убеждают основные его работы: «Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетии», «Домашний быт русских царей», двухтомные «Материалы для истории, археологии и статистики Москвы», «Альбом старинных видов Кремля». Научное наследие Забелина опубликовано и хорошо изучено, однако в архиве историка хранятся бумаги, до сих пор не предававшиеся огласке. Речь идет о дневниках и записных книжках, которые были начаты только что «вырвавшимся из тяжких объятий Сиротского дома» молодым человеком, а завершены седовласым старцем, авторитетным историком, директором Исторического музея.

Как бы ни менялся характер записей, как бы ни «взрослели» они с годами, Забелина всегда отличала самостоятельность суждений. И хотя в дневнике он и замечал, что «трудно быть независимым», ученый никогда не приспосабливался ни к мнению общепризнанных авторитетов, ни к модным направлениям в науке, литературе и философии. Юношеские размышления о жизни, которую молодой Забелин старался строить на «человеколюбивых отношениях» среди «бесконечной драки», где «кто калач добывает, кто генеральский чин, кто звезду», сменяются зрелыми наблюдениями над происходящим, раздумьями о русской истории и ее «персонажах»: Иване Грозном, Петре Великом, Екатерине II.

Смысл русской истории Забелин видел прежде всего в освобождении личности. Обостренное чувство человеческого достоинства, желание независимости и уважения к каждому обусловливают главную тему забелинских размышлений: человек на почве русской истории, понимание личностью законов своего развития.

1861 г. Февраля 18. Время теперь интересное и надобно записывать. Народ говорит по всем улицам, что позвали царя, видите ли, в Сенат нарочно не в законное время. Константин[1], ловкий парень, сметил в чем дело. Поскакал в Сенат. Застает: царь уже раздетый донага стоит на коленях и просит пощады. Константин размахал всех, порубил и спас царя. Чуден и царь. Чтобы ему нам сказать, управьтесь мол с дворянами. Мы повытрясли бы из них кур-то наших, что сбирали-то они с нас.

Другой рассказ у моей кухарки. Царская кухня уже приехала. Ждут царя, и гвардия уже пришла в Москву. Царь пойдет в собор, отслужит обедню и станет читать волю. Подле него справа будут стоять дворяне, а слева и около собора гвардия. Чуть дворяне пикнут, их тотчас гвардия начнет стрелять и колоть.

Февраля 19. Был у Кетчера[2]. Рассуждали о теперешних делах и направлениях. В Варшаве смута. Кажется, в первый раз газеты предупредили молву, т. е. вовремя напечатали известие об этом.

1861. Марта 5. Только встал, горничная принесла давно ожидаемую волю, т. е. манифест, утверждающий свободу крепостных. От души порадовался и умилился было до слез.

Поехал было в Кремль, но уже ничего не застал. Все пусто. Еще при выезде из дому встречались на улицах читающие и, вообще, встретил довольно интересующихся, один даже, ехавший на извозчике, читал... Только что пришел домой, является Бабст[3] и говорит, что они — Чижов[4], Солдатенков[5] и другие решили собраться у Самарина в трактире в 9 часов вечера. Потолковали о том, как плохо написан манифест, какое неумение говорить с народом.

Вечер провел дома, а в исходе 9 отправился. Дорога прескверная. Измучился ехавши. Застаю в небольшой комнате толпу, которая потом стала дальше и больше увеличиваться и, наконец, дошла до 32 человек. Грачов, Кетчер, М. С. Щепкин, Николай, Петр Щепкины, А. Станкевич, Василий и Константин Бодиско, братья Корши, Н. Ф. Павлов, Дмитриев, Николай Попов, Афанасьев, Пикулин, Мин Д. Е., Касаткин, Любимов, Солдатенков, В. Е. Раев, Алексей Иванович Хлудов, Назаров, Петров, товарищ его, т. е. председателя Коммерческого суда, Богданов Алек. Фед., Чижов, Бабст, Оболенский, кн. Юрий Якунчиков, еще какие-то незнакомые[6].

Пока готовили ужин, шли толки о том, кто что слышал, как принялась воля. Грачов говорит, что всю Москву изъездил, был в Покровском даже по самым трактирам и нигде ничего, ни слуху ни духу, ни оживления, ни энтузиазма, просто смирно необыкновенно, как ничего не бывало. Рассказывали, что рассуждали два мальчугана. Видел, говорит один, волю; видел, вот что прибита к столбу (объявление). Нет, брат, эта маленькая, а я, брат, видел большую-большую, т. е. самый манифест.

Сели за стол, первый тост за царя. Ура, ура, ура. Затем хлопотавший больше всех Назаров начал речь. Такое хорошее дело, вы все ему сочувствуете, так надо его ознаменовать с нашей стороны каким-либо добром, добрым делом. Из нас всякий имеет дворовых в услугах, своих или наемных. Так цена их выкупа за два года — 60 рублей. То пусть каждый из нас завтра же отпустит или выкупит по одному дворовому. Согласны? Все молчат. Итак, завтра каждый отпустит, выкупит или вообще даст средств к этому непременно. Он так назойливо и нагло наступал с своими предложениями, ходя от конца стола до другого, крича во все горло, что, полагаю, не одного меня, но всех это возмутило. Меня это просто ошеломило. Я чувствовал самое деспотическое насилие, ибо чувствовал всю неспособность, бессредствие исполнить его предложение, не смягченное ни одним словом в пользу бедняков, т. е. таких же крепостных, которых во имя идеи они должны были освобождать, повергая себя еще в большую кабалу. Ни одного намека о том, что далеко не все из сидящих могли пожертвовать разом 60 рублей. При этом Назаров утверждал также, что за одного мужчину должно выкупить три женщины — они дешевле, т. е. или одного мужчину, или три женщины. Это было смешно. Дмитриев, сидевший против меня, заметил мне смеясь, как ценится у нас женщина, даже в таком образованном обществе. Не помню, что и как кричал дальше Назаров. Он закусил удила и орал, и орал, и дошел, что лучше де лист бумаги и собрать подписку. Явился лист. Назаров к первому обратился к Солдатенкову, тот отказался сделать почин. Назаров к Хлудову, тот перекрестился и подписал 500 рублей. Бумаге следовало течь по порядку сидевших, но Назаров взял лист и к Солдатенкову, выговаривая приличные речи и Хлудову, и Солдатенкову, что они всегда так движутся на благо и добро и что-то в этом роде. Наглость, возможная только в каком-либо губернаторе, произвела свое действие, у многих лица стали вытягиваться, осовываться. Наступил на горло, врасплох, нежданно — вот что выражали эти лица. Оно понятно. Во-первых, мы далеко не все были купцы, а затем, большею частью не были купцы в том смысле, чтоб служить подтиралкой какого-нибудь молодца наезжего. Да и собрались мы наиболее затем, чтоб сообща порадоваться, повеселиться, а не растрясти карман. Не могу сказать, чтоб кому-либо уж очень жаль было денег. Через силу очень никто не подписал. Но главное то, что все это произведено было в возмутительнейшей форме. Нелепость и возмутительность Назарова в том именно заключается, что он наглостью своею, нахальством в самом начале отнял у каждого из нас его добрую волю, инициативу, подчинил все это своей назойливости и произвел грабеж, у каждого отнял кошелек, приставляя ко лбу пистолет, т. е. благое дело для дворовых. Ни у кого язык не мог поворотиться против благого дела, между тем все чувствовали, что они

нравственно изнасилованы. Лица вытянулись, сконфузились. Я ощущал себя откупщиком или купцом, призванным на обед к губернатору Назарову с целью выудить из моего кармана на благое дело. Я ощущал себя совершенным дураком, тупицею, волом, которым распоряжается какой-то погонщик. Мне, наконец, жаль было денег, не тех пяти рублей, что я подписал, а тех пяти рублей, что я записал за ужин. Это было очень высоко против моих средств и совершенно против моих инстинктов. Я не барин-мот и не купец-кутила, в каждом моем рубле есть моя собственная кровь, каждый рубль — мой палец. Весь вечер был втоптан в грязь губернатором Назаровым. Кетчер мне заметил, зачем ты, говорит, заплатил. Тебе не следует. Отчего ж, почему это не следует? Это н е с л е д у е т и обнаружило взгляд на меня как на крепостного. Разве это не величайшая крепость — не иметь возможности заплатить за себя и есть на чужой счет. Где ж тут свободное лицо, освобожденная личность? В подобных сборищах у меня всегда ныло и стеснялось болезненно сердце от этой крепостной зависимости, от недостатка средств быть равным с другими. Страдать от того, что это равенство вводит тебя еще в горшую крепость, в горшее порабощение, ибо сравнявшись, т. е. заплативши за ужин 5 рублей, ты думаешь, что несравненно разумнее было бы отдать эти 5 рублей, например, бедной Наталье Петровне, Настастье, Пелагее Васильевне и всем другим беднякам, какими я окружен. Мысль, что так дорого для тебя стоит хорошее, умное общество, за беседу с которым ты должен платить не по средствам — эта мысль возмущает все твои инстинкты, все стремления, ставит тебя в разряд аристократов-кутил, к которым питаешь полную ненависть, а в то же время сам и приносишь жертвы и дани.

Все мы с демократическими направлениями, все мы страшные демократы, а на деле — те же помещики, те же баре и барченки, бросающие деньги, цены которым не знаем, т. е. знаем, но как моты сорим ими, чтоб после пресмыкаться за эти же рубли перед заимодавцами или дрожать за кусок хлеба пред службою, начальством, редактором и всяким сильным почему-либо лицом.

1 8 6 1. О к т я б р ь. 4, с р е д а. Память о Грановском[7]. Вчера я сказал Грачову, чтоб заходил ко мне утром вместе идти по обыкновению на кладбище. Часов в 10 приходил Грачов и Касаткин. В Мещанской части, говорят, стоят жандармы, готовые куда-то выходить. Я говорю, может быть куда на богатые похороны. Вообще я плохо верил, что соберется на кладбище военная сила, по поводу разнесшихся слухов, что туда придут студенты говорить речи. В то время, как мы вели разговор в нашем уютном доме о том, как помогли нам с Грачовым в развитии разные демонстрации и политическая жизнь, которую мы вели года два-три в этом заведении — вдруг влетает Кетчер с встревоженным лицом, с каким-то испугом и говорит второпях, что жандармы, солдаты в части собрались. Не может быть, говорит, это смех. Вы, господа, говорит, смейтесь со студентами, да держите на привязи язык Пикулина. Приезжаем. Все обыкновенно, народу очень мало, человек 5—6 студентов. Где ж народ, против которого собрано войско, вопрошал я. Впрочем, и войска еще не было. Стали съезжаться профессора. Потолковали кой о чем. Покурили. Приближалось время, когда поп приходит петь на могиле литию. Нечаянно глянул я на шоссе — вижу, действительно, толпы, и весьма значительные, студентов — идут! Пришел и поп, отслужил литию, пропел вечную память. Все стали на своих местах, в ограде. Не прошло и 10 минут, как повалили в ограду студенты. Вперед они внесли корзинку, весьма красивую, полную цветов. Разбросали по могиле кругом памятника. Видимо, между ними были распорядители, которые, наконец, остановили вход в ограду. Но зато желавшие попасть на могилу начали перелезать чрез ограду. А на ограде повис народ — мужики, мальчишки — смотрят. Народ, само собою разумеется, пришел за войском, не было бы этого действия полиции, никому и в голову не пришло бы зевать, кроме ближайших огородников и кладбищенских жителей. Войска привлекли любопытных. Я забыл сказать, что еще прежде, когда мало еще съехалось даже и профессуры, приехал Сечинский[8] и еще человек пять, полицмейстеров что-ли, или частных, в белых касках, вырос и квартальный. Войдя в ограду, на могилу, Сечинский держал речь, что он явился сюда по приказанию Павла Алексеевича Тучкова[9], посмотреть, что будет, что Тучкову не угодно, чтоб здесь говорились речи, что, впрочем, он, Сечинский, так распорядился, чтоб не опоганить, или что-то в этом роде, могилу Грановского присутствием полиции. В толпе студентов, стоявшей у памятника, наконец кто-то стал читать. Содержание читаемого, сколько я расслышал, стоявши тут же, заключалось в похвале Грановскому, в воспоминаниях о его высоконравственном влиянии на молодежь. Является какой-то пьяный господин, вроде отставных поручиков, назвавший себя, впрочем, также студентом, и начинает спич. Вы, господа, собрались на могилу великого мужа, который знаменит был своим либеральным направлением. Либеральные идеи приносят плоды, все больше и больше распространяются. Многие было двинулись к нему, но сейчас же убедились, что это пьяное слово. Студенты сейчас закричали: господа, отойдите, не слушайте. Многие шикнули и заметили оратору — что вас де ошикали, следовательно, должно замолчать. Наконец, Кетчер взял его под руку и отвел. Весьма немудрено, что это был подставной огонь для скоропаления и воспаления толпы — говорить речи. Толпа устояла от соблазна.

Студенты дождались попа, который явился с причтом и отслужил панихиду. После панихиды началось новое чтение. Не прошло 10 минут, явился обер-полицмейстер Крейц[10]. Засуетился квартальный, подбежал к Сечинскому, чтоб дать ему знать, что начальство приехало. Что-то они поговорили как бы на ухо, про себя. Затем Крейц пошел к могиле. Только он вступил в ограду, раздались сплошные крики: не мешайте, не мешайте. Вышли за ворота — стоят жандармы рядом 12 человек и 3 казака, к воротам ближе — человека 4 или пять офицеров, жандармский, наяривающий свою лошадь, и прочие пешие в белых касках. Студенты толпою остановились при выходе на шоссе поджидать всех своих товарищей. Дождавшись всех, толпа двинулась и спокойно пошла в город. Я за нею. Полиция догнала нас на повороте в Мещанскую и разъехалась по этим улицам. Крейц по Салтыковскому, Сечинский — по 2-й, кто-то — по 3-й Мещанской и т. д.

Мы по обычаю отправились к Кетчеру. Я завернул на минуту домой, где была уже весть о том, что происходило. Александра Александровна, престарелая дева, случайно попала на кладбище и наткнулась на толпу студентов и войско. Пришла в ужас, прибежала встревоженная, бледная и рассказала, что студентов тысячу человек в разных страшных костюмах с огромными палками, дубинками в руках, других ведут под руки, так они пьяны. Вот как составляются рассказы и свидетельства о событиях. Она испугалась и в страхе ей все привиделось. Солдаты, говорит, с ружьями наголо, блистают, сверкают.

1 8 6 1. О к т я б р ь, 1 3. Пятница. Сидел все дни дома и ничего не знал, что делается. Александра Александровна принесла весть, что студенты шумели в университете, побили Исакова[11] и полицмейстера выгнали вон. Полиция явилась, была свалка и шесть человек студентов убито[12]. Володкович подтвердил, что его знакомого Григоровича всю голову размозжили.

2 0 я н в а р я 1 8 6 5 г. Обедал у Станкевича. Спор с Кетчером о положении женщины. Я один отстаиваю, и меня поражает его педантизм, не желающий поставить с собой рядом прекрасную половину. По-моему, она должна быть гражданином свободным. Она сама остановится там, где положит ей границу физиология. Она, говорят, мать. Как будто всякая женщина мать. Мать не променяет детей на должность министра, а если и променяет, то все лучше, чем меняет теперь на балы и выезды.

1 8 6 5 г. 3 0 я н в а р я. Лопатин[13] рассказал, что дворянское движение коснулось и сенаторов, что они как-то приподнялись... Сенаторы изменились. Ругают царя при всех подлецом. Мы, говорят, его возвесили, а что он такой же, как Александр I, шельма. Он очень хорошо знает, что окружен плутами и дураками, и держит все это.

1 м а р т а. Личность без успеха гаснет, если дело не созрело. Если же созрело, то она торжествует... Большею частию успех имеют люди практические, т. е. своего рода политики или плуты. Наполеон, Петр, Лютер и т. д. Петр рожден предыдущим развитием и есть его отрицание, как Наполеон, Цезарь, отрицание республик. Они велики больше потому, что им все удавалось, а удавалось потому, что все было готово идти за ними. Когда так настроено общество, тогда всякий, даже беспутный овладевает его вниманием и даже может сделаться на минуту гением, вождем. Иногда общество ищет вождя, и первый наглец приобретает успех.

1 3 м а р т а 1 8 6 5 г. Зашел разговор уже не первый раз о нигилистах. Я ...высказал, что в нигилизме не вижу особенно худого. Все на меня напали. Говорю, что у большинства это фразой начинается и фразой оканчивается, с молоду мало ли что входит в голову. Пойдет настоящая жизнь, все перемелет. Например, я сам был наполнен всяким сумасбродством... Вообще нападали на разврат мысли и поступков нигилистических. Но не говорили, каких поступков. Я сказал, что для меня все равно: нигилистка и лицемерка — одно другому соответствует. Елена Константиновна[14] стала защищать, что у лицемерки есть хоть внешняя нравственность, т. е. привычки, правила, которые ее сохранят. Оказывается, лицемерие нужно всем вместо нравственности. Говорили о религиозном чувстве, которое сохраняет человека. Но когда я рассказал, что всегда прихожу в умиление и слезы на глаза навертываются, когда везут Иверскую и толпа народа снимает шапки и молится, какой хохот разразился, унять было нельзя. Вот, я говорю, нигилисты-то. О чем же, спрашивается, толкуем. Сами многое уже претворили в ничтожество, отбросили, а все еще ратуем против таких же нигилистов, только более последовательных, откровенных и прямых. Эти последовательность и откровенность и не нравятся нам. Нет, я говорю, все идет как следует, и нигилизм вещь не совсем дурная. Уж одно то, что он порасшатает некоторые авторитеты, а что люди гибнут, так каждая идея жрет людей, целые поколения гибнут, и без этого ничто не возрождается в жизни.

А п р е л ь. ...Зашел разговор о только что напечатанной пьесе Островского «Свои люди — сочтемся». Я высказал, что вообще это не суть уж великое произведение, затем о купцах отозвался, что все они мошенники, наиболее потому, что купечество поначалу есть узаконенный грабеж и разбой. Были тут В. П. Боткин[15] и Кузьма Солдатенков. Спор поднялся рьяный, запальчивый. Боткин советовал мне заняться изучением Адама Смита. Я говорю, что он-то и учит разбою и грабежу, ибо учит, как богатеть за счет других, как увеличивать богатство. Были все против меня.

4 м а я. У Станкевича был Боткин. Судили о настоящем времени. Он заметил, что нет художника, чтобы изобразить эпоху, типы. А материал богатый. Либералы, крепостники, нигилисты и прочие. Вообще, еще помещичий быт не изображался.

Время идет скоро. Еще скорее уносится куда-то жизнь. Дни и годы, которые, казалось, так трудно было переживать, которые так долго тянулись в напрасных ожиданиях, исчезают, наконец, без всякого следа. Лично для себя, пожалуй, чувствуешь утрату сил, какую-то усталость: прошла весенняя жажда, с которой бросался во все стороны...

МАРК АЛДАНОВ

ГОЛЛАНДСКИЕ ДОМИКИ

О значении и цене реформ Петра I спор идет уже не одно десятилетие. Но публикуемый ниже фрагмент из неизданной у нас книги Марка Алданова настраивает читателя на совсем иной лад. Мудрое спокойствие алдановского повествования о Великом посольстве высвечивает главное в деятельности Петра — его созидательную работу на благо России.

Город Саардам, по словам путеводителя, живет лесным промыслом. С некоторым правом можно было бы сказать, что это неверно: город Саардам живет — Петром Великим.

Отчасти это видно из самого названия города. В действительности город всегда назывался и называется Заандам. Понемногу корень Заан (название реки) превратился в отзвук слова царь, — как у нас Саарское Село стало Царским Селом. Привез меня в Саардам пароход «Czaar Peter». На главной площади города стоит памятник Петру. Магазин называется «Handelshuis Czaar Peter». Идут к «Czaar Peter Huisje» [домику царя Петра] по «Czaar Peter Straat» [улице царя Петра] и т. д.

Как Петр попал в Саардам?

Величайшая победа Петра над шведами произошла под Полтавой — в географическом отношении это столь же неестественно, как если бы важнейшее сражение во франко-германской войне произошло под Бордо или под Монпелье. Почти так же удивительно и то обстоятельство, что московский царь оказался в Голландии, да еще в деревне (Заандам стал городом только в 1811 году), которая, вопреки указаниям некоторых историков, отнюдь не была наиболее подходящим местом для изучения кораблестроительного дела и ремесел. По словам старого голландского историка, записавшего местные предания и имевшего в своем распоряжении рукописные материалы, выбор Саардама был чистой случайностью.

Что привлекло Петра в Голландию? Она была, как известно, самым прочным из всех его увлечений. Петр не был, разумеется, ame slave, но, казалось бы, дух тихой, бесхитростной, ласковой Голландии был вполне чужд его бурной и необузданной натуре. Собственно, у него с голландцами была только одна общая черта: трудолюбивая практичность. По-видимому, в Нидерландах Петр и нашел свой идеал деловитости. Всякий «национальный характер» — сфинкс; и всякий газетный «передовик» — Эдип этого сфинкса. Но если уж рассуждать о национальном характере голландцев, то основная черта его, вероятно, в любви к труду, в деловой цепкости. Черта эта и в ту пору сказывалась с такой же силой, как теперь.

Я видел в Амстердаме новую часть города. Это явление поразительное, к сожалению, недостаточно известное в других странах. Пять лет тому назад здесь на лугах паслись черно-белые голландские коровы. Теперь великолепные улицы застроены превосходными домами в новом, очень своеобразном стиле. Современная голландская архитектура, быть может, уступает американской, но в Европе, кажется, ей нет ничего равного. Создана новая часть города в последние пять лет совместными усилиями муниципалитета и частных лиц. Однако об э т о й пятилетке не ходят в мире восторженные легенды. Вероятно, в местных газетах о ней в деловом порядке споров и толков было немало; но голландцы не кричат на весь мир, что они создали новую жизнь и начали новую эру в истории человечества. А они могли бы многое показать и не только в области городского строительства. Стоит назвать только работы по осушению Зюидерзее. Огромное водное пространство отделено плотинами от моря, вода выкачивалась только электрическими насосами: для крестьянского населения должно освободиться около 600000 акров необычной по плодородности земли — приблизительно десятая часть ныне обрабатываемой территории! Голландцы говорят, что они и без всякой войны приобретают новые провинции. Расходы по осушению моря превысят 10 миллиардов франков! Думаю, что эти работы стоят разных Днепростроев, и мифических, и полумифических, и даже немифических. Но своих работ голландцы на экранах кинематографов, к сожалению, не показывают. Построили в несколько лет новый великий город, осушили море, отвоевали у него землю для крестьян — чем же тут особенно хвастать? Люди работают, только и всего.

Один французский писатель сказал, что весь мир создал Господь Бог, но Голландию создали голландцы. Это было трудное дело. Как известно, Голландия лежит ниже уровня моря и защищена от наводнений сложнейшей системой плотин, имеющих, кстати сказать, и стратегическое значение. Весь план защиты страны основан на возможности затопления любого участка ее территории: он, в самом крайнем случае, предусматривает затопление Гааги и Роттердама, оставляя, в качестве последнего убежища голландской свободы, окруженный наводнением Амстердам! Разумеется, это план чисто теоретический; никто, к счастью, не собирается воевать с голландцами. Но они с гордостью повторяют слова, будто бы сказанные Вильгельму II, незадолго до войны, их королевой. Германский император на смотру хвастал своей гвардией: «Каждый мой гвардеец шесть футов роста». На что королева якобы ответила: «Для завоевания Голландии этого мало: вот если б они были восьми футов, было бы, пожалуй, достаточно: наше наводнение будет в семь футов глубины». С такой же гордостью голландский ученый Итта говорит, что их электрические лампочки Филипс, завоевавшие весь мир, созданы голландским трудом целиком из чужого материала: «стекло, металл, дерево — все привозное, наша только пустота внутри лампочек да еще энергия нашего народа». Это и есть дух Голландии, и многому могли бы у нее поучиться другие западноевропейские страны, немного утомленные своей пышной великолепной историей. Сколько лет, например, мы слышим о великом африканском железнодорожном пути, который общими усилиями должны соорудить Англия, Франция, Германия! К нему и не думали приступать, хотя «безработица и отсутствие рынков душат Европу». Сколько лет мы слышим о туннеле под Ла-Маншем. Готовый разработанный план проваливают по военным соображениям, хотя «Англия никогда больше не будет воевать». Да, собственно, большинству европейских правителей и некогда этим заниматься: девять десятых их энергии уходит на то, чтобы держаться у власти. Какие уж тут большие замыслы, когда в четверг опаснейшая интерпелляция?

Дух Голландии — трудолюбие и свободная от саморекламы деловитость. Вероятно, это и привлекало к

«Руссия, Московия и Тартария» Антверпенское издание карты Антонио Янкенсона (1570 год). Университетская библиотека. Амстердам.

Домик царя Петра в Заандаме (Амстердам), где 4 ноября 1988 года открылась небольшая экспозиция, посвященная русско-голландским связям.

* Печатается по изданию: Алданов М. А. Земли, люди. Берлин. 1932.

ней Петра. Он тоже не был рекламистом и безграничио верил в человеческий труд.

Ключевский говорит: «Под прикрытием торжественного посольства, в свиту которого замешался и Петр под вымышленной фамилией, снаряжена была секретная воровская экспедиция с целью выкрасть у Западной Европы морского техника и техническое знание». Не знаешь, чему приписать это замечание знаменитого историка: то ли общей его язвительности или полускрытой враждебности к личности и к делу Петра? Что же было дурного в погоне за техническим знанием? Выкрасть техника? Мастеров и ученых нанимали открыто, нельзя же было вывезти тайно девятьсот человек. Воровская экспедиция? Все всегда покупали за наличные деньги — от картин Рембрандта до «младенцев в спиртусах» из анатомического театра. Вымышленное имя Петра? Конечно, это была маленькая комедия. Петр в течение всей поездки называл себя то плотником, то царем. В Кенигсберге бранденбургский электор Фридрих, впоследствии прусский король, принимал русское посольство. Этикет был чинный: электор сидел на троне в шляпе и приподнимал шляпу всякий раз, когда Лефорт в своей речи произносил его, электора, имя. Лефорт от имени делегации говорил речь, Петр «инкогнито» стоял в свите. По окончании речи Фридрих осведомился, здоров ли царь; Лефорт без запинки ответил, что оставил царя в Москве в добром здоровье. Но после торжественного приема тот же электор уединился для разговора с «Петром Михайловым». Конечно, псевдоним Петра не вводил в заблуждение ни королей, ни плотников. У Андрея Нартова есть очаровательный рассказ — в стиле голландской живописи — о саардамском романе Петра (о нем рассказывает в одном из своих писем и Лейбниц): «Его Величество хаживал с товарищами в Саардаме после работы в один винный погреб завтракать сельди, сыр, масло, пить виноградное вино и пиво, где у хозяина находилась в прислугах одна молодая, рослая и пригожая девка». — Петр уверял девку, что он плотник Михайлов. Девка упорно не верила: слышала, мол, что не плотник, а король Питер. — «Государь, желая скорее беседу кончить, говорил: «Любовь не разбирает чинов, так ведай, я московский дворянин». — «Тем хуже и неприличнее для меня, — отвечала она, — вольного народа свободная девка не может любить дворянина; я сердца своего ему не отдам». При сем слове хотел было он ее поцеловать, но она, не допустив, пошла от него прочь. Государь, видя, что иначе разделаться с нею не можно, как сказать яснее, удержал и спросил ее: «А саардамского корабельщика и Русского царя полюбила бы ты?» На сие, улыбнувшись, весело сказала: «Это, Питер, дело другое. Ему сердца не откажу и любить буду»[1]. Какая же это была хитрость, если вымышленное имя царя не ввело в заблуждение никого, от бранденбургского электора до «вольного народа свободной девки».

Большого практического значения саардамская работа Петра не имела. Вольтер пишет, что царь работал плотником два года. Другие иностранные историки так далеко не идут: говорят, два месяца или семь недель. В действительности Петр в Саардаме пробыл ровно восемь дней — от 18 по 25 августа 1697 года. За это время никакому ремеслу он на Саардамских верфях, конечно, научиться не мог (да он еще в России знал четырнадцать ремесел). Порою преувеличиваются и те «сокровища знания», которые вывезли из Европы взятые туда Петром молодые люди. Один из них (отправленный в Венецию) просидел все назначенное ему время в своей комнате, ибо считал грехом общение с басурманами. Другой так описывал памятник Эразму в Роттердаме: «Сделан мужик вылитой медной с книгою в знак тому, который был человек гораздо ученый и часто людей учил, и тому на знак то сделано».

Но если практическое значение путешествия Петра, быть может, несколько и преувеличивается, то его символический смысл достаточно очевиден. Разумеется, я никак не собираюсь здесь, в небольшом очерке, поднимать вопрос о Петре, все еще не исчерпанный после трудов Щербатова, Карамзина, Соловьева, Кавелина, Костомарова, Ключевского, Милюкова, Платонова и вновь встающий перед каждым русским поколением. Спор о Петре не сводится к борьбе «славянофилов» и «западников», будь это в старом или современном значении обоих слов. Если сто лет тому назад левый западник Белинский вслед за Вольтером был восторженным поклонником Петра, то ведь в настоящее время вождь левого и западного направления русской политической мысли считается в исторической науке его противником (имеется в виду П. Н. Милюков.— *Ред.*). С другой стороны, Петр имел горячих почитателей среди славянофилов. Со всем тем он, конечно, стал фигурой огромного символического значения.

Это было очень живописное, почти фантастическое посольство. Среди скромных голландских купцов, среди бедных голландских ремесленников неожиданно появились странные люди, носившие в августе собольи шубы поверх раззолоченного длинного платья, люди в высоких меховых шапках, при саблях, усыпанных драгоценными камнями. За ними следовали семьдесят гайдуков, нарочно отобранных в Москве по гигантскому росту[2], выпивавшие в день, к ужасу и изумлению голландцев, три бочонка пива и тридцать огромных кувшинов водки, затем калмыки, в каких-то еще более странных костюмах, — и кого только не было еще! И тащил это посольство с собой повсюду — на верфи, на фабрики, в кунсткамеры, в больницы, в анатомический театр — великан со странным лицом, в красном коротком бостроке, «как одеваются ватерлантские жители», зачем-то называвший себя плотником, — «голос сиповатый, не тонок и не громогласен, лицом смугл, ростом не малым, сутуловат; когда от пристани идет до церкви, из народу виден по не малому росту, головою стряхивал: токмо один его великан цесарец выше был полуаршином»[3].

Вот и он, домик, — символ, крошечный, покривившийся, едва держащийся под своим каменным колпаком. Почтенная голландка выходит из садика, получает плату, предлагает открытки — и начинает объяснять: здесь Петр спал, здесь он работал и т. д. Историки не считают безусловно доказанным, что царь жил именно в этом домике, — это лишь п о ч т и достоверно: традиция и большинство историков указывают, что Петр поселился у кузнеца Геррита Киста; но запись лютеранской общины того времени говорит, что «Petrus Alexeewitz magnus Dominus Tsar et Magnus Dux Moscoviae» [Петр Алексеевич, царь и великий государь и великий князь Московский] жил у ремесленника Тисена. Вдобавок, устная традиция о пребывании Петра в Саардаме заглохла в середине XVIII века. Домик переменил несколько владельцев. Продавался он очень дешево: за 178, потом за 200 флоринов; исторической достопримечательностью он стал лишь после того, как его посетили Павел Петрович и император Иосиф II. Позднее побывал в домике и Наполеон I. «L'Empereur examine tout sous paraitre y prendre le moindre interet» [Император осмотрел все, что здесь показано, и не проявил ни малейшего интереса]: у него и собственных исторических мест было достаточно. А после окончания наполеоновских войн домик приобрел голландский король Вильгельм: его сын и наследник в ту пору женился на великой княжне Анне Павловне. Голландский король поднес в подарок своей невестке домик Петра Великого, купленный им у ремесленника Бюльзинга за шесть тысяч флоринов. Вероятно, тогда же была выгравирована и надпись: «Niets is den grooten Man te klein», равно как и русский перевод, сделанный, должно быть, каким-нибудь голландским филологом: «Ничего главному человеку мало».

Домик описывался много раз: две комнаты, огромный камин-очаг, лестница, три стула, широкое окно, стены, испещренные, как водится, надписями. Преобладают надписи на иностранных языках, но есть и русские, очень старые. «Отцу отечества Петру благодарный Стефан Савин 1827-го майя 4—16»... Есть любопытные записи и в книге. В старину какой-то швед добился у сторожа разрешения провести ночь в домике и написал на этот случай стихи, а к ним добавил: «Dans le meme lit ou reposa Pierre Alexiewitz moi aussi jevais gouter les douceurs du repos» [На этой самой постели, на которой почивал Петр Алексеевич, я тоже отдыхал с наслаждением].

Изречений самого Петра здесь не видно. Жаль: он был превосходный стилист — в нем, как в Иване Грозном, не получил развития и оценки замечательный писатель. Его письма и приказы особенно хороши деловитостью, трезвостью, сжатостью. Из Парижа он пишет жене о визите семилетнего Людовика XV: «Объявляю вам, что в прошлый понедельник визитовал меня здешний королище, который пальца на два более Луки нашего (карлика), дитя зело изрядная образом и станом, и по возрасту своему довольно разумен, которому семь лет». В Германии, как свидетельствует «Юрнал», Петр осмотрел комнату, где «Мартын Лютор в дьявола чернильницу бросил, и те чернила будто тут на стене доднесь остались». «Тутошние пасторы» просили царя расписаться в книге. Петр осмотрел пятно на стене и сердито написал: «Чернила новые, и совершенно сие неправда»[4].

Этот домик — символ идеи, которую и теперь приходится доказывать, как двести пятьдесят лет тому назад. Разумеется, не только света, что в окне в Европу; однако своим появлением здесь, позднее в Лондоне, в Вене, в Париже, один из самых замечательных людей русской истории сказал (не первый, конечно), что Россия — часть европейского мира и русская культура — часть европейской культуры. Петр учился ведь не только у плотников, но и у Лейбница.

Выхожу из домика — едва ли опять когда-либо попаду в эти места. Крошечный канал кончается, начинается «главная улица». На углу сюрприз. Здесь только что были выборы. Висит плакат с цифрой 8 и надписью «Kiest List Communisten»: призыв голосовать за коммунистическую партию. В витрине портрет лысого человека, всем нам, к счастью, знакомый.

Я, все-таки, не думал, что он популярен и в Саардаме!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрей Нартов. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. Сборник отд. русск. яз. Т. 52. 1891.
2. Один из них, «гренадер, мочной, плотной, бывалый в Москве часто на боях кулачных» свалил knock outom в Лондоне знаменитого боксера: «не допустив его до себя, вмиг кулаком своим треснул англичанина по нагбенной шее в становную жилу».
3. Никита Кашин. Памятники древней письменности. 1895.
4. Рус. Старина. Октябрь 1901. С. 226.

В ГОСТЯХ У Л. ТОЛСТОГО

Во время работы в архивах с материалами, относящимися к пребыванию семьи Романовых на Южном берегу Крыма, нам встретился документ, который сразу привлек к себе внимание своим заголовком — «Мои свидания с гр. Л. Н. Толстым 26, 31/Х и 3/XI 901»[1]. Несколько страниц, исписанных мелким, малоразборчивым почерком, часто с неоконченными фразами, свидетельствовали о том, что автор торопился записать свежие впечатления от встреч с великим человеком в Гаспре. Документ тем более интересен, что написан известным в свое время историком, великим князем Николаем Михайловичем Романовым, двоюродным дядей Николая II.

Это о нем у Горького в воспоминаниях «Лев Толстой» есть такие строки: «Сегодня там был великий князь Николай Михайлович, человек, видимо, умный. Держится очень скромно, малоречив. У него симпатичные глаза и красивая фигура. Спокойные жесты. Л. Н. ласково улыбался ему и говорил то по-французски, то по-английски».

Николай Михайлович был старшим сыном великого князя Михаила Николаевича, наместника на Кавказе, брата императора Александра II. Как все великие князья, имел военное образование, был командиром 16-го Гренадерского Мингрельского полка. Однако известность приобрел не на военном поприще, а яркими и серьезными научными исследованиями по русской истории XVIII-XIX веков.

Об уникальной образованности и широте взглядов Николая Михайловича, пожалуй, лучше всего сказал его брат, один из ярких представителей династии Романовых, великий князь Александр Михайлович, отличавшийся, кроме того, строгой объективностью в оценке своих родственников: «Я не знаю никого другого, кто мог бы с большим успехом нести обязанности русского посла во Франции или же в Великобритании. Его ясный ум, европейские взгляды, врожденное благородство, его понимание миросозерцания иностранцев, его широкая терпимость и искреннее миролюбие стяжали бы ему лишь любовь и уважение в любой мировой столице. Низменная зависть и глупые предрассудки не позволили ему занять выдающегося положения в рядах русской дипломатии, и вместо того, чтобы помочь России на том поприще, на котором она более всего нуждалась в его помощи, он был обречен на бездействие людьми, которые не могли ни простить ему его способностей, ни забыть его презрения к их невежеству. С этой точки зрения жизнь его была прожита без пользы».

Осенью 1901 года Николай Михайлович приехал на две недели в Крым погостить в южнобережном имении «Ай-Тодор» великого князя Александра Михайловича. Известие о том, что по соседству в Гаспре отдыхает Лев Толстой, вселило надежду на осуществление старой мечты — личного знакомства с писателем.

На просьбу Николая Михайловича позволить ему навестить Льва Николаевича, последний тотчас откликнулся приглашением. В публикуемых ниже воспоминаниях Николай Романов подробно рассказывает об этой встрече.

Встреча в Гаспре имела продолжение в многолетней переписке. Началась она с письма Николая Михайловича, в котором он просил писателя дать ему совет по сугубо интимному вопросу. Публикуемый текст письма нуждается в пояснениях[2]: в нем речь идет о княгине Елене Михайловне Барятинской — последней любви великого князя. В ранней молодости он влюбился в принцессу Викторию, дочь своего дяди великого герцога Баденского. Однако православная церковь не допускала браков между двоюродными братом и сестрой. Виктория вышла замуж за будущего шведского короля Густафа Адольфа, а Николай Михайлович на всю жизнь остался холостяком. Вторая любовь также не принесла ему радости. Свою роль здесь сыграло резко отрицательное отношение царской семьи к морганатическим бракам.

По просьбе Толстого специально для «Хаджи-Мурата» Николай Михайлович направил изданную им серию «Русские портреты XVIII и XIX столетий» — ярких, но строго документальных биографий государственных деятелей того времени, таких, как М. С. Воронцов, А. И. Барятинский, а также редчайшие архивные матералы, связанные с войной на Кавказе, труды Кавказской археографической комиссии. Историческим трудам великого князя Лев Николаевич давал самую высокую оценку и принимал их от него с неизменной благодарностью.

Через Николая Михайловича Толстой передал непосредственно Николаю II свое знаменитое обращение о путях решения земельного вопроса в России[3].

Дружеская переписка неожиданно чуть было не прервалась после письма Толстого от 14 сентября 1905 года, где он в довольно резкой форме предлагал Николаю Михайловичу больше не писать друг другу: «Вы великий князь, богач, близкий родственник государя, я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом. И что-то есть для меня в отношениях с Вами неловкое от этого противоречия, которое мы как будто умышленно обходим. Спешу прибавить, что Вы всегда особенно любезны ко мне и что я только могу быть благодарен Вам...»[4].

Интересно сопоставить это письмо с другими, отправленными Николаю Михайловичу в октябре 1905 года и феврале 1908 года[5]. Последнее полно мудрости и печали великого старца перед лицом приближающейся смерти:

«Очень благодарю Вас, милый Николай Михайлович, за доброе письмо Ваше. Мне теперь совестно вспоминать о моем письме <1905 года>. Вызвано оно было тем, что я что-то писал резкое и недоброе о царской фамилии. И думаю о себе: общение с Вами — и такое недоброе отношение к близким к Вам людям... Теперь бы я не писал этого. Вы не можете себе представить, как изменяется жизнь, приближаясь к старости, т. е. к смерти. Я именно чувствую, что рост духовный идет как бы пропорционально квадратным расстояниям от смерти, все лучше и лучше. Надеюсь, что Вы доживете до этого и испытаете это. Теперь мне дороже всего любовное отношение со всеми людьми, безразлично, кто они: цари или нищие. Поэтому для меня Ваше доброе письмо, уничтожившее то нехорошее отношение, которое вызвало мое письмо, было для меня особенно дорого. Душевно благодарю Вас...».

Жизнь великого князя Николая Михайловича трагически оборвалась после Октябрьской революции. На просьбу М. Горького сохранить жизнь Н. М. Романову как талантливому ученому-историку Ленин ответил отказом[6]. 18 января 1919 года он, вместе с тремя другими великими князьями Романовыми, был расстрелян в Петропавловской крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Российской Федерации (большой). Ф. 670. Оп. I. Ед. хр. 487.
2. ГА РФ. Ф. 670. Оп. I. Ед. хр. 140.
3. Л. Н. Толстой. ПСС., т. 73, С. 184. Письмо Николаю II от 16.01.902.
4. Там же. Т. 75. С. 31-32. Письмо великому князю Николаю Михайловичу от 14.09.1905.
5. Там же. Т. 75. С. 36. Письмо великому князю Николаю Михайловичу от 06.10.905. Т. 78. С. 72-73. Письмо великому князю Николаю Михайловичу от 28.02.1908.
6. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 325.

Мои свидания с графом Л. Н. Толстым

26, 31.X и 3.XI 1901.

Николай II с семьей в Крыму

Желая давно увидать и познакомиться с гр. Л. Толстым, мне представился этот очень удобный случай. Я две недели гостил у брата Александра в Ай-Тодоре, а Толстой жил рядом на даче гр. Паниной, Гаспре. Приехав в Крым 22-го, я тщетно делал прогулки, чтобы встретить графа Л. Н., который, как мне говорили, ежедневно совершает прогулки пешком и верхом. Видя, что мне не везет и что на счастливый случай лучше не рассчитывать, я решился прямо написать графу записку и просить аудиенции. Сказано — сделано. Послав утром 26.X записку графу, я тотчас же получил ответ — прийти к нему в их дом. Меня встретила гр-ня София Андреевна весьма приветливо, сказав, что граф сейчас спустится с верх. этажа, где его комната. Действительно, через минуты две Л. Н. явился и очень ласково со мной поздоровался, говоря, что извиняется, что ответил по телефону, а не запиской, но что у него сильно болит рука от ревматизма. После этого мы сели очень близко друг от друга, и началась беседа вдвоем, т. к. графиня вышла.

Физически, на первый взгляд, Л. Н. делает впечатление дряхлого старичка, но во время разговора с ним это впечатление сглаживается, и, наоборот, старик этот обращается в здорового и бодрого мужика: одет он просто, в серую блузу с ременным кушаком, шаровары такого же цвета, а сапоги голенищами поверх штанов. Когда вам будут говорить, что граф грязно одет, не мыт — не верьте; напротив того, он опрятен, хорошо вымыт, руки чистыя и ногти в полной исправности. Большая окладистая седая борода его, хотя и находится как бы в поэтическом беспорядке, но расчесана. Особенно Вас поражают его свирепые голубые глаза с весьма проницательным взглядом, который Вас пронизывает и хочет проникнуть в самую душу, а т. к. глаза помещены глубоко, а скулы скорее выдвинуты, то впечатление делается еще сильнее. Выражение глаз доброе, с оттенком грусти, но умное, сосредоточенное и показывающее характер и силу воли, — нет вовсе блуждающего взгляда, как это многие рассказывают, и какого-то беспокойства в нем — напротив того, все величаво, просто, достойно. Правда, он все время смотрит прямо в глаза, и это продолжается во время всего разговора, особенно, если чем-либо вы его заинтересуете.

Тема нашей беседы была самая разнообразная. Я желал поговорить с ним о трех вопросах: 1) о духоборцах на Кавказе, 2) об Александре I и старце Ф. К. и 3) о лично меня касающемся деле. Вот это последнее его очень поразило, как заданный мною вопрос, так и самый случай. Но о сем не хочу распространяться.

Насчет духоборцев, роли бывшаго Тиф. губ. Шервашидзе и личного влияния на них гр. Л. Н. — мы остались противуположных мнений. При этом замечу, что Л. Н. свободно допускает возражения, спорит упорно, но без всякого повышения голоса, а дает вам полную возможность высказать ваше суждение. Относительно роли кн. Шервашидзе в духоб. деле, Л. Н. хотя и убедился, что князь человек добрый и благонамеренный, но что он плохой администратор и не сумел их как следует обследовать после расселения по уездам Тиф. губернии. Я уверял графа, что князю Г. Д.* было трудно бороться с одной стороны против полного беспечия правител. органов, а с другой стороны против его пропаганды, которая нанесла много вреда делу духоборцев. Граф же хотел меня убедить, что он все делает, чтобы удержать их в России, но, увидав полное равнодушие Правительства, действительно советовал переселяться в другие страны. Теперь, по мнению Л. Н., духоборцы блаженствуют в Канаде, а по моим сведениям они там пока бедствуют.

Насчет императора Ал. [Александра I] толковали мы много, и Толстой говорил, что давно хотелось ему написать кое-что на тему легенды, что Имп. кончил свое поприще в Сибири в образе старца Ф. К. [Федора Кузьмича]. Хотя пока эта легенда не подтверждается и, напротив того, много всяких данных против нее, но Толстого интересует душа А. I, столь оригинальная, сложная, двуличная, и он говорит, что если только А. I действительно кончил жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и соглашается с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы вполне шекспировская.

После этого разговор пошел на тему личного характера, о которой должен умолчать. Потом говорили об общих знакомых, напр., о графине Ел. Ив. Шуваловой и Елиз. Ив. Чертковой, которыя следуют учению лорда Редстока и Пашкова. Об этом учении Толстой выразился, что оно в основании не верно и никакого удовлетворения не дает, хотя побуждения этого толкования считает хорошими. Просидев у Л. Н. целый час, я встал, чтобы проститься, не желая на первый раз засиживаться. Он меня проводил до выхода и очень любезно сказал, прощаясь, что был рад со мною познакомиться.

Второй раз я был у Л. Н. под вечер в 5 ч. /31.X/ до его обеда, а он обедал в 6 ч. Меня просили в его комнату, в верхний этаж дачи. Граф встретил меня словами: «Очень рад Вас увидеть, я Вас поджидал, меня мучила совесть, Вас спросить хочу, подумали Вы что сделали, когда первый раз были у меня. Ведь я скарлатина, меня боятся, я отлучен от церкви, а вы В[еликий] К[нязь] приходите ко мне, — повторяю, я скарлатина, зараза, а у Вас могут выйти неприятности ради меня, будут на Вас косо смотреть, как это Вы посещаете политически неблагонадежного человека». На сие неожиданное вступление я ответил, что мне, мол, 42 года, что я холост, что меня знают и что для себя безусловно не боюсь каких-либо неприятностей и гонений. Впрочем, добавил я, по теперешним временам все возможно, и в случае если опасения ваши оправдаются, я сумею постоять за себя. Потом зашла снова речь о Шервашидзе и духоборцах, но граф не сумел меня убедить в правоте его суждений. Я даже спросил его, неужели он так на слово верит всем разнокалиберным своим ученикам и последователям и, я уверен, что именно они весьма часто его подводят, не понимая его, и на практике делая вовсе не то, что следует.

Черткова, Л. Н. признал за умного и самого толковаго из молодых толстовцев, также Бирюкова. Перваго я лично знаю и вовсе не признаю за умнаго парня, на против того, Чертков очень ограничен, хотя прямой, честный и симпатичный малый. Говорили о герое дня, Мише Стаховиче (орлов. предв. двор.)* и его звонкой речи по поводу свободы совести. Хотя Толстой находит, что давно пора прийти в России к убеждению, что свобода совести необходима, но Стахович забил тревогу ради собственной популярности, что Стахович несерьезный, ко всему относится поверхностно и, к сожалению, и наш, и ваш. Меня очень порадовало это услышать от Л. Н., т. к. и мое мнение об этом герое нашего времени, что он только бьет на популярность и без всяких твердых убеждений.

После этого разговор перешел на современное состояние России, о полном безвластии, об отсутствии всякой системы, о произволе и бессовестности г-од министров, о бездарности Сипягина, о нахальстве Витте (отдавая справедливость его способностям), о всеобщем безверии и т. д. Относительно безверия Толстой подробно распространялся, упрекая главным образом духовенство в результате этого плачевного явления. Когда я ему замечал, что многие, читая его произведения, полагают, что он сам еле-еле верит в бессмертие души, граф, видимо, смутился и ответил мне: «Неужели это так некоторые понимают и объясняют?!» Я говорю, что мне не раз случалось слышать

* Князь Георгий Дмитриевич Шервашидзе, с 1898 г. обер-гофмейстер при вдовствующей императрице Марии Федоровне.

* Михаил Александрович Стахович — член I и II Государственной думы; в сентябре 1901 г. выступил на миссионерском съезде в защиту свободы совести и вероисповедания.

такое толкование, на что Л. Н. сказал: «Ну что ж, очень жаль, если так — да я и сам чувствую, что старею, вдохновение уже не то, а часто и совсем нет, но — я только жажду помочь больному человечеству. Теперь я усиленно работаю над моим предсмертным произведением «о религии», и если мне только удастся окончить этот труд до своей смерти, то я буду счастлив. Готово уже около 2/3 работы, но последняя треть мне не дается, редко чувствую вдохновение, часто хвораю — вот где беда». Вообще Толстой очень часто в разговорах со мной упоминал о смерти, так что этот вопрос видимо его сильно тревожит, хотя он в этом и не сознается.

В этот раз я засиделся у графа почти два часа, беседуя наедине с ним. Л. Н. был также крайне интересен, говоря об эпохе Имп. Ал. I, о «Войне и мире» и о тогдашних людях. Что меня поразило во время этого tete-a-tete, что он был совсем натурален, вовсе не думал рисоваться передо мною и просто очаровал меня как приятнейший из собеседников.

Наконец, последний раз я зашел ко Л. Н. 3.XI, накануне своего отъезда, чтобы проститься с почтенным старцем. Опять просидел у него более часа. На сей раз главным образом он мне рассказывал свои Севастопольские воспоминания, которые так свежи у него в памяти, что повествование его идет как сплошной живой рассказ; картина сменяется картиной, эпизод идет за эпизодом, словом — наслаждение его слушать. Потом Толстой начал говорить о нынешнем госуд. Николае II. Очень его жалел, так бы хотелось ему помочь, потому, он видимо, добрый, отзывчивый и благонамеренный человек, но окружающие его — вот где беда. Далее расспрашивал о моем Батюшке, которому был представлен, будучи офицером артиллерии в 1854 году, в Севастополе, осведомился о его здоровье, все так мило и просто, что, право, нельзя графа выставлять анархистом.

В заключение скажу одно — Л. Н. Толстой как писатель одно, а как человек — совсем другое; и я очень рад, что мне удалось видеть близко с глазу на глаз человека, тогда можно многое простить увлекающемуся старцу-писателю.

4.XI.901.

ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Ед. хр. 487.

«Я ее любил 15 лет...»

Письмо великого князя Николая Михайловича графу Льву Николаевичу Толстому

15.XI. 1901. Тифлис

Милейший Лев Николаевич!

Вернувшись обратно на Кавказ, я считаю своим нравственным долгом Вас от души поблагодарить за великодушный прием, который я никогда не забуду. Это только доказывает, что несмотря на «пропасти, нас разделяющия», мы можем друг друга понять, а главное, Вы мне дали полную возможность свободно говорить и иметь терпение выслушивать мои суждения, нередко противоположные Вашим. Между [может Вам], конечно, показалось бы, что между нами не может быть точек соприкосновения, а тем более полнейшего доверия. Не желая Вас обременять моей болтовней, останавливаюсь еще раз на одном деле, которое меня продолжает сильно волновать. Вы уже догадываетесь, это по поводу третьяго вопроса, предложенного мною Вам во время нашего перваго свидания 26 октября. Тут, откровенно говоря, Вы меня не удовлетворили.*

Психологическия дела, конечно, сложныя, женщина потеряла все со смертью своего единственного сына, вся ея предыдущая жизнь воплощалась заботой о нем, и это продолжалось 21 год. Я ее любил в течение 15 лет, из коих первые годы были полной влюбленностью с моей стороны; когда во мне страсть уже охладела, и, наконец, последние года болезнь сына все поглотила. Теперь, как это и невероятно, я влюбился в нее снова, но иначе, чем в молодые годы, а на почве сострадания. За 10 дней, что я ее видел в Царском Селе, ни разу не было и полнамека на будущность ел, — это и ясно, т. к. теперь царит одно чувство сострадания. А что будет через несколько месяцев?

That is the question, я не считаю себя вправе делать ей намеки на супружество, во-первых, ея горя, а во-вторых, по той причине, что у меня 70-летний старик отец, немало горя тоже. Следовательно, дело сводится к тому, что если она пожелает быть моей женой, я чувствую, что скажу немедленно «да». Но имею ли я на это право?! Я, конечно, теряю все разом, но это мне безразлично и я этого не боюсь — но она тоже ничего не выиграет и едва ли я могу заменить ей чем-либо покойнаго, заботу. Будьте добры, и если можете, дайте мне совет, — что делать. Кроме того, прошу Вас быть любезным посвящать меня [в] Ваши будущие произведения, этим Вы мне доставите большое удовольствие.

Крепко жму Вашу руку. Искренний поклон графине Софье Андреевне.

Весь Ваш Н. М.

Публикацию подготовили
НИКОЛАЙ КАЛИНИН
МАРИНА ЗЕМЛЯНИЧЕНКО (г. Ялта)

ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Ед. хр. 487.

* В скобках даны неразборчивые записи.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ТВЕРСКАЯ ТВЕРДЬ

Фотографии Александра Джуса

Осташков

Тверь. Путевой дворец.

Старица

Немец летел не на мирном вертолете, а на военном самолете; снимок был опубликован в гитлеровской газете осенью 1941 года с пояснением: «KALININ». Вырезка сохранилась в тверских архивах. Столб черного дыма «с птичьего полета».

Сожжен был тогда и Путевой дворец — тот самый, где Карамзин читал Александру I главы своей «Истории...». После войны дворец восстановили. Причем освободили от рязановских достроек 1880-х годов, чтоб видна стала работа двух молоденьких зодчих: Матвея Казакова и Карла Росси. Каждый из них в свой час начинал в Твери, кончили же поприще оба — в столице. Великие русские архитекторы.

Вообще Тверь — что-то «молодое», романтическое, застывшее навсегда в юношеском порыве. А может, в этом порыве сломленное. В разные эпохи с Москвой спорили разные города, Тверь спорила — двести подтатарских лет. «Драка под ковром»: подарки хану, наветы, выжидание. Однако в уцелевшую от погрома Тверь потек народ из опустошенных земель — и Тверь против татар восстала первой. Михаил Тверской поехал в Орду на правеж и принял смерть, а Иван Калита московский остался и именем хана наводил порядок среди строптивцев. Теперь тверичи уже не Орде — Москве сопротивлялись: хранили «Слово инока Фомы», где величали своего князя царем-самодержцем. А истинный будущий самодержец, княжич, уже бегал по московскому двору и готовился перенять престол у ослепленного в междоусобиях отца. Вырос, перенял и, ставши Иваном III, положил конец соперничеству: присоединил Тверь. Внук же его добил остатки иллюзий: извел местных князей, отдал земли в опричнину и в знак единодержавия принял папского посла в Старице...

Вышний Волочек

Ладно, что уж теперь считаться, полетели дальше. В Старице мы еще будем, а пока — Тверь. Казаков достраивает Путевой дворец, а в городской магистрат (недалеко, домах в пятнадцати от дворца) поступает подканцеляристом десятилетний мальчик Ваня, из Крыловых, и скрипит здесь пером три года, после чего отбывает в столицу, где и делает блестящую карьеру как журналист и драматург, — но не молодым бойким литератором входит в память народа, а — старым добрым толстяком-баснописцем, «русским Лафонтеном», гением простецкого здравомыслия. В каковом облике двести лет спустя после своего рождения и возвращается на брега Тверцы в виде монумента, высеченного из камня скульптором Шапошниковым.

Два вице-губернатора оставили след в истории города, и не как правители, а опять-таки как литераторы: Лажечников и Салтыков (он же Щедрин). Последний убыл из города в раздрае с местным обществом (крутой был вице-губернатор), а вернулся век спустя, и тоже вырубленный из камня — скульптором Комовым.

Впрочем, если искать литературных памятей, то надо лететь в Торжок. И с птичьего полета рассмотреть верстах в шести от города могилку на сельском погосте близ деревни Прутня — там похоронена восьмидесятилетняя старуха, а на могиле ее высечены слова, обращенные к ней, когда ей было двадцать пять: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...»

Торжок

От Торжка можно лететь на север. К Вышнему Волочку, где Комовым же высеченный из камня стоит Венецианов перед кормящей дитя крестьянкой. На его полотнах крестьянки нежней. И деревня там чистая. Ее теперь нет — деревни Сафонково, где тридцать лет прожил художник. Остались полотна. И земля.

А если от Торжка на юг, то — в ту самую Старицу. А лучше — в Курово-Покровское, недалеко. Найти тот омут, который увековечил Левитан....

Ну, а если от Торжка на запад, то — в Осташков. В город, где родился «первый российский арифметик и геометр» Леонтий Магницкий, славный более всего тем, что написал учебник, по которому освоил счисление будущий академик Михайло Ломоносов, — но также и тем, что оный геометр по приказанию Петра Великого «палисадировал» Тверь, то есть правил валы, чистил рвы и строил больверки... Родимый Осташков остался непалисадированным среди чарующих плесов Селигера.

Теперь эти плесы исчирканы байдарками, а берега испещрены туристскими базами. Сквозь отдыхательный декор надо, однако, пробиться к сути: почувствовать под тверским небом неоскверненную землю — каковой, наверно, и видел ее преподобный Нил Столбенский, когда в 1528 году явился на остров Столбной и «ископал пещеру...»

...На месте которой при Алексее Михайловиче был выстроен Богоявленский собор. И уцелел — сумел устоять при последующих правительствующих богоборцах. Наверное, потому, что стоял на отшибе, среди лесов и озер.

Среди этих лесов и озер в Христовы времена сходились на брани и на свадьбы шедшие с запада балты и сидевшие здесь финны (предки тех, что стали потом весью и мерею). Полтысячелетия спустя явились сюда и славяне, и тоже смешались, сжились, и стали насыпать свои могильные курганы рядом с могилами финнов и балтов.

Так и лежат они там все вместе, наши предки, наши пращуры, в тверской тверди, под тверской твердью.

Нилова Пустошь

БОРИС ШЕРГИН

ЖИТЕЛИ НОВОЙ ЗЕМЛИ

(ФОМА ВЫЛКА)

Лучше всего о своем творчестве Борис Викторович Шергин (1893—1973) сказал сам. «В книгах моих, — заметил он, — нет «ума холодных наблюдений», редки «горестные заметы»; скромному творчеству моему свойственно «сердечное веселье».

Это признание на первый взгляд может показаться неожиданным и странным. Ибо известно, что судьба была незаслуженно суровой к писателю. Ампутация ноги в юные годы, разлучение с любимой девушкой, почти полная утрата зрения в зрелую пору творчества, наконец, разгромная критика по ждановской программе, надолго закрывшая писателю двери издательств, годы нищеты в убогом московском подвале...

И тем удивительней, что творчество Шергина отнюдь не череда сетований, не летопись принятых обид. Оно — горнило преодоления страданий и всем тоном своим настроено на пробуждение иного, высшего сознания жизни, нежели то, которое порождается «житухой». Для Шергина — это путь воскрешения веры, «естественного богопознания», дающего человеку начало «жизни внутренней, сокровенной» и в то же время связанной с жизнью народной, с ее бытом.

Как терпеливо, постоянно и «неутомленно» высвобождать «свет и огонь души», Шергин показывает на деле, в длительных вниканиях в «веселье сердечное», в радость «сродного труда», доброго поступка или помышления, в художественный лик родной земли — в то, что несет «радостное извещение»: во всем «разлит Бог».

Все это проходит и лейтмотивом книги «Государи-кормщики», которая вобрала в себя произведения Шергина самых разнообразных жанров: предания и легенды, рассказы и новеллы, сказы и сказки, были и «небылицы в лицах», очерки и литературные портреты, дневники — произведения как опубликованные, так и еще неизвестные читателю. Очерк о Фоме Вылке публикуется впервые.

У каждой народности нашего Союза есть свои герои, свои замечательные люди. Одним из таких, далеко не заурядных людей среди ненцев (самоедов) является Фома Вылка, пионер новоземельской оседлости.

Есть Ледовитый океан, залив Голодная Губа, близ Печорского Устья. Тут у бедного оленного пастуха родился Фома. Семи лет он остался без отца, без матери и попал в подпаски к богатому зырянину оленеводу.

Однажды увидел Фома — достал хозяин с полки как бы плоскую коробку и сказал: «Это книга». Но мальчик не понимал, что такое книга... А тот раздвоил книгу и стал нараспев читать.

В книге были цветные картинки, и у мальчика разгорелись глаза. Он навалился на чистую скатерть рукавами своей малицы и спросил:

— Книга — это цего? Его кто работал? Это цей ум?

Хозяин рассердился на смелость сироты, стукнул его книгой по лбу:

— Это, Фомка, спрос! Кто спросит, того в нос!

Долго Фома не смел взглянуть на книгу. Но в сердце загорелась охота научиться читать. И счастье улыбнулось ему — начал учиться грамоте хозяйский сынишка. Фома видел, как тот ревел над книгой, сидя на оленьей постели, видел, как дули мальца учебной псалтырью, и взялся ему пособлять.

Вечерами у стада вычерчивали они вдвоем буквы на снегу, на песке, и Фома незаметно для себя научился грамоте сам и мог на самом деле помогать несхватчивому, ленивому товарищу.

Когда старших не было дома, они со страхом и трепетом снимали с полки толстую книгу с картинками и с золотыми и красными буквами. Узорные заглавия особенно восхищали Фому, казались похожими на оленей. Иногда он подкрадывался к книге ночью, уносил ее в холодные сени и с замирающим сердцем читал при лучине. Проснись хозяева — здорово влетело бы нашему грамотею.

Фомины хозяева любили пить чай, сидели за самоваром долгими часами. Но мальчику-самоедину не давали чаю никогда.

Обиженный, устав подогревать самовар, бегать за водой, он намешивал иногда в ведро глины и грязи.

Фома подрос. Однажды к весне хозяин взял его в Усть-Цильмузырянскую столицу. Было перед Пасхой, и мальчик удивился, что народ идет с вербами, — в тундре на вербу и не глядят...

А хозяин утром так отстегал его вербой, что в пот ударило, и Фома, большой уж парень, заревел. Хозяин успокоил его, что от этого умнее бывают.

Фома и впрямь поумнел. При удобном случае снял с полки любезную с детства хозяйскую книгу, спрятал ее под малицу и ушел в тундру, к дальнему родственнику. Так и чаю не попробовал.

У дяди имения было — чум дырявый да жена-старуха. Но дядя был страстный охотник и рыболов. Стал Фома ему помогать и сам сделался хорошим промышленником. Только не было собственного ружья.

— Ах, дядя, — часто мечтал племянник, — кабы ты меня стал ругать да бить... Я бы в Большую Землю ушел и ружье унес!..

Но дядя был добрый, ласковый человек.

Летом промышляли они у океанского берега. Плывут в лодке и протяжно свистят. Из воды выкурнет голова нерпы... другая. Охотники запоют песню, зверь ближе... ахнут из ружья, смешается вода с кровью. Втянут в лодку за гладкие катарки. Вот и варево есть — раушка, и шкурка пестрая на пимы, и сало на ночник.

Всякому Фома у дяди промыслу научился, все обычаи узнал, звериные и рыбьи. Особенно в тихих озерах любо рыбку добывать. Тундряное озеро, как зеркало, в зеленом бархате лежит. Вода хрустальная, каждую раковинку на дне видно. Фома с вечера поставит сети, утром плывет за уловом и нагрузит в лодку полон нос. Возьмет рыбину пожирнее, положит на весло, клемы соскоблит, в хвост потычет, чтобы кровь проступила, и режет тонкими ленточками, и ест живую, сырую без соли. Она сладка, приятна рыбка печорская, сиги, пеляди, чиры, нельма, омули.

Так Фома и взрослым стал.

Тундра, где кочевали самоеды, искони была владением их племени. Есть у самоедей на то древние кожаные грамоты и памятки со свинцовыми печатями. По строению самоедских отцов и дедов русские и зыряне, проходящие тундру со своими оленями, должны отдариваться подарками.

Раз около озера, где стоял Фома с дядей, поставился чумами богатый оленевод. Оленей он вел несколько тысяч.

Фома поехал к гостям здороваться. Ему, как бедняку и хозяину тундры, надлежало получить с гостя оленя. Но купец, хотя и угостил Фому рюмкой водки, оленя не подарил.

Фома вернулся домой в слезах:

— Как так?! Наш мох травит, топчет, а на обычай плюет!..

Через месяц пали в тундре туманы. Под их густым покровом заехали Фома с дядей в зырянское стадо, отбили косяк оленей да и «провалились в тундру»... Суда не страшились, погони не боялись. Судиться оленеводу в то время дороже бы стало.

К новому лету, когда важенки — матки оленьи отелились, стало у Фомы триста оленей. Триста оленей и ружье свое!

Некогда стало Фоме самому себе еду варить, малицу и пимы чинить. Иньку надо, жену.

Осенью на Усе-реке, притоке печорском, ярмарка. Оленя бьют на мясо, купцы наедут, торжище, игры, женихи невест смотрят. Тут Фоме пала стрела в сердце. Встретил красавицу. Косы убраны медью и серебром, глаза, как изюминки, щеки, как брусни-

ка, нос ягодкой, ходит вперевалку, как утка. Зовут Иринья.

Самоедским обычаем стал Фома ходить в чум отца ее каждый день. Вечер сидит и спать тут повалится. Девица к нему и привыкла.

Фома ей говорит:

— Идешь, девка, за меня замуж?

— Ты меня прокормишь-ле?

— Сыта будешь.

— Бить порато станешь?

— Здоровее будешь.

Жених на другой день послал сватов торговать невесту. Сваты подали ее отцу палочку с красным лоскутком. Старик ножом сделал столько нарезок, сколько оленей хотел получить в калым за дочку.

Долго ходили сваты из чума в чум. Старик нарезывал, а жених срезывал. Подумывал, уж не лучше ли крадом, как любезную книгу, Иринью увезти, да дело обошлось. Заплатил двадцать оленей, двадцать оленьих постелей и бочку ворвани.

Приехал с женою в Пустозерский городок. Тут наконец чаю удалось попробовать... О, какой пустяк! Тьфу!.. Вот в кабаке другое дело!.. Так сдружился с «водочкой проклятой у казеночки богатой», что к весне — ни одного оленя...

— Фомка, как жить будешь?

— У меня приятелей много, вместе зиму гуляли!

А попробовал у приятелей в долг на шкалик попросить — протурили. Стал стыдить — вздули...

Все же нашелся добрый человек, пустозерский лавочник.

— Вот что, — говорит, — парень, жалею я тебя до слез... Пал ты, хочу тебя поднять. Дарю тебе карбас, отпускаю из лавки пороху, муки, крупы, масла, водки ведро... За благодеяние мое поезжай на остров Вайгач, привезешь сальца звериного, харавинки, рыбки... На Вайгаче-островке зверя, как песку в море, гуляючи съездишь... Ведь согласен, сокол мой, голубь мой, самоединушко?.. В подручные тебе дам работников моих.

Фома обрадел, в праву ножечку поклонился благодетелю.

Поплыл на Вайгач, сам десятый... Жену и младеня взял. Путь этот помнил до седых волос.

...Океан-то-батюшко грозен, погодушка страшна, ветры буйны. Руль сорвало, мачту сломало, парус унесло. С жизнью промышленники простились, смертные рубахи надели... Вдруг ветры утихли, море улеглось, и чайка — вестник земли пролетела над карбасом.

А беда не вся. Плывет навстречу стадо моржей. Играют, дуют, карбас окружили; они любопытные. Дочурка Вылкина и заплакала, испугалась. Моржи подумали, что моржонок ревет, моржонка люди обидели... Около карбаса из воды завыставали, еле карбас не опружили... Одна самка до берега гналась.

А на берегу охотнику раздолье. На берегу олешки бродят, гага пуховая гнездышко вьет, песец самку вечерами кличет, гусь стадом ходит и всякая птица без конца.

Ружья наш Фома свободного не опускал, до тех пор стреляет, пока руки не умолкнут. Однажды мужики на моржовую лежку наскочили. Голов полтысячи лежало, около стариков дети ползали. Смраду, соперья, пыхтенья — на три версты. Вожак хоть не спал, да на него против солнца зашли. Он глаза таращит, а солнце слепит. Вожаку пуля каленая, тут все проснулись. Начал зверь в море опрокидываться, еле люди постороняться успели. А добычи многонько на горе осталось. Барышный товар — морж: шкура, сало, бивни.

Еще осенью птица не улетела, Фома обратно собрался. Судно до бортов набито; сало бочками, кожа тюками, песцы, гагачий пух. Наш удалец веселится.

— Преподнесу хозяину этакое богатство, и карбас по совести будет мой. Сам себе голова буду!..

Да нет, не сразу... Три годика карбас и снаряжение благодетелю отрабатывал. В эти три года весь Вайгач выползал, моржового сала-сыротеку, харавины первосортной, тинков, рыбы, пуху, птицы кораблями вывез. А все купцу, прорве ненасытной. Все за карбасишко людоед засчитывал.

А про удалого Вылку слава пошла. Стали хвалить, в кормщики приглашать.

И пало ему на сердце идти в Новую Землю. Старики промышленники рассказывали о сказочном богатстве новоземельских промыслов, там-де моржа, как бревен на сплаве, медведя, как коров на поскотине, песец за каждым камнем.

Однажды Новая Земля показалась Фоме миражом в океане. Далеко над водами протянулись неведомые берега, высокие горы. Марево растаяло, а Фома во главе отборной артели собрался иа Новую Землю.

Благодетель-лавочник только руки потирал. Он же ведь потом и цену за добычу назначит.

Обрядили в долгий путь два морских карбаса. Старики советов надавали: как цингу выживать, в какой губе промысел богаче, где от ветров отстаиваться.

При отвальном столе наш Фома так угостился, что только в океане опамятовался. Земля уж еле-еле в тумане блазнит. Фома земно родине поклонился, как бы навек простился. У него своя думка была.

Страшен и долог путь к Новой Земле. Океан беспределен, глубь несосветимая, ветры грозные. На просторе люто, люто было. Какой-то день Фому валом стегнуло, за борт смыло. Товарищи за волосы вытащили. Не раз, не раз он спокаялся, что полым океаном напрямик напустился, не послушался советов дружиться берега. На случай нового шторма оба карбаса связались, чтобы не растеряться на просторе.

Из последних сил выбились, спасения не чаяли, но одолели и немилостивый всток, и туман, дорвались до желанной земли.

Наперво плыли опостен с берегом, скалы отвесные, лайды нет, пристать никак. Наконец зашли в губу. О, какая радость человеку после морской бездны ногами на землю встать!

Однако место оказалось скудно, некрасиво, не защищено от ветров. Отдохнув, открыли парус, дальше побежали... Нашли губку — заливчик побольше, покрасивей. На бережку изба стоит, крест на горке, остатки карбаса у воды. И человеческие черепа валяются. Поморы тут зимовали годов сто назад. Встарь архангельский народ на Новую Землю во множестве ходил, потом это все пало.

Наши путешественники промышляли здесь все лето. Стало добычу некуда складывать. Засобирались домой. Тут Вылка объявил, что остается на Новой Земле жить.

Товарищи только ахнули. Открыли парус и убежали в море, в Русь.

Вместе с семьей Вылки остался бедняк Самде.

У старой избы перебрали полы, сделали два подпольных вылаза на случай прихода белых медведей. Стены олеными постелями обили, на крышу камня наворотили (чтоб не раскрыли избу медведи и ветры). Еды было в запасе года на два, пороху на год. Голода не боялись, боялись цинги.

Вот птица улетела. Тихо стало. Вышел как-то утром Фома — бело кругом, как саваном наряжено. Только холодное море чернеет. Дни стали круто убывать. Еще был день последний — красное солнышко горные вершины позолотило и закатилось на долгую ночь. Вместо света в полдень сумерки.

С востока ветры пали. Море гудит не по-веселому. Снегу иную ночь столько навалит, что трубой вылезали. Из-за лютого встока по неделе наружу не показывались. Иринья приоткрыла раз двери, хотела помои выплеснуть, ветром выдернуло ведерко из рук и, как бумажку, унесло в океан.

А припадет тихо, ребятишки из зимовки выползут, на саночках с крыши катаются. Старшие по дрова в то время сбродят, хламу берегового наберут, на льду поохотятся.

Морозы пошли — скалы лопались, камень рассевдался. Из тепла выкурнешь, слезы льдом возьмутся. Море застыло; полдня серого не стало; тьма пала круговая, звезды не гаснут. Зато началось зимнее диво — полярное сияние. Полуночное небо запереливалось изумрудными, янтарными, лазурными дорогами, загорелось перламутром, зажглось огнями алыми, синими. И грохот, и гул бывали временами от сияющего эфира.

Чтобы счета дням не потерять, сделал Фома деревянный календарь. Будни — рубежок, праздники — крестик.

Вечерами в сковороде трещит, горит ворвань. Хозяин свою книгу по складам разбирает. Прочтет слово, поймет — обрадуется, с женой поделится, не поймет — дальше читает. Иринья малицу шьет, в иглу вдеты оленьи жилы, тонкие, крепкие. Девочки играют, у них куколки меховые с утичьим носиком — вместо головочки. Сам-де спит...

Долга зима на Новой Земле, а живет и ей конец. В полдень стало посветлее. Ребятишки на гору стали наведываться, солнце караулить. На оленя охота открылась, повеселее стало. Во второй день февраля девочки прилетели в избу с радостью — солнце показалось. Все выбежали на улицу — горные вершины сияют, озарены восходом. На другой день солнце выкатилось вполовину, на третий — в полном лике пожаловало. Дни начали быть с той поры. Сколько радости людям прибыло! Не понять того в ином месте живущим...

Только бедный Самде, Вылкин товарищ, не дождался солнышка. Спал по двое суток еще с ноября, потом запух, ноги отнялись. К свету его и не стало.

Положил Фома товарища на гранит, навалил сверху каменный курганец в защите от зверя. Медведь мертвых не тронет, а песец обижает. Могилу в славном новоземельском граните не выдолбишь, приходится либо в камень закладывать, либо срубом накрывать. Сверху могилища ставят столб или крест с колокольчиком. Колоколец устроен так, что звонит и от малого ветра. Песец боится этого звона пуще выстрела, и люди боятся. Один ошкуй не боится. Поморские кресты высокие, медведь на дыбы встанет и когтем отведет на древе черту, столь высоко, сколько может достать; рост свой меряет. На другой год опять придет и снова на перекладине чиркнет, узнает, много ли подрос. Это новоземельцы рассказывают. Может, и басня.

Красное времечко на Новой Земле весна и лето! Гаги, утки летят-говорят ночами солнечными; белая сова поет, песец опять псицу зовет; снежный жаворонок-пунашка звенит высоко. Лебеди на озерах как в гусли играют, гуси будто купцы на торгу народ зазывают. Речки шумят, ручейки перекликаются. И от моря не отошел бы! Вода живет, тюлешки на льдинах едут — греются.

В эту пору Фома нового человека без терпения повидать захотел. Не уходит с гляденя. И однажды усмотрел парус... Вскочил, шапкой машет... Но судно убежало под северный ветер.

У Фомы весь день сердце билось, сдумал сам пойти людей по северным становищам поискать. И нужда неволила. Порох был на выходе, свинца для пуль мало, ружье избилось. Но пуще всего с человеком поговорить стало надо.

Спихнули на воду карбас, уложили короб с едой, одежду, лишнее спрятали в камни, открыли парус и пошли к северу.

Шли о берег... Вылка в каждый залив заходил, каждую бухту осматривал. Остановится, выстрелит, слушает... Только птица встрепенется на ответ, камень сорвется. И опять все молчит. Молчит от века...

У какого-то залива повиделась лодка и в ней человек. Фома закричал, справил в ту сторону рулем. Но человек причалил к берегу и потерялся.

Фома весь берег выбегал — никаких следов, ни судна, ни жилья, ни человека... Это была обычная марь новоземельская, мираж.

Но самоедин верил в чудь, неведомый народ, который показывается живым людям только перед бедою. Вспомнил Фома об этом, встали у него волосы дыбом, бросился в карбас да от берега...

Подвинулся Вылка от Гусиного Носа. Дальше на осень глядя побоялся напуститься. Мыс Гусиный далеко в океан уходил, страшно на утлом карбасе на вольный простор с семьей. Хоть место пустынное, невеселое — камень нагой, а пришлось остаться на зимовку. Только и удовольствия было тут — гагар множество. Крик у них нестерпимый — будто плач и визг женский, и хохот, и болтовня, и вопли.

Так у Вылок вторая зима наступила. Птица улетела, Новую Землю в снега опеленало, во льды заковало. Опять ветры засвистели, дня не стало.

У зимовщиков на сей год и худенькой избушки не было. В чуме зиму лютую жить досталось. Чум тепла не держит, в погоду снег набивается.

Как море замерзло, никакого зверька стало не сострелить. Живого мяса нет — цинга пришла. Иринья опухла, девочки свалились. Отец плакал ночами, думал — все пропадут, да случай помог, ошкуй под пулю попал. Больные кровью горячей отпились и на отжив пошли.

А много здоровья эта зима унесла. Как светлое утро явилось, оказалось, Фома поседел, как куропать.

Эту весну у него сердце пуще прошлогоднего затосковало. Тошнехонько на люди захотел. Рад был даже в Пустозерск к хозяину с повинной ехать. Но вот какое дело сотворилось.

В губу судно зашло, якорь выкинуло... Фома прилетел в чум, начал имение хватать, в узлы связывать, велел семье в горы бежать... Потом бросил все, зарядил ружье, сел у воды... С борта корабельного его тоже приметили, закричали по-своему. Фома опять испугался, прибежал к жене — и дочек в охапку захватил.

Норвежане (судно было норвежское) несмело подошли к чуму, стоят, зайти не решаются, глядят. И самоедин на них из чума уставился. Один норвежанин выступил вперед, сказал что-то. Фома пуще затрясся, выскочил, пал ему в ноги и заплакал — не то с радости, не то с горя. В чуме Иринья запричитала, девчонки в голос заревели. Норвежане утешать принялись, да слов не слышно от вопля и рыданий. Кто-то поднял Вылку и проговорил:

— Корош руски, корош! Пропаль нет...

Возрадовался Фома понятному слову, слетал в кладь, выволок медвежью шкуру и преподнес гостям. Тут ему кто сухарь, кто папиросу, кто карандаш, кто книжечку записную... Тот день Фома от радости еле не убился. Кормит норвежан мясом, свежей рыбой; те его на шхуну повели, на стул посадили, кофею налили с бисквитами. От кофею дорогого гостя едва не стошнило, а сухарики за пазуху сложил — детям. Тут и рому поднесли... Давно бы так-то! От рому радости прибыло. Всех стал обнимать, целовать, припадать, всем кланяться. Ему и пороху дали, и свинца, даже ружье подарили патронное. Фома, хоть не без труда, тут же и заряжать научился и приезжих стрельбой своей удивил. На лету у гагарки голову снес. Не помнил Фома, как его на берег вывезли, когда проснулся, шхуны на рейде уже не было.

Вылка тоже времени терять не стал, лишний промысел убрал в камни, склался в карбас, открыл парус и отправился дальше на север.

Рассказывать скоро, плыть океаном долго...

И только Гусиную Землю обогнул, в первом же заливе нашел новое поморское погребение, свежую щепу, колоду тесали... Но жильем тут не пахло, а колокольчик над гробом звенел так жалобно, что Фома и не оследился в этой губе. Открыл парус и поехал на север.

Еще губу, другую миновал и зашел в становище, называемое у промышленников Большие Кармакулы.

Губа обширная, на утесе три поморских креста, на песке лодка разбитая, сети рваные, кучи рыбных голов, раушка моржовая и тюленья. По всему видать, что сюда промышленники каждое лето приходят.

Фома на берег выгрузился, на виду и чум поставил.

— Здесь мне сорока кашу варила. Здесь буду жить.

Спят однажды Вылки в чуме и слышат: пес лает и другой рвется... Выскочил Фома, перед ним люди высокие, бородатые. Попятились они от самоедской радости, а тот не знает, как их принять, где посадить, чем угостить.

Радуется, что теперь на родину попадет, с людьми наживется, лес увидит.

Но хозяин судна сдумал иначе. Дал Фоме пороху, свинцу, ружье, муки, круп; Иринье — ситцу, платков и уговорил их пожить еще на Новой Земле.

— Живи, самоединушко, да промысел копи. Ничего нету хорошего на родине твоей. Здесь у вас туманы, а там — обманы... А мы весной опять к тебе прибежим, чего прикажешь — всего привезем.

Фома вином угостился, на все согласился. Поморов обнимает, подарками оделяет. Те его честно отдаривают, хвалят за смелость, за терпение, за грамотность. Рядовые промышленники помогли Фоме чем могли, да хозяин корабля не таков. За ружье и припасы, что самоедину дал, до праха у него весь промысел зимний вычистил. И строго наказал ни с кем другим дела не иметь, добычи не отдавать.

Фома не спорит. Что будешь делать? Русский товар всегда дорогой, самоедский всегда самый дешевый.

Так Вылка и третью зиму на великом пустынном уединенном острове отгоревал. Он перестал и Печору поминать. Новую Землю стал родиной почитать.

Слух, тот слух, что на Новой Земле человек с семьей поселился и живет благополучно несколько лет, этот слух весь северный край облетел. Отважные русские мореходы из Архангельска, Поморья, Мезени, Печоры хаживали на Новую Землю за зверем, знали, что промыслы богатые, но зимовать там никто не решался. А какой-то самоедин три года!..

Когда эта весть пришла в Печорскую и Мезенскую тундру, бедные самоеды спокой потеряли. Пьют ли, едят ли, все о Новой Земле разговор. Вовсе тяжело стало в тундре. Грузно нажали зырянские и русские купцы и кулаки. Засобирались безоленные бедняки вслед за Вылкой.

Наконец и правительство обратило благосклонный взор в ту же сторону. Весной 1870 года к Новой Земле подошла целая эскадра. На борту одного из парусников был брат царя. Эскадра привернула и в Кармакулы смотреть первого поселенца. К приему высоких гостей Вылку приготовили заранее. Еще с осени разъяснили, кто приедет, научили, как надо стоять, как называть, как отвечать...

А наш герой, как только весна началась, склался в карбасок и удрал с супругой, детьми и собаками на Карскую сторону. Там все лето до белого снегу просидел, как мышь в подполье.

Фома догадлив родился. Он такую картину себе рисовал:

— Вот приедет русское начальство, все чиновники со светлыми пуговицами, схватят его, увезут и посадят в тюрьму за то, что когда-то без спроса завладел карбасом пустозерского лавочника.

Фома ни на минуту не сомневался, что эскадра только за тем и послана была, чтобы его изловить.

К зиме вернулся на старое место — опять зажил. Промысла были хороши год от году. Помор ежегодно привозил все, что самоедин наказывал, до крошки отбирая его промысловый запас. Пуд любого Вылкина товара хозяин оценивал в рубль. И пуд сала, и пуд харавины, и пуд шкурок песцовых, и пуд меха медвежьего. Все с краю шло в рубль. Фома не жаловался на грабеж:

— Ницего! Он тоже порато трудицце, морем кодит далеко. Я его оцень жалею, подаю ему Кристаради — мие Нова Земля больше дает!

Наконец, явились на Новую Землю Вылкины единоплеменники, привлеченные его примером и славою. Были такие, что хозяев надули, чужим снаряжением пришли, были и самосильные. Стали они рыбу промышлять, зверя постреливать, хорошие места узнавать. Хозяева... (неразборчиво. — *Л. Ш.*)

Фому Вылку эти поселенцы старейшиной новоземельским почитали, по имени называли, по отчеству величали.

У Фомы сын родился. Этому Новая Земля была настоящая родина. Дочери Вылкины выросли, стали невестами.

Годы шли, как гуси пролетали.

На двенадцатом году Вылкина жительства новоземельского в Кармакулы пришел пароход из Архангельска, привез лес для постройки настоящих домов. Общество спасения на водах поставило здесь свой пост. Привезено было еще несколько самоедских семей.

Это времечко для Фомы было самое отрадное. Ему отвели дом, дали обстановку. Местные и приезжие относились с почтением. Фоме даже власть поручили, назначили старостой. Он принимал норвежцев, ученые экспедиции и оказывал ученым людям многополезные услуги.

Никто не знал так Новую Землю, ее климат, природу, горы, реки, озера, заливы, зверя, рыбу, как он, старый самоедин. Стало и начальство перед Фомой шапку снимать. Когда начальство отъезжало с острова, Вылка распоряжался единолично. Принимал припасы с пароходов, распределял их, размещал людей, указывал стоянки судам. Он приставлен был и к расходу казны, и его разумом все было споро и прочно.

Много раз Фома спасал корабли, погибавшие у берегов Новой Земли, избавлял от голодной смерти русских и норвежских мореплавателей.

Не сосчитать будет пота и трудов, положенных Фомою Вылкой на Новой Земле. За несколько лет перед смертью он перенес страшную зиму. На западном берегу был плохой промысел, и смелый Фома с женою и сыном откочевали на Карскую сторону. Там под ударами зимних штормов лишились Вылки всего снаряжения и стали умирать. Кармакульцы разыскали их. Со стариком и старухой удалось отводиться, а юноша, любимый, единственный сын их, погиб.

Эти последние, печальные годы осиротевших Фомы и Ириньи всячески скрасил своим участием, своею поистине сыновней заботливостью молодой путешественник К. Д. Носилов, зимовавший на Новой Земле. Благодарные старики платили ему любовью самой нежной, самой горячей. К. Д. Носилов принял и последний их вздох. Иринья умерла годом позже Фомы*.

Предисловие и публикация
ЛАРИСЫ ШУЛЬМАН

* В книгах Носилова подробно описана жизнь Вылки и большеземельских самоедов. — *Прим. автора.*

ЖИВАЯ ДУША

Фотография Павла Максимова

РУССКИЕ И НЕРУССКИЕ

Отдадим должное поморскому юмору Шергина, а все же признаем, что одним юмором тут не отделаться: когда Фома Вылка «самоедским обычаем» сватает Иринью, испытываешь весьма сложные чувства. Что красавица ходит «вперевалку, как утка», это в известном смысле даже пикантно. Любовный диалог, уложенный в три реплики: «Идешь, девка, за меня замуж? — Ты меня прокормишь-ле? — Сыта будешь», — конечно, несколько утилитарен с точки зрения заветов Петрарки, однако колоритен и стремителен. Но когда в ответ на вопрос: «Бить порато станешь?» — Фома отвечает: „Здоровее будешь» (а ты ждешь, что он ее успокоит: «Пальцем не трону!») — тут в сердце начинает шевелиться подлое сомнение: а что, и бил? Ведь не отрицает же! Прикладывал руку!

А, собственно, какое у нас право переспрашивать? Да она с ним жизнь прожила; она старухой когда его схоронила, только год протянула после; она же была счастлива! Так чего мы хотим? Почему самоеды должны жить по нашему кодексу?

Еще недавно ответ на такой вопрос предполагался недвусмысленный: потому что есть нормы цивилизации. Потому что есть законы прогресса. Потому что на пути в светлое будущее народы преодолевают рознь и различия: выравниваются.

Увы, мы тягостно перестраиваемся теперь в своих взглядах на пестрый мир. Рознь-то, может, и преодолима, в той или иной форме. А вот различия — никогда. И не будет выравнивания. Эта психологическая переориентация драматична особенно для русских, привыкших ощущать себя великим, всемирным народом, со всечеловеческой задачей.

Очень точно пишет историк Сергей Панарин в работе «Восток глазами русских»: мы на Восток всегда смотрели как на дикое поле, которое надо «поднять» до своего уровня — выровнять, вытащить к свету и культуре. Это самонадеянно. И унизительно — для Востока. Но ведь и на Запад мы смотрели весьма похоже, только перевернуто: как на удачную модель универсальной цивилизации, которой нужно технически овладеть и которую надо духовно оплодотворить.

Банкротство этого подхода подвело нас к тяжелой психологической задаче: она лезвием посверкивает из разных ситуаций, в которые попадают русские люди. Вспоминается эстонская писательница Лилли Промет (впрочем, тогда еще советская), которая в повести «Примавера» описала туристический вояж, состоявшийся в «разгар застоя»: одна ее спутница все возмущалась, что итальянцы не понимают по-русски. На довод, что итальянцы и не обязаны понимать, было отвечено:

— Могли бы выучить! Все-таки язык Пушкина!

Разумеется, Пушкин великий поэт. И на русском языке созданы мировые ценности. А все-таки приходится примириться с реальностью: не выучат. Больше того: могут даже и не знать нашего Пушкина. Не по невежеству. А потому, что история идет вперед, и в конце концов никто не может объять необъятное. На просторах умножающегося человечества могут оказаться вполне культурные люди, которые ничего не будут знать ни о наших ценностях, ни о нашей многострадальности. Потому что у них будут свои ценности и свои страдания.

Смириться с этим невероятно трудно. Русский исторический и духовный опыт по самой основе, по самому «замыслу Божьему» — опыт сопряжения, соединения. Я имею в виду именно русский опыт, а не, скажем, великорусский, этнически определенный; или даже славянский, с акцентом на «логике родства». Русская логика — братство. Равенство и братство. Со свободой всегда были проблемы — перехлестывалась в волю. Но братство было — сметающее барьеры. И равенство без границ.

Так изначально у нас. Государство зарождалось не как национальное, а как православное, вселенское, кафолическое. Империя конституировалась как новый Рим — как продолжение мирового дела. Советский Союз, наследник империи, мыслился как прообраз мирового устройства: ленточки герба были раскрыты...

Нам невероятно трудно отказаться от этих амбиций. Не потому, что мы теряем «позицию силы» — силы у нас так и эдак поубавилось. А потому, что мы теряем позицию благородства, альтруизма, самопожертвования. «Россия распинается за весь мир» — и вдруг миру не нужна эта жертва. Мы ко всем подходили как к равным себе — наше равенство отвергнуто. Из лучших, благородных соображений мы полагали русскую культуру в качестве универсальной — нам было отвечено, что русификация оскорбляет другие народы. Бессмысленно объяснять, что русская культура мыслилась нами не как национальная, а как всечеловеческая, — никто не станет слушать. Ибо русская культура оказалась все-таки национальной, да еще и изрядно ободранной ради всечеловечности.

Надо пережить эту драму. Нас ожидает переоценка, полная страстей и разочарований, любви и ненависти. Это процесс тяжелый. Но живой. Просверкнула во «фрагментах» Вл.Микушевича интуиция: любить или ненавидеть можно ДРУГИХ, а равенство чревато равнодушием.

Если бы только равнодушием. А то ведь и бьют. «Порато» бьют, как сказал незабываемый Борис Шергин. Стать бы здоровее.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ИСТОЧНИК

документы русской истории

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

К. ПОБЕДОНОСЦЕВ

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

КОНСТАНТИН ПОБЕДОНОСЦЕВ. Работа художника А. В. Николаева из серии «Каменная история». Подробнее об этой серии — в следующих номерах.

«Гений тьмы», «Великий Инквизитор», «дикий кошмар русской истории», «тиран и изверг», «государственный вампир», «нелепая галлюцинация»... Пожалуй, ни один высший сановник не награждался столь нелестными эпитетами, как Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), четверть века занимавший пост обер-прокурора Святейшего Синода. Ему приписывали роль «властителя дум» императора Александра III и главного вдохновителя контрреформ. Его имя стало олицетворением консерватизма и символом всего периода правления «царя-миротворца». «Победоносцев над Россией простер совиные крыла»,— писал Блок в поэме «Возмездие». В истории России он остался мрачной, одиозной фигурой, которую почти единодушно заклеймили современники и последующие поколения. Победоносцеву не простили поругания идеалов «великих» реформ Александра II. Та же судьба постигла и теоретическое наследие крупнейшего русского консерватора.

Победоносцев резко выступал против внедрения элементов западной цивилизации — парламентаризма, гласного суда, свободы печати, университетской автономии, всеобщего обязательного образования и др. Квинтэссенцией его взглядов является знаменитый «Московский сборник» (1896), опубликованный в год пятидесятилетия служебной деятельности и названный по аналогии со сборником славянофилов 1840—1850-х годов.

Идеи Победоносцева объявили реакционным мракобесием и надолго предали забвению. Общественный интерес к его воззрениям возродился лишь в последние годы. И это не случайно. Суровая и жестокая эпоха, переживаемая Россией, неудачные реформаторские эксперименты, безысходность и страх перед будущим заставляют вновь обратиться к извечным вопросам нашего национального бытия: кто мы, Запад или Восток? Возможна ли вообще «вестернизация» России и предначертано ли нам бодро двинуться по проторенному пути европейских стран и США?

В поисках ответа на эти актуальные вопросы современному читателю будет интересно ознакомиться с размышлениями Победоносцева. В настоящей публикации в сокращенном виде приводится наиболее яркий фрагмент «Московского сборника»— глава «Великая ложь нашего времени», где автор критикует систему парламентаризма как форму государственного устройства.

ВАЛЕРИЙ СТЕПАНОВ,
кандидат исторических наук

I

Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений.

Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции *идея*, что всякая власть исходит от *народа* и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастию, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром.

В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление. Прямое осуществление его невозможно: историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноязычии под одним государственным знаменем, наконец разрастается без конца государственная территория: непосредственное народоправление при таких условиях немыслимо. Итак, народ должен переносить свое право властительства на некоторое число выборных людей и облекать их правительственною автономией. Эти выборные люди, в свою очередь, не могут править непосредственно, но принуждены выбирать еще меньшее число доверенных лиц — министров, коим предоставляется изготовление и применение законов, раскладка и собирание податей, назначение подчиненных должностных лиц, распоряжение военною силой.

Механизм — в идее своей стройный; но, для того чтобы он действовал, необходимы некоторые существенные условия. Машинное производство имеет в основании своем расчет на непрерывно-действующие и совершенно ровные, следовательно безличные силы. И этот механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились вовсе от своей *личности*; когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притом представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий. Вот при таких условиях действительно машина работала бы исправно и достигала бы цели. Закон действительно выражал бы волю народа; управление действительно исходило бы от парламента; опорная точка государственного здания лежала бы действительно в собраниях избирателей, и каждый гражданин явно и сознательно участвовал бы в правлении общественными делами.

Такова теория. Но посмотрим на практику. В самых классических странах парламентаризма — он не удовлетворяет *ни одному* из вышепоказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою противной партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от нее — могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достатками нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счет народа, — и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают — раздачей всякой благостыни с обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение. В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный — сравнительно с шумом торжественного производства.

Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть *учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей*. Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, — люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления — общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что mutato nomine все осталось в сущности по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей натуры, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству.

На фронтоне этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему *я*. По смыслу парламентской фикции, представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели — в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя. Перед выборами кандидат, в своей программе и в речах своих, ссылается постоянно на вышеупомянутую фикцию: он твердит все о благе общественном, он не что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это — слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом — для сбора голосов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать: тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы, — одним в угоду, в угрозу другим: длинная, нескончаемая цепь однородных маневров, образующая механику парламентаризма. И такая-то комедия выборов продолжает до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание... Жалкое человечество! Поистине можно сказать: mundus vult decipi — decipiatur*.

Вот как практикуется выборное начало. Честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он, более чем всякий иной, достоин их доверия. Из каких побуждений выступает он на это искательство? Трудно поверить, что из бескорыстного усердия к общественному благу. Вообще, в наше время редки люди, проникнутые чувством солидарности с народом, готовые на труд и самопожертвование для общего блага; это натуры идеальные; а такие натуры не склонны к соприкосновению с пошлостью житейского быта. Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы свои в рабочем углу своем или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдет искать популярности на шумном рынке. Такие люди если идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые ее влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев. Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура: от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей. Такому человеку не стоит труда надеть на себя маску стремления к общественному благу, лишь бы приобресть популярность. Он не может и не должен быть скромен, — ибо при скромности его не заметят, не станут говорить о нем. Своим положением и тою ролью, которую берет на себя, — он *вынуждается* — лицемерить и лгать с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходиться, брататься, любезничать, чтобы приобресть их расположение, — должен раздавать обещания, зная, что потом не выполнит их, должен подлаживаться под самые пошлые наклонности и предрассудки массы, для того чтоб иметь большинство за себя. Какая честная натура решится принять на себя такую роль? Изобразите ее в романе: читателю противно станет; но тот же читатель отдаст свой голос на выборах живому артисту в той же самой роли.

Выборы — дело искусства, имеющего, подобно военному искусству, свою стратегию и тактику. Кандидат не состоит в прямом отношении к своим избирателям. Между ним и избирателями посредствует *комитет*, самочинное учреждение, коего главною силою служит — *нахальство*. Искатель представительства, если не имеет еще сам по себе известного имени, начинает с того, что подбирает себе кружок приятелей и споспешников; затем все вместе производят около себя ловлю, то есть приискивают в местной аристократии богатых и не крепких разумом обывателей, и успевают уверить их, что это их дело, их право и преимущество стать во главе — руководителями общественного мнения. Всегда находится достаточно глупых или наивных людей, поддающихся на эту удочку, — и вот, за подписью их, появляется в газетах и наклеивается на столбах объявление, привлекающее массу, всегда падкую на следование за именами, титулами и капиталами. Вот каким путем образуется комитет, руководящий и овладевающий выборами — это своего рода компания на акциях, вызванная к жизни учредителями. Состав комитета подбирается с обдуманным искусством: в нем одни служат действующею силой — люди энергические, преследующие во что бы ни стало — материальную или тенденциозную цель; другие — наивные и легкомысленные статисты — составляют балласт. Организуются собрания, произносятся речи: здесь тот, кто обладает крепким голосом и умеет быстро и ловко нанизывать фразы, производит всегда впечатление на массу, получает известность, нарождается кандидатом для будущих выборов, или, при благоприятных условиях, сам выступает кандидатом, сталкивая того, за кого пришел вначале работать языком своим. Фраза — и не что иное,

* Человечество желает быть обманутым — и его обманывают (*лат.*).

как фраза — господствует в этих собраниях. Толпа слушает лишь того, кто громче кричит и искуснее подделывается пошлостью и лестью под ходячие в массе понятия и наклонности.

В день окончательного выбора лишь немногие подают голоса свои сознательно: это отдельные влиятельные избиратели, коих стоило уговаривать поодиночке. Большинство, т. е. масса избирателей, дает свой голос стадным обычаем, за одного из кандидатов, выставленных комитетом. На билетах пишется то имя, которое всего громче натвержено и звенело в ушах у всех в последнее время. Никто почти не знает человека, не дает себе отчета ни о характере его, ни о способностях, ни о направлении: выбирают потому, что много наслышаны об его имени. Напрасно было бы вступать в борьбу с этим стадным порывом. Положим, какой-нибудь добросовестный избиратель пожелал бы действовать сознательно в таком важном деле, не захотел бы подчиниться насильственному давлению комитета. Ему остается — или уклониться вовсе в день выбора, или подать голос за своего кандидата по своему разумению. Как бы ни поступил он, — все-таки выбран будет тот, кого провозгласила масса легкомысленных, равнодушных или уговоренных избирателей.

По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а на самом деле избирается излюбленник меньшинства, иногда очень скудного, только это меньшинство представляет организованную силу, тогда как большинство, как песок, ничем не связано и потому бессильно перед кружком или партией. Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперед. Казалось бы, для кандидата существенно требуется — образование, опытность, добросовестность в работе, а в действительности все эти качества могут быть и не быть: они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего — смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторою пошлостью, нередко действующею на массу. Скромность, соединенная с тонкостью чувства и мысли, — для этого никуда не годится.

Так нарождается народный представитель, так приобретается его полномочие. Как он употребляет его, как им пользуется? Если натура у него энергическая, он захочет действовать и принимается образовывать партию; если он заурядной натуры, то сам примыкает к той или другой партии. Для предводителя партии требуется прежде всего сильная воля. Это свойство органическое, подобно физической силе, и потому не предполагает непременно нравственные качества. При крайней ограниченности ума, при безграничном развитии эгоизма и самой злобы, при низости и бесчестности побуждений, человек с сильною волей может стать предводителем партии и становится тогда руководящим, господственным главою кружка или собрания, хотя бы к нему принадлежали люди, далеко превосходящие его умственными и нравственными качествами. Вот какова, по свойству своему, бывает руководящая сила в парламенте. К ней присоединяется еще другая решительная сила — красноречие. Это — тоже натуральная способность, не предполагающая ни нравственного характера, ни высокого духовного развития. Можно быть глубоким мыслителем, поэтом, искусным полководцем, тонким юристом, опытным законодателем — и в то же время быть лишенным действенного слова; и наоборот: можно, при самых заурядных умственных способностях и знаниях, обладать особливым даром красноречия. Соединение этого дара с полнотою духовных сил есть редкое и исключительное явление в парламентской жизни. Самые блестящие импровизации, прославившие ораторов и соединенные с важными решениями, кажутся бледными и жалкими в чтении, подобно описанию сцен, разыгранных в прежнее время знаменитыми актерами и певцами. Опыт свидетельствует непререкаемо, что в больших собраниях решительное действие принадлежит не разумному, но бойкому и блестящему слову, что всего действительнее на массу — не ясные, стройные аргументы, глубоко коренящиеся в существе дела, но громкие слова и фразы, искусно подобранные, усильно натверженные и рассчитанные на инстинкты гладкой пошлости, всегда таящиеся в массе. Масса легко увлекается пустым вдохновением декламации и под влиянием порыва, часто бессознательного, способна приходить к внезапным решениям, о коих приходится сожалеть при хладнокровном обсуждении дела.

Итак, когда предводитель партии с сильною волей соединяет еще и дар красноречия, — он выступает в своей первой роли на открытую сцену перед целым светом. Если же у него нет этого дара, он стоит, подобно режиссеру, за кулисами и направляет оттуда весь ход парламентского представления, распределяя роли, выпуская ораторов, которые *говорят* за него, употребляя в дело по усмотрению — более тонкие, но нерешительные умы своей партии: они за него *думают*.

Что такое парламентская партия? По теории, — это союз людей одинаково мыслящих и соединяющих свои силы для совокупного осуществления своих воззрений в законодательстве и в направлении государственной жизни. Но таковы бывают разве только мелкие кружки: большая, значительная в парламенте партия образуется лишь под влиянием личного честолюбия, группируясь около одного господствующего лица. Люди, по природе, делятся на две категории: одни — не терпят над собою никакой власти, и потому необходимо стремятся господствовать сами; другие, по характеру своему, страшась нести на себе ответственность, соединенную со всяким решительным действием, уклоняются от всякого решительного акта воли: эти последние как бы рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство. Таким образом, люди самые талантливые подчиняются охотно,

с радостью складывая в чужие руки направление своих действий и нравственную ответственность. Они как бы инстинктивно «ищут вождя» и становятся послушными его орудиями, сохраняя уверенность, что он ведет их к победе — и, нередко, к добыче. Итак, все существенные действия парламентаризма отправляются вождями партий: они ставят решения, они ведут борьбу и празднуют победу. Публичные заседания суть не что иное, как представление для публики. Произносятся речи для того, чтобы поддержать фикцию парламентаризма: редкая речь вызывает, сама по себе, парламентское решение в важном деле. Речи служат к прославлению ораторов, к возвышению популярности, к составлению карьеры, — но в редких случаях решают подбор голосов. Каково должно быть большинство, — это решается обыкновенно вне заседания.

Таков сложный механизм парламентского лицедейства, таков образ великой политической лжи, господствующей в наше время. По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практике господствуют пять-шесть предводителей партии; они, сменяясь, овладевают властью. По теории, убеждение утверждается ясными доводами во время парламентских дебатов; на практике — оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волею предводителей и соображениями личного интереса. По теории, народные представители имеют в виду единственно народное благо; на практике — они, под предлогом народного блага и на счет его, имеют в виду преимущественно личное благо свое и друзей своих. По теории — они должны быть из лучших, излюбленных граждан; на практике — это наиболее честолюбивые и нахальные граждане. По теории — избиратель подает голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике — избиратель дает голос за человека, которого по большей части совсем не знает, но о котором натвержено ему речами и криками заинтересованной партии. По теории — делами в парламенте управляют и двигают — опытный разум и бескорыстное чувство; на практике — главные движущие силы здесь — решительная воля, эгоизм и красноречие.

Вот каково в сущности это учреждение, выставляемое целью и венцом государственного устройства. Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессоры наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят об нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят — не давая себе труда вглядеться ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, — ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, — но дети наши и внуки несомненно дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться...

II

Много зла наделали человечеству философы школы Ж. Ж. Руссо. Философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала.

На том же ложном основании стоит и господствующее ныне учение о совершенствах демократии и демократического правления. Эти совершенства предполагают — совершенную способность массы уразуметь тонкие черты политического учения, явственно и раздельно присущие сознанию его проповедников. Эта ясность сознания доступна лишь немногим умам, составляющим аристократию интеллигенции; а масса, как всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы — «vulgus», и ее представления по необходимости будут «вульгарные».

Демократическая форма правления самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина — почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И неудивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия ее суть проявления единой воли, — без этого немыслимо никакое правительство. Но в каком смысле множество людей или собрание народное может проявлять единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками вроде таких, например: «воля народная», «общественное мнение», «верховное решение нации», «глас народа — глас Божий» и т. п. Все эти фразы, конечно, должны означать, что великое множество людей, по великому множеству вопросов, может прийти к одинаковому заключению и постановить сообразно с ним одинаковое решение. Пожалуй, это и бывает возможно, но лишь по самым простым вопросам. Но когда с вопросом соединено хотя малейшее усложнение, решение его в многочисленном собрании возможно лишь при посредстве людей, способных обсудить его во всей сложности, и затем убедить массу к принятию решения. К числу самых сложных принадлежат, например, политические вопросы, требующие крайнего напряжения умственных сил у самых способных и опытных мужей государственных: в таких вопросах, очевидно, нет ни малейшей возможности рассчитывать на объединение мысли и воли в многолюдном народном собрании: решения массы в таких вопросах могут быть только гибельные для государства. Энтузиасты демократии уверяют себя, что народ может проявлять свою волю в делах государственных: это пустая теория, — на деле же мы видим, что народное собрание способно только принимать — по увлечению — мнение, выраженное одним человеком или некоторым числом людей; например, мнение известного предводителя партии, известного местного деятеля, или организованной ассоциации, или, наконец, — безразличное мнение того или другого влиятельного органа печати. Таким образом, процедура решения превращается в игру, совершающуюся на громадной арене множества голов и голосов; чем их более принимается в счет, тем более эта игра запутывается, тем более зависит от случайных и беспорядочных побуждений. <...>

Эти плачевные результаты всего явственнее обнаруживаются там, где население государственной территории не имеет цельного состава, но заключает в себе разнородные национальности. Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается лживость и непрактичность парламентского правления. Примечательно, что начало национальности выступило вперед и стало движущею и раздражающею силою в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии. Довольно трудно определить существо этой новой силы и тех целей, к каким она стремится; но несомненно, что в ней — источник великой и сложной борьбы, которая предстоит еще в истории человечества и неведомо к какому приведет исходу. Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание иметь свое самостоятельное управление, со своею, нередко мнимою, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, — но и с теми, которые никогда не жили особою политическою жизнью. Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, — и не одною только силой, но и уравнением прав и отношений под одною властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти — и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению. Какой нестройный вид получает в подобном составе народное представительство и парламентское правление — очевидным тому примером служит в наши дни австрийский парламент. Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийского парламента! Да не будет.

III

Величайшее зло конституционного порядка состоит в образовании министерства на парламентских или партийных началах. Каждая политическая партия одержима стремлением захватить в свои руки правительственную власть и к ней пробирается. Глава государства уступает политической партии, составляющей большинство в парламенте; в таком случае министерство образуется из членов этой партии и, ради удержания власти, начинает борьбу с оппозицией, которая усиливается низвергнуть его и вступить на его место. Но если глава государства склоняется не к большинству, а к меньшинству, и из него избирает свое министерство, в таком случае новое правительство распускает парламент и употребляет все усилия к тому, чтобы составить себе большинство при новых выборах и с помощью его вести борьбу с оппозицией. Сторонники министерской партии подают голос всегда за правительство; им приходится во всяком случае стоять за него — не ради поддержания власти, не из-за внутреннего согласия в мнениях, но потому, что это правительство само держит членов своей партии во власти и во всех сопряженных со властью преимуществах, выгодах и прибылях. Вообще — существенный мотив каждой партии — стоять за своих во что бы то ни стало, или из-за взаимного интереса, или просто в силу того стадного инстинкта, который побуждает людей разделяться на дружины и лезть в бой стена на стену. Очевидно, что согласие в мнениях имеет в этом случае очень слабое значение, а забота об общественном благе служит прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов. И это называется идеалом парламентского правления. Люди обманывают себя, думая, что оно служит обеспечением свободы. Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента, с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством; но как скоро при большинстве, составляемом под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля целого парламента: тем еще менее можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от нее. Напротив того, именно нездоровая часть населения мало-помалу вводится в эту игру и ею развращается; ибо главный мотив этой игры есть стремление к власти и к наживе. Политическая свобода становится фикцией, поддерживаемою на бумаге, параграфами и фразами конституции; начало монархической власти совсем пропадает; торжествует либеральная демократия, водворяя беспорядок и насилие в обществе, вместе с началами безверия и материализма, провозглашая свободу, равенство и братство — там, где нет уже места ни свободе, ни равенству. Такое состояние ведет неотразимо к анархии, от которой общество спасается одною лишь диктатурой, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении. <...>

Брат шаха Ирана принц Абдор-Реза Пехлеви, который является президентом Международного совета по охоте и охране дач, обратился с просьбой разрешить ему с сопровождающими лицами совершить поездку в Якутию и на Камчатку сроком на 10—15 дней в сентябре 1977 г. с целью охоты на снежных баранов.

МИД СССР и КГБ СССР считают возможным дать согласие на поездку Абдор-Реза Пехлеви в Якутию для охоты в указанное время. Разрешить поездку на Камчатку, поскольку это закрытый для иностранцев район, представляется нецелесообразным.

Проект постановления прилагается.

Просим рассмотреть.

В. Кузнецов
С. Цвигун

«24» мая 1977 года

«ЖУЧКИ» В КВАРТИРАХ МАРШАЛОВ

Совершенно секретно

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

По вопросу об установлении аппаратуры подслушивания в доме № 3 по улице Грановского докладываем.

В архивных материалах 2 Спецотдела МВД СССР обнаружены документы, утвержденные Кобуловым и Абакумовым по установке оперативной техники (подслушивания) на квартирах т.т. Буденного, Жукова и Тимошенко, проживающих в этом доме.

28 сентября и 2 октября 1942 года Кобуловым утвержден план организации установки аппаратуры подслушивания на квартире т. Буденного. Этим планом было предусмотрено устройство техники подслушивания в квартире т. Буденного, через квартиру № 93. Причем работы по установке аппаратуры подслушивания проводились под видом ремонта отопительной системы.

5 июня 1943 года Абакумовым утвержден план дополнительных мероприятий по установке техники подслушивания в квартире т. Буденного с использованием квартиры № 89.

Для организации подслушивания в доме № 3 по улице Грановского была занята отдельная комната, в которой было смонтировано оборудование специальной техники.

Во 2 Спецотделе МВД СССР обнаружены также документы об установке аппаратуры подслушивания на квартирах у т.т. Жукова и Тимошенко.

После ареста Берия, как только нам стало известно о наличии аппаратуры подслушивания у т.т. Буденного, Жукова и Тимошенко, сразу же были приняты следующие меры: обрублены провода, ведущие к аппаратуре, специальное оборудование в отдельной комнате демонтировано и вывезено, а комната сдана коменданту дома.

Прилагаем: дело № К-960 об установке аппаратуры подслушивания на квартире т. Буденного, в двух томах — на 13 листах и на 11 листах, дело Гордец № 584(кв) об установке аппаратуры подслушивания на квартире т. Жукова на 14 листах и рапорта начальника 9 Управления МВД СССР т. Лунева и начальника 2 Спецотдела МВД СССР т. Заболотного об обнаружении и снятии техники подслушивания в доме № 3 по улице Грановского.

С. Круглов,
Л. Серов

«23» июля 1953 года.

СИНДРОМ «БОИНГА»

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

8 сентября 1983 года

Председательствовал тов. ЧЕРНЕНКО К. У.
Присутствовали т.т. Горбачев М. С., Гришин В. В., Тихонов Н. А., Романов Г. В., Устинов Д. Ф., Воротников В. И., Долгих В. И., Кузнецов В. В., Соломенцев М. С., Капитонов И. В., Русаков К. В.

[...]

13. О проведении пресс-конференции в связи с вторжением южнокорейского самолета

ЧЕРНЕНКО. Мы уже предрешили вопрос о проведении пресс-конференции для советских и иностранных журналистов в связи с инцидентом с южнокорейским самолетом. Может быть, товарищи, участвующие в работе над этим вопросом, проинформируют нас о состоянии дел.

КОРНИЕНКО Г. М. (первый зам. министра иностранных дел). Я могу доложить Политбюро, что рабочая группа, образованная из представителей МИД, Министерства обороны и КГБ, собирается каждый день, разрабатываются и вносятся на рассмотрение Политбюро соответствующие предложения. Сейчас главным моментом для нас является подготовка пресс-конференции, которая состоится завтра в три часа дня.

УСТИНОВ. Я скажу о нашей оценке инцидента с южнокорейским самолетом в выступлении при награждении Севастополя.

ЧЕРНЕНКО. Это хорошо.

ЧЕБРИКОВ. Хочу доложить Политбюро, что сейчас в районе падения южнокорейского самолета находится тринадцать американских и японских кораблей и 24 наших корабля. Они сосредоточены в трех местах. Кроме того, там действуют четыре американских самолета и пять наших самолетов. Сейчас на подходе к этому месту находится американское судно для проведения глубоководных работ.

Надо сказать, что в провокационных целях американцы заявили по радио на русском языке о том, что если над действующими американскими кораблями появятся советские самолеты, то они будут сбиты. Это, конечно, преднамеренная провокация.

Поскольку ветер дует к советскому берегу, то море вынесло к берегу примерно 900 различных предметов, связанных с гибелью самолета. Трупов пока нет.

Наметились некоторые новые тенденции в американской пропаганде вокруг инцидента. Во-первых, постоянно муссируется вопрос о том, что якобы самолет был сбит не над советской территорией, а над нейтральными водами. Это заведомая ложь. Во-вторых, поднят шум вокруг требований о компенсации семьям тех, кто летел в самолете. В-третьих, в печати США и Японии так или иначе все больше стало появляться вопросов о том, почему американские власти умалчивают о фактах слежения за южнокорейским самолетом. Многие корреспонденты прямо говорят, что ночное время, состояние погоды, а также расстояние, отделявшее самолет от советских истребителей, не давали возможности точно определить его принадлежность. Одновременно высказывается удивление тем, что ни американцы, ни японцы не поместили никаких сообщений о деятельности своих диспетчерских служб.

ТИХОНОВ. Будем ли мы проводить глубоководные работы в районе гибели самолета?

УСТИНОВ. Есть один корабль у Министерства рыбной промышленности, приспособленный для глубоководных работ. Мы попытаемся его использовать.

ЧЕБРИКОВ. Глубина там оказалась не 80—100 метров, как предполагалось ранее, а 400—600 метров. Работать на такой глубине будет довольно трудно. Да и притом воды нейтральные.

ГОРБАЧЕВ. Не прорабатывался вопрос, как нам действовать на заседании ИКАО?

ЧЕБРИКОВ. ИКАО не имеет права обсуждать вопрос об инциденте с самолетом.

ТИХОНОВ. Однако Ассоциация пилотов заявила, что не будет иметь с нами дело в течение двух месяцев.

ЧЕБРИКОВ. Она попала в довольно трудное положение. В Советском Союзе сейчас много иностранных туристов. Кто их будет вывозить, если они не будут принимать самолеты Аэрофлота? Пока санкции в отношении Аэрофлота предприняли только США и Канада.

Что касается нашей страны, то у наших людей отношение к инциденту самое спокойное и правильное. Надо отметить, что американские и другие иностранные корреспонденты попытались пойти с магнитофонами по Москве и поспрашивать прохожих об их отношении к инциденту с южнокорейским самолетом. Ответы были такие решительные и острые, что корреспонденты очень быстро убрались восвояси.

ЧЕРНЕНКО. Теперь главное — успешно провести пресс-конференцию. Постановление по этому вопросу у вас имеется. Нет возражений, чтобы его одобрить?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Нет, можно одобрить.

Постановление принимается.

АЛЕКСЕЙ ЛИТВИН,
доктор исторических наук

ДОСЬЕ НА АРТИСТА

(повествование основано исключительно на документах и немного на детективном воображении автора)

Не успел я в первую военную зиму спеть десятка два спектаклей и концертов, как у меня открылся активный процесс в правом легком. Вместо театра я очутился в больнице. Стоял ветреный и вьюжный февраль 1942 г. Через два месяца меня отправили на лечение в Елабугу... Чистый, смоляной воздух быстро помог мне почувствовать себя здоровым — в лесу пелось свободно, легко!

С. Я. Лемешев. Путь к искусству. М.,1982. С. 182—183.

Артиста с женой провожала Полина Жемчужина, жена Молотова. Она успокаивала измученного болезнью певца, дала ему с собой сумку с продуктами и лекарствами, просила беречь себя, писать ей...

Наконец поезд тронулся, раскачиваясь на стыках путей. А вслед за ним на имя наркома внутренних дел Татарии помчалась строго секретная телеграмма:

«24 мая с. г. из Москвы в гор. Елабугу (ул. Маленкова, д. 11) к Франио выехали на летнее время разрабатываемые нами по подозрению в «шп» (шпионаже — А. Л.) в пользу немцев Верзер-Лемешева Любовь Арнольдовна с мужем Лемешевым Сергеем Яковлевичем. Прошу Вас лично обеспечить агентурным обслуживанием Лемешевых и установить «пк» (постоянный контроль. — А. Л.) в их адрес. О всех проводимых мероприятиях прошу систематически нас информировать.

Зам. нач. 2 управления НКВД СССР ст. майор ГБ Райхман».

В переполненной беженцами и эвакуированными маленькой Елабуге «чекистам» было с кем поработать и за кем понаблюдать. Они, наложив запрет на любую работу, уже довели погибавшую от голода Марину Цветаеву до самоубийства. И вот новая мишень — знаменитый артист.

Нарком внутренних дел Татарии майор ГБ Габитов — начальнику отделения НКВД в Елабуге старшему лейтенанту ГБ Козунову. Совершенно секретно. Только лично.

«По ориентировке 2 управления НКВД СССР 24 мая с. г. из Москвы в гор. Елабугу к Франио (проживающей по ул. Маленкова, д. 11) на летнее время выехали разрабатываемые по подозрению в «шп» Верзер-Лемешева Л. А. с мужем Лемешевым С. Я.

Обязываю лично Вас установить Лемешевых и организовать агентурное обслуживание и установить «пк» на документы, поступающие в их адрес. О результатах установки, а также принятых мерах по разработке Лемешевых немедленно поставить меня в известность. О добытых материалах в процессе их разработки — информируйте».

Старший лейтенант быстро выяснил, что Зинаида Анатольевна Франио, русская, беспартийная, 1893 года рождения, работает заведующей хозяйством детского интерната хозяйственного управления СНК СССР, ее муж там же служит бухгалтером. Он также узнал, что Лемешевы несколько дней по приезде жили у Франио, затем она им подыскала комнату в доме № 55 по улице Ленина.

Из докладной записки Козунова наркому внутренних дел Татарии «Об агентурном обслуживании Лемешевых»:

«Дом, в котором поселились Лемешевы, принадлежит Горячкиной, дряхлой, глухой старухе, муж ее был капитаном на разных пароходах и давно умер. С ней вместе проживают: сын, его жена и трое детей, а также жена второго сына, утонувшего в Каме в прошлом году. Она преподает русский язык в школе и недавно вновь вышла замуж за учителя той же школы. По характеристике заведующей РОНО, оба учителя «признаются коллективом учителей и учащихся людьми, которые с большим трудом воспринимают и тем более проводят в жизнь новые мероприятия, стараются быть в стороне».

Кроме домовладельцев, в этом доме проживают: У. Н. Лебедева, учительница из Ленинграда, приехала в Елабугу 18 ноября 1941 г. с эвакуированными детьми. Она настойчива и инициативна, быстро сходится с людьми, ориентируется в любой обстановке. С ней вместе в комнате живет ее подруга К. А. Макарьева, также учительница из Ленинграда, с двумя сыновьями в возрасте 13—15 лет. Это вздорная женщина, в быту нечистоплотна, любит мужиков, детей не стесняется. Лебедева и Макарьева живут в комнате рядом с комнатой Лемешевых. Лемешевы занимают одну комнату в 14 метров во втором этаже. Комната сухая, чистая. Два окна выходят в сад, два на улицу».

Уполномоченный действовал профессионально: ему были нужны люди, находящиеся рядом с Лемешевыми и, главное, согласные обо всем доносить. Одним он обещал за это продуктовый паек, другим — продление брони, чтобы не призвали в армию, и всех предупреждал о важности задания, брал расписки о неразглашении тайны. Потом спокойно говорил:

— Вы представляете, что с Вами будет, если не выполните задания или кому-нибудь проговоритесь?

Все представляли и... выполняли. Одни с удовольствием, другие — с отвращением. Доносили о каждом шаге артиста.

14 июля 1942 года сексот докладывала:

«Причина появления Лемешевых в г. Елабуге, по слухам, та, что у него в детском интернате хозуправления СНК СССР находится сын или племянник, но при проверке эти слухи не подтвердились... Странными кажутся взаимоотношения Лемешева с женой. Они не походят на взаимоотношения близких, сроднившихся людей. Когда они одни, то разговаривают очень мало. Ходят они по улице не рядом, а или он впереди — она сзади, или наоборот.

Часам к 6 вечера к Лемешевым приходят гости из детского интерната хозуправления СНК СССР — пожилой мужчина с женой, пьют чай, иногда играют в карты, мужчина работает в интернате бухгалтером, жена — завхозом. По внешности мужчина напоминает бывшего директора банка или военного чиновника. Он очень аккуратно и чисто одет, манеры изысканны, речь деликатна, культурна. Голос мягкий, проникновенный. Его жена тоже интеллигентная старушка. На незнакомых смотрит с брезгливостью, не общительна.

Во время игры в карты разговоры ведутся на бытовые темы. Разговаривают больше Лемешев и незнакомый мне мужчина. У Лемешевых они сидят до 10—11 часов вечера, после чего уходят домой, а Лемешевы ложатся спать. Газет Лемешев не читает».

Другой сексот в тот же день:

«К Лемешеву в гости заезжал на машине комиссар казанского полка (фамилию не знаю), пробыл у него больше двух часов. Беседа велась очень оживленная в дружеском тоне. Сути разговора было не слышно. От Лемешева гость поехал на Мамадыш, так ответил комиссар на вопрос шофера: Куда теперь поедем, на Мамадыш? — Последовал ответ: Ну, поедем на Мамадыш».

И справка, написанная рукой Козунова:

«Проходящие по донесению пожилой мужчина и его жена являются З. А. Франио и ее муж, Н. И. Ребрик. Автомобиль № ТУ 17—19 принадлежит военкомату ТАССР и обслуживает начальника политотдела, полкового комиссара т. Мишнева. 14 июля с. г. данная машина была в Елабуге под управлением шофера Васильева с полковым комиссаром Мишневым в елабужском райвоенкомате. Донесения представлены соседями Лемешева».

По наблюдениям сексотов, сослуживцев Франио, Лемешев с женой часто к ней заходил. Они даже подчеркивали, что между Лемешевым и ею существует «давнишняя какая-то необыкновенная и странная дружба». Певец называл Франио «мама Зина». Когда установилась эта дружба, сексоты не знали.

Один из них писал:

«Франио — опытная и внимательно-наблюдательная женщина, имеет какую-то власть над Лемешевым. Он ее слушается. Например, как-то Лемешева пригласили спеть рабочим механического завода в Елабуге. Он уже оделся и хотел идти. Узнав об этом, Франио не пустила его, сказав:

— Вы что, с ума сошли, там же в клубе грязь. Вы не можете себе представить, что это за помещение. Это ведь не московский клуб.

Однако 5 июля, в день рождения Франио, был устроен концерт в подвальном помещении интерната, приспособленном под столовую. Лемешев там выступал, исполнил около 10 песен, в том числе арию Ленского. На других концертах и вечерах — не выступает».

Доносы фиксировали мельчайшие подробности из жизни артиста: каждый выход его из дома, разговоры, высказывания... Из них можно узнать, что Лемешев редко ходил в кино, на концерты, всегда был в сопровождении либо жены, либо Франио, почти ежедневно ездил в Танаевский лес, что в 4-х километрах от Елабуги.

Правда, все это мало интересовало старшего лейтенанта. В донесениях он подчеркивал другое. Вот наблюдала за здоровьем Лемешева подруга Франио — врач лагеря НКВД № 95 Радуцкая. А брат у нее, оказывается, погиб во Франции, на чьей стороне воевал — неизвестно. Или Лемешев рассказывал о том, что был на родине, в деревне Князево Калининской области, виделся с матерью. По словам Леме-

шева, она «была в плену у немцев и вырвалась. Немцы были в нашем доме, разыскали мои пластинки, которые мать зарыла в огороде, играли их на патефоне. Когда мать услыхала мой голос — заплакала. Немцы дом матери не тронули. В деревне осталось несколько домов, в том числе и наш дом». Жена Лемешева настаивала на том, чтобы он вывез мать из прифронтовой полосы. Он же отвечал, что бессилен это сделать.

Но и в этих доносах особого криминала не было. Уполномоченный понимал: нужна более подробная информация, а для этого требуются агенты, могущие что-либо выведать о «замыслах» артиста в непринужденной, доверительной обстановке. Потому и обрадовался, узнав, что певец любит играть в преферанс и ищет партнеров. С ним вместе играли комиссар лагеря НКВД Юдин, сосед Троицкий, завхоз лагеря НКВД Еремин. Но это была непостоянная компания. К тому же никто из них доверия Козунову не внушал.

Собранные сведения позволяли старшему лейтенанту характеризовать Еремина как «бывшего офицера-добровольца белой армии» и организатора вечеров-попоек (непонятно только, как он с таким прошлым был на воле и работал в лагере НКВД?), Юдин был способен выболтать сведения, не подлежащие оглашению... А тут еще сексот информировал, что Лемешев жалуется на плохую погоду и хочет уехать. Операцию по «изобличению» следовало форсировать. Вскоре на рассмотрение начальства был предложен следующий план мероприятий из восьми предложений:

1. Завербовать Лебедеву, соседку Лемешевых по квартире, для наблюдения за ними по дому и выявления их других связей.

2. Проверить всю агентуру елабужского районного отделения НКВД с целью выявления хороших преферансистов и ввода их в агентурное обслуживание Лемешева. При отсутствии такой агентуры, найти в Елабуге хороших преферансистов и завербовать.

3. Проверить всю агентуру елабужского районного отделения НКВД с целью выявления хороших охотников и рыбаков для подвода их к Лемешеву, высказывающему желание охотиться и ловить рыбу.

4. Сексоту «Лебедевой» (это была шофер машины интерната) поручить, чтобы она в ближайший выходной день «увязалась» с Лемешевыми пойти в лес по грибы и выяснила, в каком направлении они ходят по лесу. После этого выехать в Танаевский лес, тщательно осмотреть, выявить глухие и удобные места и организовать засаду с целью выявления возможно скрываемого в этом лесу радиопередатчика.

5. Для разработки Франио по месту работы изучить возможность вербовки Петровой, работающей старшим бухгалтером детского интерната хозуправления СНК СССР.

6. Связаться с начальником особого отдела лагеря НКВД № 95, выявить у него возможности разработки Радуцкой, Еремина и их связей по лагерю, договориться с ним о дальнейшем направлении разработки этих лиц.

7. Сексоту «Знакомый» (это директор интерната), с которым Лемешев часто встречается, поручить выяснить его настроение и отношение к ходу военных действий против фашистской Германии.

8. Аналогичное мероприятие провести в отношении Франио через сексота «Лебедеву», которая ежедневно обращается к Франио за сведениями о том, что делается на фронте. Последняя охотно информирует «Лебедеву».

Все эти мероприятия предлагалось осуществить до 16 июля 1942 года, дня возможного отъезда Лемешевых.

В то утро Сергей Яковлевич встал в хорошем настроении. Он и раньше не очень верил в опасения врачей, а теперь считал себя абсолютно здоровым. Вместе с женой попили чаю и решили отправиться в лес, возможно, в последний раз.

В сосновом бору было хорошо. Они медленно побрели по узким тропинкам.

Потом, оставив жену на полянке, Лемешев взял небольшую сучковатую палку и медленно пошел по еле обозначенной дорожке, перелезая через сваленные деревья и отводя от себя нависшие ветки. Минут через двадцать он вышел на небольшую, залитую солнечным светом полянку и остановился.

Сержант ГБ целый день лазил по лесу и тоже облюбовал эту полянку как вероятное место хранения радиопередатчика. Еще накануне вырыл он под большим пнем окопчик.

Когда появился певец, сержант напрягся, как готовая к прыжку гончая.

Лемешев вел себя так, как и должен был вести человек на прогулке. Он медленно обошел полянку, нашел несколько ягод, посмаковал их и проглотил. Подошел к старой большой сосне и неожиданно для себя запел: «Ах ты, душечка, красна девица...» Он допел куплет до конца, огляделся и неторопливо подошел к большому пню. Осмотрелся еще раз и помочился на него. А затем... пошел назад.

Сержант все вытерпел. Потом с гордостью докладывал: певец был рядом, но маскировка была замечательной, и его никто не заметил.

Через несколько дней Лемешевы уехали из Елабуги.

Что касается елабужских гебешников, то их вскоре повысили в звании и должностях, а сексоты перешли в следующее агентурное подчинение. Каждому свое...

ВЭМЭНЫ*

Военные фотографии Виктора Кондратьева

Совершенно секретно
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу Б Е Р И Я

С П Р А В К А

С начала войны по 10-е октября с. г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657.364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249.969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407.395 военнослужащих.

Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25.878 человек, остальные 632.486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов — 1.505
диверсантов — 308
изменников — 2.621
трусов и паникеров — 2.643
дезертиров — 8.772
распространителей провокационных слухов — 3.987
самострельщиков — 1.671
других — 4.371

Всего — 25.878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10.201 человек, из них расстреляно перед строем — 3.321 человек.

По фронтам эти данные распределяются:

Ленинградский: арестовано — 1.044
расстреляно — 854
расстреляно перед строем — 430
Карельский: арестовано — 468
расстреляно — 263
расстреляно перед строем — 132
Северный: арестовано — 1.683
расстреляно — 933
расстреляно перед строем — 280
Северо-Западный: арестовано — 3.440
расстреляно — 1.600
расстреляно перед строем — 730
Западный: арестовано — 4.013
расстреляно — 2.136
расстреляно перед строем — 556
Юго-Западный: арестовано — 3.249
расстреляно — 868
расстреляно перед строем — 280
Южный: арестовано — 3.599
расстреляно — 919
расстреляно перед строем — 191
Брянский: арестовано — 799
расстреляно — 389
расстреляно перед строем — 107
Центральный: арестовано — 686
расстреляно — 346
расстреляно перед строем — 234
Резервные армии: арестовано — 2.516
расстреляно — 894
расстреляно перед строем — 157

Зам. Нач. Управления ОО НКВД СССР
Комиссар гос. безопасности 3 ранга

(Мильштейн)

[октябрь] 1941 года

* Вэмэн («советизм», рожденный в 30-е годы) — приговоренный к высшей мере наказания.

РЕКОМЕНДАЦИИ ФЫН СИ

Многие годы Корейская война приковывает к себе внимание историков, журналистов и политиков. За рубежом об этой войне изданы сотни различных книг, однако споры не прекращаются и по сей день. И дело не только в идеологических пристрастиях, но и в отсутствии каких-либо серьезных документальных публикаций в КНДР и странах, ей помогавших (Китай, СССР), которые могли бы пролить свет на «политическую кухню» тех лет. С рассекречиванием партийных архивов появляется надежда, что по крайней мере в России ситуация изменится.

Предлагаем читателям ознакомиться с двумя сенсационными документами — посланиями Сталина, выступавшего под скромным псевдонимом Фын Си, к советским военным представителям в Северной Корее. Письма уникальны уже тем, что в них Сталин, со свойственным ему тоном и стилем, анализирует сложившуюся военную обстановку и предлагает принять конкретные меры, судя по которым Великая Отечественная не прошла бесследно для «отца народов», и он кое-чему научился.

Сов. секретно

Пхеньян
Матвееву
Штыкову

Серьезная обстановка, сложившаяся за последние дни на фронте Корейской Народной Армии, как в районе Сеула, так и на юго-востоке, в значительной степени является следствием допущенных крупных ошибок со стороны Командования фронтом, Командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого использования.

В этих ошибках еще более повинны наши военные советники. Наши военные советники не добились точного и своевременного выполнения приказа Главкома о выводе с основного фронта в район Сеула четырех дивизий, тогда как полная возможность к этому в момент принятия решения была, ввиду этого было потеряно семь дней, что и принесло американцам под Сеулом большую тактическую выгоду. Своевременный же вывод этих дивизий мог вкорне изменить обстановку под Сеулом.

Прибывавшие в район Сеула разрозненные и не готовые еще к бою батальоны и отдельные полки не могли дать эффекта ввиду их разрозненности и отсутствия связи со штабом. Прибывшая с юго-востока дивизия сразу же и неорганизованно вводилась в бой по частям и это облегчило противнику растрепать ее. Следовало бы как и указывалось нами ранее эту дивизию развернуть для боя на рубеже северо-восточнее и восточнее Сеула, привести ее здесь в порядок, дать хотя бы суточный отдых, изготовить ее для боя и только после этого организованно вводить ее в бой.

Обращает на себя серьезное внимание неправильная и совершенно недопустимая тактика использования в бою танков. Танки в последнее время используются у вас в бою без предварительных артиллерийских ударов с целью очистки поля для танков, ввиду чего ваши танки очень легко сжигаются противником. Нашим военным советникам, имеющим за своими плечами опыт Великой Отечественной войны должно быть известно, что такое неграмотное использование танков приводит лишь к потерям.

Обращает внимание стратегическая малограмотность наших советников, а также их слепота в деле разведки. Они не поняли стратегического значения высадки противника в Чемульпо, отрицали серьезное значение высадки, а Штыков даже предлагал привлечь к суду автора заметки в «Правде» об американском десанте. Эта слепота и отсутствие стратегического опыта привели к тому, что необходимость переброски войск с юга в район Сеула была подвергнута сомнению, сама переброска была растянута и замедлена и таким образом потеряли на этом семь дней к радости противника.

Исключительно слаба помощь наших военных советников Корейскому командованию и в таких важнейших вопросах, как вопросы связи, управления войсками, организации разведки и ведения боя. В результате этого войска Корейской Армии, по существу почти неуправляемы, ведут бой вслепую и организовать

Стиль, орфография и пунктуация документов сохранены. — *Ред.*

взаимодействие между родами войск в бою не могут. Это терпимо может быть при успешном наступлении, но нетерпимо совершенно при осложнениях на фронте.

Необходимо Вам все это разъяснить нашим военным советникам и в первую очередь Васильеву.

В условиях создавшейся обстановки, в целях оказания помощи Корейскому Командованию и, особенно, в вопросах организованного вывода войск корейской народной Армии с юго-востока и быстрейшей организации нового фронта обороны к востоку, к югу и к северу от Сеула нашим советникам необходимо добиваться:

1. Отвод главных сил производить под прикрытием сильных арьергардов, выделяемых от дивизий, способных оказать серьезное сопротивление противнику, для чего во главе арьергардов поставить опытных боевых командиров, арьергарды усиливать войсковой и прежде всего противотанковой артиллерией, саперными войсками, а там, где имеется возможность, и танками.

2. Арьергарды обязаны вести бой от рубежа к рубежу, широко применяя заграждения, используя для этой цели мины и подручные средства.

Действия арьергардов должны быть решительными и активными тем, чтобы выигрывать время, необходимое для отвода главных сил.

3. Главные силы дивизий, по возможности, вести не разрозненными группами, а компактно, в готовности пробивать себе дорогу боем. От главных сил необходимо выделять сильные авангарды с артиллерией, а по возможности и с танками.

4. Танки использовать только совместно с пехотой и после артиллерийских предварительных ударов.

5. Теснины, мосты, переправы, перевалы через хребты и важные узлы дорог на пути движения главных сил следует стремиться занимать и удерживать их до прохода главных сил высылаемыми вперед отрядами.

6. Вопросам организации войсковой разведки, а также обеспечению флангов и поддержанию связи между войсковыми колоннами должно быть уделено при отводе войск особое внимание.

7. При организации обороны на рубежах следует избегать растягивания всех сил по фронту, а прочно прикрывать основные направления и создавать сильные резервы для активных действий.

8. При организации связи с войсками по линии Корейского Командования использовать радиосредства с применением шифра.

При организации работы наших военных советников в дальнейшем, в соответствии с этой директивой, Вам надлежит принять все меры к тому, чтобы ни один военный советник, как указывалось это ранее, не попал в плен.

О принятых мерах донести.

ФЫН СИ

Сов. секретно

Пхеньян
Штыкову, Матвееву

Ваши телеграммы от 30 сентября и 1 октября мы получили. Из этих телеграмм видно, что тов. Ким Ир Сен и другие товарищи из корейского руководства ставят перед Вами ряд вопросов, от ответов на которые Вы уклоняетесь. Такое Ваше поведение считаем неправильным. В сложившейся тяжелой обстановке корейские товарищи естественно ищут советов и помощи, а тов. Штыков отмалчивается и тем самым способствует усилению неуверенности у корейского руководства. Тов. Матвеев был послан в Корею не для передачи сводок о событиях в Корее, которые мы и без того получали, он до сих пор не дал еще в Москву своей обстоятельной оценки военной обстановки в Корее, не говоря уже о том, что он не дал никаких предложений, или советов, вытекающих из обстановки, и тем самым затрудняет нам принятие того или иного решения по корейским вопросам. Тов. Матвеев мало помогает корейским руководителям, что видно из того, что корейское руководство не имеет до сих пор какого-либо плана обороны республики на 38-й параллели и севернее ее, не имеет плана вывода войск из Южной Кореи.

Учтите эти указания в своей дальнейшей деятельности в Корее.

Немедленно посетите Ким Ир Сена и Пак Хен Ена и передайте им следующее:

Первое. Пойдет ли противник на Север за 38-ю параллель. В этом вопросе нужно исходить из худшего, то есть, что противник будет стремиться захватить Северную Корею, поэтому без промедления следует мобилизовать все силы и не допустить перехода противником 38-й параллели, а следовательно и быть готовым к борьбе с противником и севернее 38-й параллели.

Нельзя не дооценивать сил и возможностей Корейской республики в деле организации обороны. На Севере Кореи имеются большие мобилизационные возможности и ресурсы. Надо в настоящей трудной обстановке во что бы то ни стало решить задачу создания в кратчайший срок боеспособных военных сил, как за счет укрепления существующих войск, так и за счет новых формирований. Все эти войска мы полностью обеспечим вооружением.

Считаем неправильным мнение о том, что Северная Корея не может оказать сопротивления на 38-й параллели и севернее. Силы у корейского правительства есть, нужно только их организовать и использовать все возможности для обороны. Нужно всемерно форсировать формирование частей и соединений, вооружение для которых уже находится на пути в Корею. Вместе с этим необходимо принять более энергичные меры по выводу войск с Юга, имея в виду, при этом, что сплошного фронта на Юге нет, следовательно войска имеют полную возможность выйти на Север. Надо с этим делом торопиться, так как американцы безусловно постараются в ближайшее время лишить войска этой возможности.

Второе. На Юге, в тылу у противника, необходимо перейти к партизанской войне, в кратчайший срок развернуть активные действия партизан, используя для этой цели наряду с партизанами из местного населения оставшиеся там те войсковые части, выход для которых на Север исключен. Партизанам поставить задачу — путем нарушения коммуникаций, уничтожения штабов и линий связи, нападения на офицеров и солдат противника и путем других активных действий дезорганизовать и терроризовать его тыл.

Третье. Создавшаяся обстановка требует твердого руководства и перестройки его в соответствии с новыми задачами организации упорной обороны. Для этого необходимо, прежде всего, покончить с имеющимися настроениями неуверенности в руководстве, строго и четко определить обязанности руководящих товарищей, возложив на каждого определенные задачи и ответственность по отдельным вопросам обороны страны. Надо беспощадными и немедленными мерами сломить голову реакции и обеспечить порядок в своем тылу. Для борьбы с парашютистами — диверсантами противника следует создать истребительные отряды местной самообороны из надежных людей. В распоряжении Правительства обязательно иметь, в месте его расположения, сильный воинский кулак из людей надежных и преданных правительству. Немедля должны быть приняты все меры к минированию основных портов и мест возможной высадки десантов противника; в этом мы также окажем необходимую помощь.

Четвертое. Что касается вопроса, поставленного в письме тов. Ким Ир Сена тов. Фын Си о помощи вооруженными силами, то мы считаем наиболее приемлемой формой помощи — помощь добровольческими частями. По этому вопросу нам придется проконсультироваться, прежде всего, с китайскими товарищами. Ответ на письмо тов. Ким Ир Сена получите на днях.

ФЫН СИ

1 октября 1950 г.

«НУЖНО ПОКАЗАТЬ «РУКУ ВЛАСТИ», — РЕШИЛО ПОЛИТБЮРО

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

29 февраля 1988 года

Председательствовал тов. ГОРБАЧЕВ М. С.
Присутствовали т.т. Громыко А. А., Лигачев Е. К., Никонов В. П., Слюньков Н. Н., Соломенцев М. С., Чебриков В. М., Шеварднадзе Э. А., Яковлев А. Н., Маслюков Ю. Д., Талызин Н. В., Язов Д. Т., Бакланов О. Д., Бирюкова А. П., Капитонов И. В.

1. О дополнительных мерах в связи с событиями в Азербайджанской и Армянской ССР

ГОРБАЧЕВ. Меры, которые мы предприняли, в том числе обращение, направленное прямо в Армению и в Азербайджан, сыграли свою роль. Люди откликнулись на обращение. Его после доработки направили туда ночью по шифрсвязи, а уже днем с ним начали работать.

В последний момент на улицах Еревана было не менее полумиллиона человек. Все было парализовано, все остановлено. Начали подтягиваться люди из ближайших сел. Шли колоннами.

ГРОМЫКО. В последний момент — это сегодня?

ГОРБАЧЕВ. Нет, перед обращением — это в пятницу. Такая масса людей. В Карабахе произошла стычка азербайджанцев с армянами, двое погибло. По Еревану пошли листовки: кончайте армяне митинговать, беритесь за оружие и давите турок. Был выстрел с дальнего расстояния из пистолета по штабу армии. Пуля попала в окно кабинета начальника штаба. Но она застряла между рамами, так как была на излете. Вот такие начали проявляться моменты. Мы знаем, что там есть экстремистские элементы.

Но я должен сказать, что даже тогда, когда на улицах Еревана было полмиллиона людей, дисциплина у армян была высокой, ничего антисоветского не было. Кроме отдельных групп, которые выходили и митинговали (я позже скажу, о чем они говорили), — тем не менее вся масса шла под знаменами нашими, с портретами членов Политбюро. Только экстремисты подбрасывали лозунг самоопределения. Но во всех выступлениях дело не доходило ни до антисоветизма, ни до враждебных выходок и т. д.

Так держалась вся эта масса. Но из этого вытекает и то, что все это было хорошо, товарищи, подготовлено. Так просто все это не организуешь: и смены шли, и питание подвозилось, и друг друга меняли. Мне Власов обо всем этом рассказывал. Они это изучали.

Во всех выступлениях была тема Карабаха, его присоединения к Армении. Говорилось, что этот вопрос при Сталине был решен неправильно, что это решение было навязано народу в известных условиях, что оно неправильно и что этот вопрос надо решить сейчас, в рамках демократизма и перестройки.

Мне Власов дал пленку, на которой события этих трех дней засняты скрытой камерой. Я просмотрел все выступления, всю эту массу видел. Перспективу покажут — миллион голов стоят голова к голове, насколько камера берет. Среди них — молодежь, старики. Выступали знатные люди — народные артисты, художники, в общем крупные величины. Все концентрировалось вокруг положения в Нагорном Карабахе. Говорилось о неуважительном отношении к армянской культуре, о том, что армяне, армянская автономия бесправны, без связей с родиной и т. д. Все напряжение было на армянском крыле. Потому что решением, которое мы приняли на Политбюро, мы держали Азербайджан, откровенно говоря. Если бы мы не приняли этого решения, то было бы то, о чем я вам скажу потом.

Когда я беседовал здесь, в ЦК, с Капутикян и Балаяном, то я им сказал, что мы всю историю вопроса знаем, что это трудная история. Причины ее, корни — за рубежом, за нашими пределами. То, что история, судьба разметала армянский народ, — это все мы знаем и понимаем. Собственно, я вижу две причины: с одной стороны, многие упущения в самом Карабахе и плюс эмоциональное начало, которое сидит в народе. Все, что исторически произошло с этим народом, оно сидит, и поэтому все то, что его задевает, вызывает такую реакцию.

А за что уцепиться, там было и есть. Оказывается, секретарь Степанакертского обкома за 14 лет ни разу не был в Армении, хотя Нагорный Карабах — это ведь армянская автономия. Ну и многое другое начинают перечислять. Даже дороги, ведущие в Армению, забросили. Культурная связь была нарушена. Это сознательно делалось. Передачи турецкого телевидения принимаются в Нагорном Карабахе, армянского — нет. А это все ведь задевает чувства людей.

Я Виктора Михайловича спрашиваю: что ты там сделал с пограничной полосой? Он мне сказал, что в Нахичевани, где проходит граница, у пограничников есть своя полоса, где расположены заставы, и т. д. А всю глубину пограничной зоны определяют местные органы, в данном случае республиканские. И какое решение было ими принято? Вся Нахичевань была отнесена к пограничной зоне, свободный въезд туда был запрещен. А ведь там жертвы геноцида были захоронены, там находятся все их могилы. Там было 90 памятников армянской культуры, из которых один остался. И все. Никого не пускают под тем предлогом, что это пограничная зона и дорога, которая ведет туда, как говорят, 70 лет не ремонтируется. Это же, знаете, как все воспринимается!

Короче, они накручивают эмоции здорово, но я скажу, что все это требует изучения, видимо, не зря они туда стучатся.

Эта информация, конечно, с одной стороны идет. Но называются вещи проверяемые. Еще накануне, в среду, я поручал Александру Николаевичу поговорить от моего имени с Капутикян и обратить ее внимание на то, что они должны проявить зрелость, сказать свое веское слово, остановить нежелательное развертывание событий. Он с ней разговаривал. Разговор был длинный, с плачем, с рыданиями у телефона. Но все-таки [она] пообещала это сделать, остановить неблагоприятный процесс, потом разбираться. Но в то же время обвиняла, что мы встали на сторону азербайджанцев, заявляла, что они не экстремисты, не подстрекатели.

Пока мы заседали в четверг, она села на самолет и прилетела в Ереван. Здесь они соединились с Балаяном — писателем, корреспондентом «Литературной газеты». Личность националистическая, причем яро националистическая. Талантливая личность. 33 книги написал. Очень известный у них и немного разнузданный, самоуверенный и очень карьерный. Очень.

Еще в Москве Капутикян притащила с собой и его. Просила, чтобы я хоть на пять минут принял. Я подумал: что же уклоняться, тут надо использовать все. Я скажу то, что я думаю, а им после этого трудно будет — они будут связаны мной. Я вам уже говорил, что к письму я ночью пришел, вспоминал, как Ленин действовал, когда острое положение было, — или сам обращался, телеграммы слал и т. д. И встречался с самыми неприятными личностями. А она у них там почетный что ли председатель Комитета — Капутикян? Да.

Встретился. Я говорил — в Азербайджане напряженно. Вы понимаете, надо остановить это. Там тоже люди напряжены. А она мне говорит: а чего они напряжены? Вы приняли решение в их пользу. Я говорю: нет, я с Вами не соглашусь. Мы приняли решение в пользу Армении, Азербайджана и страны в целом. Беседа была очень трудная, эмоциональная, заряженная. Нам, говорила Капутикян, сказали, что Ваша подпись под обращением стоит, мы на Вас надеемся и т. д. Я тоже считаю, ответил я, что вы надеетесь на Политбюро, на меня, как генерального секретаря, и поэтому я и поставил подпись.

Я вас уверяю, что схлынут события, все встанет на свое место и вы скажете «спасибо», что вас остановили. Спасибо скажете, что Михаил Сергеевич подписал обращение. Против течения, которое у вас пошло, сейчас надо пойти, надо остановить его. Вопросы есть. Но если мы сейчас не остановимся, не учтем реальностей, то тогда начнется движение с той стороны. Кто тогда вообще ситуацию в руки возьмет. Надо сказать, что она была против, твердо заявляла, что территориальный вопрос надо разбирать сейчас. Ну почему, спрашивала она, вы комиссию не хотите создать. Для татар создали, а тут такой вопрос — две республики. Почему вы не хотите комиссии? Я говорю: послушайте, какая же нужна комиссия, если вы сидите у меня на приеме, если решением вопроса Политбюро и Правительство занимаются. Я говорю вам откровенно, чтобы вы знали, комиссию мы создали, но автономию татарскую восстанавливать не будем. Но вопросы, которые жизнь поставила, будем решать.

Балаян (у него мозги быстро работают, молодой такой, матерый) спрашивает: что нам сказать людям? Я ему ответил, что нужно сказать, что мы, ЦК, Правительство, никакой обиды на армянский народ не имеем, что ЦК будет в поле зрения держать вопросы,

проблемы, возникшие и требующие решения в Нагорном Карабахе. Балаян сразу же на это говорит: ну, вот и комиссия, если будет Политбюро этим вопросом заниматься. Надо прямо сказать, что с самого начала было видно, почему они рвались сюда. Они себе авторитет зарабатывали. Им хотелось свое влияние укрепить. Откровенно говоря, и нам тоже нельзя было уклоняться от встречи с ними. Это крупные представители интеллигенции, к которым прислушивается народ.

Кстати, оба они коммунисты. Вот это армянское крыло надо было, откровенно говоря, удержать, успокоить, чтобы вся «армия» не пришла в движение. Как откликнулись они на обращение? Не совсем так, скажем, как требовалось: читали, выступали, по-разному было. Я когда слушал пленку, то обратил внимание: выступает один человек и говорит: «И вместо этого союзное радио и телевидение, чтобы показать действительно, что народ говорит, что его волнует, они нас подстрекателями обзывают...» и так далее.

Я, кстати, во время беседы с Капутикян сказал: в постановлении не назван армянский народ подстрекателем. Мы говорим, что часть армянского и азербайджанского народов в Нагорном Карабахе пошла за подстрекателями. Вот о ком идет речь. Это есть. Так что есть подстрекатели, а есть народ. Мы их не смешиваем и у нас не изменилось отношение к армянскому народу.

После того, как зачитали обращение, потом в этом огромном море людей стали образовываться кружки, пошло обсуждение. Потом начали песни петь, потом ура кричать. Некоторые расходились, другие приходили. Начали приходить к выводу, что надо успокоиться после обращения. Что же дальше? Я так уловил их настроение, что мы правильно рассчитали время. У этого народа уже было такое состояние и впечатление, что их собралось до полумиллиона, а никто на это, вроде, не реагирует. Начальство, как говорят, слова доброго даже не скажет. И вот поступило это письмо. Оно свою роль сыграло. В субботу уже работали, даже в пятницу уже часть людей работала. В субботу все практически работали, большинство и вчера работало. Армянское радио передало, что трудящиеся берут обязательства отработать пропущенные дни и восстановить потерянное. Вот так пошло дело.

Но есть факты бегства из Армении азербайджанских семей. Правда, цифры противоречивые: Владимир Иванович докладывает, что уехало 55 человек, а Разумовский говорит, что 200. Что касается армян в Азербайджане, то 200 семей, опасающихся гонений, разместили в школе, да еще набирается около 500.

РАЗУМОВ (зам. зав. Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС). Когда азербайджанец из Армении выезжает, то он не говорит, что бежит, а заявляет, что едет якобы в гости. Поэтому подсчет нужно вести по Азербайджану. Сюда он приезжает и прямо говорит, я уже в Армению не уеду.

ГОРБАЧЕВ. Теперь об обстановке в самом Нагорном Карабахе. Там избрали нового первого секретаря обкома партии, он ведет там камерную работу, все перемалывает вокруг себя. Он, видимо, был авторитетом реальным и поэтому, когда возник этот вопрос и Егор Кузьмич мне об этом позвонил, я сказал, что в этой обстановке надо выдвигать тех людей, которые пользуются реальным авторитетом. Он член обкома, был заместителем председателя облисполкома, руководил агропромом. Когда Разумовский ему сказал: беритесь, мы поддержим, проблемы есть, надо их решать, то он в объятия не бросился, но согласился, ну если ЦК поддержит, потому что проблем накопилось действительно очень много. Избрали его — и сразу произошли изменения в обстановке. Но сложность остается. Из Армении звонят: вы что же, понимаете, там! Из-за вас всю Армению подняли!

ЧЕБРИКОВ. Из колхозов в Степанакерт люди едут.

ГОРБАЧЕВ. Сегодня Александр Владимирович мне рассказывал: шашлыки жарят в Степанакерте, костры там горят. В общем нарушения порядка нет, но с площади народ не уходит. С полтысячи или тысяча человек.

ВЛАСОВ (министр внутренних дел СССР). Больше тысячи.

ГОРБАЧЕВ. Больше тысячи. Вот так там и держатся, чтобы «костер не гас». То есть тут явно прослеживаются действия по инструкции и связи из Армении.

Но теперь начали в Азербайджане реагировать. Во-первых, на то, что смерть там была. Это начало обрастать слухами. Азербайджанцы начали бежать, опасаясь расправы и заявляя, что житья не дают им в Армении. Вот это послужило толчком. Плюс Степанакерт не утихает. Началось движение в Азербайджане. Мне кажется, что оно тоже отрегулировано, скомпоновано. Особенно ярко это проявилось на Нахичевани. Там тоже собралась масса людей, но пришел секретарь, выступил — и через 30 минут все ушли.

Теперь Дмитрий Тимофеевич сообщил о докладе из Сумгаита одного из генералов. Военные застали такую картину: бесчинствуют молодчики, их рассосали, но они пошли небольшими группами бесчинствовать, палить автобусы, совершать убийства — уже имеется 14 смертей. Многие люди в госпиталях.

ЧЕБРИКОВ. 110 раненых.

ГОРБАЧЕВ. Тут свирепствуют уже бандитствующие элементы, среди них оказались рецидивисты, вся пена поднялась наверх, а сумгаитская милиция тут же стоит и ничего не делает. Значит, эта акция задумана в ответ армянам, чтобы дать «острый ответ».

В общем, если бы мы не приняли мер, то могла быть резня в любой момент.

Вчера вечером Виктор Михайлович мне позвонил и сообщил, что митинги сняли, что все кончилось. Но что получилось на деле? С митинга действительно разошлись, но объединились в небольшие группы по 10— 15— 20 человек, максимум 50— 100, и пошли творить настоящий разгул, насиловать, совершать поджоги, выбрасывать мебель из домов армянских семей. Какие последние данные?

ВЛАСОВ. 14 убитых, в том числе 3 женщины, 3 азербайджанца, 6 армян, остальные устанавливаются, пострадал от телесных повреждений 71 человек, в том числе 48 армян. Сожжено 6 автомобилей, в 13 домах совершено 19 поджогов, пострадали Дом политического просвещения, автовокзал. Имели место 4 факта насилия. Пострадало 54 работника милиции, задержано 47 человек, в том числе 5 мародеров.

ГОРБАЧЕВ. Из числа задержанных двое признались в том, что один убил пять, а другой трех человек. У мародеров изъяли золото, драгоценности.

Дмитрий Тимофеевич распорядился, и в Сумгаит быстро ввели курсантов военного училища и других военных. Он также помог перебросить туда самолетами 3 тысячи милицейских сил. Их ввели в действие, и к пяти часам они все закончили. Я сказал Разумовскому: это все правильно, но давайте делать то, что мы делали в Алма-Ате, — гражданских людей к наведению порядка подключать, особенно рабочий класс. Туда выехали Бобков и зам. т. Разумовского, чтобы вот эту работу организовать на месте.

ЧЕБРИКОВ. Город раскачивает.

ГОРБАЧЕВ. Да-да. Раскачивает, лихорадит. Теперь они, говорят, подальше, на периферии продолжают творить эти вещи. Поэтому ранее данные команды надо оставить в силе. Пусть МВД действует, если нужно что-то добавить — пусть добавит, но взять в руки надо ситуацию. Потому что, как видите, только одна ночь — и 14 смертей. Это дойдет до Армении, начнутся похороны. И реакция может оттуда пойти. Вот такая ситуация.

ВЛАСОВ. В Сумгаите 200 тысяч населения.

ГОРБАЧЕВ. 200 тысяч. Причем средний возраст 22 или 24 года.

ВЛАСОВ. 25 лет.

ГОРБАЧЕВ. 25 лет. Молодой город. Но всякого пришлого народа, говорят, там много.

ВЛАСОВ. У каждого пятого есть судимость.

ГОРБАЧЕВ. Наверное, они строили, потом их освободили, и они там остались. Но, как говорится, опыт такого рода у них есть.

Короче говоря, сейчас надо Армению удержать, чтобы она не отреагировала. Мы считали, что в понедельник направленные в Азербайджан и Армению наши товарищи смогут возвратиться, и в четверг можно обменяться мнениями. Но я думаю, что сейчас им еще надо остаться там и продолжать работу в этом направлении, усиливать ее. Вот в Армении дело пошло в эту плоскость, но, наверное, не везде, особенно там, где границы, и там продолжается.

Сейчас народ и общественность надо включать. Необходима информация, а ее не добьешься — скрывают и те и другие. Все повязаны. Бездействуют, замешаны в этом товарищи из ЦК КП Азербайджана и КП Армении — и тот и другой товарищ. Все они знают.

ГРОМЫКО. В общем работают не на полную мощность.

ГОРБАЧЕВ. Нет. Работают на полную мощность, только в другую сторону. Заигрывают с этими настроениями, оказались у них в плену, им уже отступить трудно.

Пленум ЦК КП Армении поддержал обращение, но сделал приписку о создании комиссии. Они сейчас далеко зашли и заангажировались перед народом. Это факт. Но нам тоже это надо понимать и дать возможность, как говорят, отступить, перестроить им свою позицию сейчас. Но сохранить ситуацию.

Я, собственно, для этого разговора вас собрал, чтобы все были в курсе дела. Думаю, что наши товарищи пусть работают, вовлекают в нее партийные и другие местные органы. Главное сейчас — народ надо включать сильнее в процесс нормализации обстановки, сейчас это делать, пока это не расползлось, иначе много сил тогда будет нужно, чтобы это все остановить. Это первое — делать все надо там.

Второе. Наверное, придется, когда наши товарищи вернутся, специально заслушать этот вопрос. Это будет информация более полная. Она даст возможность нам выйти на какие-то конкретные поручения. Вообще ситуация вырисовывается, причины событий вроде бы и ясны, но они требуют конкретизации изучения. Нельзя все это оставить без внимания, потому что то, что происходит во взаимоотношениях с этими республиками, — это ключ, который можно «ткнуть» ко многим вопросам. Такие трения есть везде, и если их не остановить (мы правильную здесь заняли позицию), то тогда междоусобица пойдет по всей стране. Поэтому позиция наша правильная. Ее надо подтвердить еще раз. У меня никаких сомнений в этом не возникает.

Третье. Смотрите, что получается: ни разу никто из руководителей республик друг у друга не был, кроме юбилеев, никто в соседнюю республику не ездит, не встречается, не обменивается. Как же можно при этом говорить о дружеских связях, об интернациональных. Это поразительно. Причем не только не поощряется,

а вызывает подозрение, если кто-то из Азербайджана хочет съездить в Армению или, наоборот, из Армении в Азербайджан.

Владимир Иванович вчера беседовал с Вазгеном. Он обещал использовать весь свой авторитет для недопущения антисоветизма. К нему было много звонков из-за рубежа. По его словам, он всем дал такой ответ: не вмешивайтесь в эти дела, никакой антисоветчины не должно быть, только здесь, в рамках Советского Союза, армянский народ развивается. В то же время он сказал, что есть реальные проблемы, что события возникли не на пустом месте. При этом он сослался на один пример из своего опыта. Вот, говорит он, был я в Баку на приеме у Алиева. В Баку есть армянская церковь. В этом городе живет 200 с лишним тысяч армян. Вазген просил в церкви молебен отслужить, но вот уже 12 лет ждет приглашения, но так его и не получил. Нежелательная он фигура, не хотят, чтобы он там появлялся. А это все наслаивается на чувства, подогревает их.

Никаких, понимаете, контактов! И это происходит тогда, когда народ заговорил, когда ему дают микрофон. Пусть люди на уровне народном говорят: вот так мы работаем, представители десятков национальностей. Пусть за этим наблюдают все силы, прежде всего интеллигенция.

Но есть реальные факты, которые дают возможность этой интеллигенции за них цепляться. Поэтому уйти от их изучения нельзя. Но, я думаю, изучать их надо не какой-то комиссии, а Секретариату ЦК КПСС с участием представителей Президиума и других органов. Включить сюда авторитетных представителей русской культуры, чтобы они побывали в Армении, в Азербайджане. Это, знаете, действует умиротворяюще. И, видимо, все-таки там потребуется, с одной стороны, помощь в решении социально-экономических вопросов. С другой стороны — надо их вместе посадить здесь, в ЦК, да и там место есть. Они друг к другу пусть поездят. Нужно выработать формы и развивать связи культурные, человеческие между народами. И вообще мы уже говорили о том, что у нас поездки осуществляются только на юбилеи, живых же связей между республиками не хватает. Это уже более глубокий вопрос.

У нас вчера в разговоре с Егором Кузьмичом возник вопрос: может быть, нам, товарищи, не ожидая партийной конференции, провести совещание по вопросу о задачах в области национальной политики в современных условиях.

ЯЗОВ. Георгий Петрович просит ввести вечером в Сумгаите комендантский час. Это значит, что надо ввести войска и какую-то часть, вооружить ее, но не для того, чтобы стрелять. А раз комендантский час, значит, надо все сделать.

ГОРБАЧЕВ. А нужен комендантский час?

ЯЗОВ. Я считаю, что нужен.

ГОРБАЧЕВ. Оружие наготове иметь, но не стрелять. А то начнут подстреливать этих блуждающих.

ЯЗОВ. Дадим оружие без патронов, потом будет идти бронетранспортер с патронами изолированно. Это сделаем, организуем.

ГОРБАЧЕВ. Патроны отдельно.

ЯЗОВ. Если разрешите, тогда я даю такое указание.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Согласны.

ГОРБАЧЕВ. Я думаю, что это необходимо сделать, чтобы не допустить бесчинств.

Впереди конференция. Материалов к конференции подходит ко мне все больше и больше. Этот вопрос, конечно, требует более глубокого изучения, вернуться даже и к тому прошлому опыту, когда все это зарождалось. Тогда, оказывается, было много интересных вещей. Даже были сельсоветы интернациональные.

ЯКОВЛЕВ. Национальные сельсоветы, районы. Потом они отпали. Стучатся и другие вопросы — татары, немцы и др.

ГОРБАЧЕВ. Да в национальных сельсоветах какая-то национальность концентрировалась. А уж районов было 5200 национальных, кажется. То есть более гибкая была система, которая улавливала все разнообразие с тем, чтобы давать возможности консолидации, культурному общению. Очень гибкая.

Конечно, все эти вопросы стучатся. Давно обращаются татары, немцы. Я попросил Егора Кузьмича собрать досье по этим вопросам. Мы к немцам не раз уже возвращались, и решение Политбюро у нас есть по этому вопросу невыполненное, и различные записки, и так далее. Вопрос, я вам скажу, интересный. Беседовал я с Поповым — алтайским секретарем крайкома накануне этого Пленума. Зашел разговор о Кулунде. Я говорю: слушай, может, там все созрели условия для того, чтобы там автономию немецкую создать. А зачем она нужна, говорит он, с ходу прямо, не думая и не размышляя. Я говорю: ну подожди, ты же их хвалишь, хорошие люди. А он мне: ну и пусть работают, что им мешает. Но у них же есть свои какие-то проблемы, говорю я ему, ведь это Кулунда, там же никто жить не хочет. Вот так, не задумываясь, и сказал мне: зачем это нужно?

СОЛОМЕНЦЕВ. У них немцы не с Волги.

ЧЕБРИКОВ. Они из этих краев никуда не поедут, живут они там прекрасно.

ЛИГАЧЕВ. Немцы начали переселяться при Екатерине II. На протяжении ста лет они пользовались правом не призываться в армию. Потом при Александре II это дело поломали. Всего переселилось 400 тысяч.

ГОРБАЧЕВ. В Кулунде они живут хорошо. Я посмотрел: и улицы такие ухоженные. У каждого домика палисадничек. Все прекрасно. И урожаи у них есть.

Надо бы выстроить эти все вопросы. Но сейчас надо прежде всего завершить эту ситуацию в Армении.

Секретариату запишем поручение: начать изучение причин, которые привели к этим событиям. Спокойно разобраться надо, не столько обличить, сколько разобраться, причем с их участием, с участием нашей интеллигенции. Надо представительную комиссию создать: ученые, интеллигенция, не только партработники. Партработники многие заряжены на то, чтобы факты набрать: положительные и отрицательные. Тут надо сделать более демократичную комиссию, во главе человека поставить, и пусть поездят, поговорят.

ГРОМЫКО. Тогда, наверное, не комиссию, а делегацию, чтобы не путали с той комиссией, которую навязывают.

ГОРБАЧЕВ. Да. Секретариат пусть найдет подходящие формы — он и материалы запросит, и статистику запросит, и организует поездки и обмен, и люди поедут. Уже сама подготовка должна содействовать сближению. Мы должны тоже осваивать другие методы работы, особенно необходимые в этом тонком вопросе.

Когда они начинают там — я допущу грубое слово — «собачиться» друг с другом, их надо останавливать, убеждать думать о главном, о том, что они — соседи, о том, что они века живут вместе.

Когда вникнешь в какую-то идею, то улавливаешь все тонкости. Один азербайджанский композитор говорит: моя Шуша. Он родился там в Карабахе, и говорит, что это центр восточного искусства и т. д., это их общая колыбель. Как ты его от нее оторвешь? А Армения говорит одно — «наш». Не разорвешь это, веками шло все вместе.

Армянская автономия в Азербайджане — диалектика тоже есть в этом, но надо, чтобы она действительно была автономией и пользовалась всеми возможностями. Вот тут где-то надо искать решение. Но без нашей помощи осмыслить это надо, иначе они заводятся. Это — первое, что надо делать с завершением ситуации.

Второе. Вчера у нас возник разговор. Может быть, не ожидая партийной конференции и Пленума по национальным вопросам (а он у нас раньше конца этого года не может быть, поскольку осенью будет Пленум по аграрным вопросам), когда утихнут эти страсти, собрать совещание и провести рабочий разговор. Собрать на него первых секретарей, председателей Президиумов Верховных Советов, председателей облисполкомов. При этом не закрываться в бюрократические рамки, как говорится, пригласить представителей интеллигенции, чтобы разговор был доверительный, в семье нашей. Где еще, как не в ЦК, можно это все сказать.

ГРОМЫКО. Общесоюзное совещание.

ГОРБАЧЕВ. Да, общесоюзное совещание в ЦК, но с участием представителей руководящих органов и с участием крупной интеллигенции наших республик, чтобы они выступили тоже: и писатели, и ученые. Надо, чтобы это совещание не было бюрократическим. Для этого, конечно, месяц, как минимум, потребуется, не меньше, но если мы об этом договоримся. Наверное, нам не обойтись, товарищи, без такого разговора. Кстати, в ходе этой работы будут накапливаться и вопросы по проблематике Пленума. Будет понятнее, в чем они состоят. Сделать это целесообразно во второй половине апреля. Что касается сроков проведения Пленума, то не следует выходить за пределы 1988 года.

По моему поручению помощники уже дали заказ по этому вопросу академику Бромлею. Он у нас занимается вопросами изучения этнических и других связанных с этим проблем. Он мне сказал с ходу, что этими проблемами, видимо, никто не занимается, откровенно говоря. Мы у себя подотдел только создали. Это требует все обдумывания. Решит Пленум. Совещание что-то подскажет. Это огромнейший, государственной важности вопрос. Когда я почитал по этому вопросу бумагу, то увидел, сколько в этой области накопилось проблем.

Конечно, Пленум будет непростым. У нас есть что на этот Пленум принести. Завоевания у нас в национальной сфере колоссальные. Они перевешивают все. Это база, на которой можно снять острые вопросы, используя наш этап перестройки, демократизации.

Видимо, так следует построить нашу работу. Сейчас завершить вот эти события в Азербайджане и Армении. Заняться их причинами и т. д. Рассмотреть их. Если придется принять какое-то решение по Карабаху в центре, то сделать это после того, как сама республика обратится с просьбой к нам по социально-экономическим проблемам.

На апрель готовить совещание. В общем, энергично браться за дело, чтобы этот вопрос у нас не выскользнул из рук.

ГРОМЫКО. Я думаю, Вы абсолютно правильно сказали. Помните, Вы зачитывали здесь. Замечания вроде попутно, мимоходом сделанные Лениным. Он считал, что все-таки там есть вопросы. Он сказал: хорошо бы остановить это. Остановить. Не сказал, что вот эти правы, а эти не правы. Видимо, не до этого ему было тогда. Поэтому есть какие-то вопросы.

ГОРБАЧЕВ. Мы с вами теперь знаем, что в то время ввиду болезни Ленин уже вообще отошел от дел. Но сейчас нам надо исходить из нынешних реальностей.

ГРОМЫКО. Мне кажется правильной эта идея, глубже разобраться в причинах событий, группы направить, делегации и вести дело в том направлении, о котором Вы сказали. Не должно быть негативного, сплошного отношения: только жми и все. Руководство этих республик не на высоте оказалось. Какова степень его причастности к этому? Солидная степень причастности.
ГОРБАЧЕВ. Кстати, Егор Кузьмич Лигачев и Яковлев Александр Николаевич знают, что когда я беседовал с Капутикян и Балаяном, то возник этот вопрос.
Михаил Сергеевич, заявили они, до нас доходят слухи, что хотят освободить Демирчяна. Я ответил: это слухи, которые я не могу подтвердить. Балаян сразу включился в разговор и сказал: если осуществить это сейчас, сразу после этих событий, то мы сделаем из него героя-мученика. А этого нельзя допустить. Причем они оба критически к нему настроены. Говорят, что было время, когда он работал и многое сделал. Но о последнем времени этого нельзя сказать. Я заявил, что мы сейчас снимать его не собираемся. Когда я это сказал, то Балаян тут же ответил: но затягивать решение этого вопроса тоже не надо. Очень часто фамилия Алиева склоняется в этих ситуациях, повторяется сделанное им в Карабахе заявление, что Карабах был и всегда будет азербайджанским.
Мы своим решением тоже подтверждаем это, но не в такой дурацкой упаковке, понимаете, провокационной.
ГРОМЫКО. Как руководство могло допустить такое положение?
ГОРБАЧЕВ. Егор Кузьмич, надо сформировать бригаду, людей послать. Потом встретиться с ними, поговорить, но к этому времени проанализировать этот вопрос, дав такое поручение. Говорят, что и к нам сюда приходило много писем и обращений. Где они потонули? Говорят, что на них никто не реагирует. Раз никто не реагирует, тогда надо выходить на улицу и добиваться, чтобы реагировали.
ЛИГАЧЕВ. Я читал немало писем, связанных с Демирчяном. Неважные складываются впечатления.
ГОРБАЧЕВ. А вот на эту тему?
ЛИГАЧЕВ. А на эту тему я не читал. Мы договорились по Демирчяну, предрешили фактически...
ГОРБАЧЕВ. Надо изучить это за последние годы. Сейчас ясно, когда уже события пошли, а вот что до этого было?
ЛИГАЧЕВ. По Азербайджану и Армении, да?
ГОРБАЧЕВ. Да. Примерно года за два, за три, давай за три. После апреля.
ЛИГАЧЕВ. По Нагорному Карабаху?
ГОРБАЧЕВ. По Нагорному Карабаху. И надо спросить и в Президиуме, и в Правительстве, везде проверить. Виктор Михайлович, Вы у себя тоже посмотрите. Потому что армяне жалуются, говорят, что на их обращения не реагирует никто. Но так это или нет, я не знаю, потому что до меня не доходило, я не читал.
ЛИГАЧЕВ. Я тоже не читал.
ГОРБАЧЕВ. Не читал? Или нам не докладывают.
ЛИГАЧЕВ. Хотя я часто читаю обзоры. По Демирчяну много было писем.
ГОРБАЧЕВ. По Демирчяну — да.
Егор Кузьмич, тогда, может быть, так мы распределим труд. Изучение всего этого вопроса придется тебе на себя взять, влезть во все причины. Я тоже готов поучаствовать, когда определим, кого туда послать, кого поставить во главе. Но надо подобрать людей мыслящих, солидных людей.
Александр Николаевич, тебе поручим подготовку материалов к этому совещанию, и Разумовскому, Лукьянову.
Давайте тогда займемся этим.
ЯЗОВ. Но, Михаил Сергеевич, в Сумгаите надо вводить, если хотите, может, не то слово, военное положение.
ГОРБАЧЕВ. Комендантский час.
ЯЗОВ. Надо твердо провести эту линию, Михаил Сергеевич, пока дальше не пошло. Надо ввести войска туда и наводить порядок. Это изолированно все-таки, это не Армения, где миллионы людей. Кстати говоря, это отрезвляюще подействует на других, наверняка.
ГОРБАЧЕВ. Александр Владимирович и Дмитрий Тимофеевич, вы имейте в виду возможную ситуацию в Баку и в Ленинакане, и в этом городе, где — армянский район...
ВЛАСОВ. Кировабад.
ГОРБАЧЕВ. Кировабад.
ВЛАСОВ. Стекла побили немного и все.
ГОРБАЧЕВ. Нужно учитывать, что еще не знают о том, что произошло в Сумгаите, а доходит это так, как снежный ком нарастает.
ШЕВАРДНАДЗЕ. Это как сообщающийся сосуд. Если в Армении узнают о жертвах, то это может вызвать осложнения там.
ЯКОВЛЕВ. Поскорее надо сообщить, что в связи с происшедшим в Сумгаите заведены уголовные дела, преступники арестованы. Это нужно, чтобы охладить страсти. В самом Сумгаите городская газета должна твердо и быстро это сказать.
ГОРБАЧЕВ. Главное, надо сейчас немедленно включить в борьбу с нарушителями общественного порядка рабочий класс, людей, дружинников. Это, я вам скажу, останавливает всякое хулиганье и экстремистов. Как в Алма-Ате тогда. Это очень важно. Военные вызывают обозление.

СОЛОМЕНЦЕВ. Реакция другая, когда, Михаил Сергеевич, стоит ряд военных, а тут ряд-два — рабочего класса, знаете, совсем другая обстановка. В Алма-Ате экстремистов и хулиганов сдержали рабочие отряды. В ночь, когда я по Вашему поручению прилетел в Алма-Ату, мы собрали в три часа ночи республиканский актив, а к пяти часам утра сформировали рабочие отряды, и они сдержали этих националистов.
ГОРБАЧЕВ. Об этом я вчера говорил вечером, когда решали эти вопросы о военных, после звонка Виктора Михайловича. Потом я т. Разумовского вызывал два раза и еще раз его внимание обратил: надо народ поднимать, народ. Тем более, видите, что получается? Милиция стоит, а эти нарушители общественного порядка — за ее спиной. Надо, чтобы народ понял, куда поворачивается дело.
РАЗУМОВ. В Алма-Ате все решил рабочий класс. Там была другая обстановка, толпу сдержали отряды рабочих, в основном русских.
ГОРБАЧЕВ. Все, что мы делаем по войскам, по МВД — не снимать. В Кировабаде только парашютисты показались — и все ушли. А потом парашютисты, как правило, русские тоже.
ЯЗОВ. Надо комбинировать эти источники и ввести хотя бы один парашютный или десантный батальон, а также батальон милиции в Степанакерт, чтобы не было там этих сборищ. Эти 500 человек, которые находятся на площади, являются генератором, который подогревает настроения.
ГОРБАЧЕВ. У меня просьба такая: с Разумовским, Багировым и Погосяном поговорить. Надо знать их мнение.
Вчера у Виктора Михайловича было такое мнение, и у Разумовского. Тут все должно быть сделано правильно: и не потерять времени, и не получить обратный результат. Погосян попросил уехать оттуда Разумовского. Я чувствую, что импульсы идут из Армении, направленные на то, чтобы в Степанакерте «тлело». Можно ведь поговорить с Погосяном и прямо спросить: вы сами можете покончить со всем этим или вам надо помочь?
ЧЕБРИКОВ. Из Еревана ставится задача провести в Степанакерте пленум. Ссылка такая: в Ереване прошел пленум, а в Степанакерте не было пленума. Отсюда идея — пока в Степанакерте не пройдет пленум, не расходиться. Поэтому они еще будут 10 дней, 15 дней стоять. Нужно сделать так, чтобы в Степанакерте на площади не было этих людей. Все организовано. Из колхозов привозят продукты, в столовых готовится пища для находящихся на площади. Эти люди имеют место ночлега и все время меняются.
ГОРБАЧЕВ. Виктор Михайлович, все-таки, когда люди не нарушают общественный порядок, надо работать с ними политически, а не разгонять их войсками.
ЧЕБРИКОВ. Не разгонять, а сделать там небольшое дежурное оцепление.
ГОРБАЧЕВ. Если люди ведут себя спокойно, надо работать до конца политически. Что же мы будем вводить войска.
ЯКОВЛЕВ. А вот в Сумгаит войска ввести надо. Там нужно показать «руку власти».
ГОРБАЧЕВ. Если не разойдутся, все равно надо работать, но не разгонять. Если люди ведут себя спокойно и не допускают хулиганских проявлений, то войсками их не разгонять. Здесь надо оцепление. Чтобы не было сборищ.
ЯЗОВ. Шофера приходят на работу, но на маршрут не выезжают, боятся, а вот из населенных пунктов продукты в город подвозят. Не нужно пускать их в Степанакерт.
РАЗУМОВ. Школы не работают. Дежурства на площади у них организованы.
ГОРБАЧЕВ. Значит, пусть Разумовский остается в Баку, а Демичев выедет туда, займется вот этим прежде всего. Но, товарищи, если народ себя ведет выдержанно и спокойно, то не нужно начинать мять их военными. Это не годится. Давайте мы за правило это возьмем.
В Армении, когда обозначили войска и когда увидели это они, это их остепенило. Они понимают, что власть есть власть. Но вместе с тем то, что никто их пальцем не тронул, они тоже оценили.
ЯЗОВ. Академик Амбарцумян, Михаил Сергеевич, позвонил Кочетову и говорит: ты зачем сюда приехал? Он ответил, ну, как почему, это же Закавказский округ. Тогда Амбарцумян задал вопрос: а ты какие указания получил?
ГОРБАЧЕВ. Вот, вот.
ЯЗОВ. Имеют место попытки распространять листовки среди солдат.
ГОРБАЧЕВ. Если начнется то, что было в Сумгаите, действовать надо решительно и до конца.
ЛИГАЧЕВ. Михаил Сергеевич, ведь там же каждый пятый судимый, значит, там есть сотня, две или три сотни отпетых людей, их немедленно надо выселить из Сумгаита...
ГОРБАЧЕВ. Правильно. Задержать. Расскажи, Дмитрий Тимофеевич, как убивают.
ЯЗОВ. Двум женщинам груди вырезали, одной голову отрезали, а с девочки кожу сняли. Вот такая дикость. Некоторые курсанты в обморок падали после того, как увидели это...
ЧЕБРИКОВ. Мебель всю пережгли в армянских квартирах.

ГОРБАЧЕВ. Бандиты, мародеры. У многих ценности оказались, при аресте у некоторых изъяты драгоценности.

ЛИГАЧЕВ. Срочно надо провести над ними судебный процесс. Не тянуть расследование, как это иногда бывает, неделями, месяцами, а то и годами. Тут действовать очень решительно надо.

ГОРБАЧЕВ. Даже в какой-то мере, вообще говоря, упустили время немного.

ЛИГАЧЕВ. Я вспоминаю далекие, правда, времена, когда были события в Новочеркасске. Ввели туда дивизию. Я там был вместе с Владимиром Ильичом Степаковым. Там и секретари ЦК были. Я тогда зам. завом был. Подействовало колоссально. Все, буквально, в миг закончилось. Когда власть беспомощная, не способна навести порядок и защитить людей, — это действует отрицательно, людей надо было защитить. Чего же мы можем тут делать? Я уверен, что и рабочих захватит этот шум. Да еще рассказать то, что сообщил Дмитрий Тимофеевич, то тем более. Надо решить в этом смысле.

ГОРБАЧЕВ. Все надо задействовать и взять в руки этот город. Что касается отбывших наказание, то они, наверное, на учете у вас там эти «особо отпетые».

ГРОМЫКО. Надо их задержать.

ЯЗОВ. Михаил Сергеевич, преступники были задержаны. В течение дня из 20 задержанных 16 отпустили, осталось только 4 человека. Уже после того, как ввели военных, тогда уже задержали особо опасных преступников.

ГОРБАЧЕВ. Александр Владимирович, надо выгнать начальника милиции за бездеятельность. Немедленно выгнать. Без длительного служебного расследования, как это вы обычно делаете. Раз такое допустил — немедленно освободить и поставить другого. Из Баку, может быть, прислать порядочного человека.

ЯКОВЛЕВ. А нельзя ли над этими двумя убийцами, которые признались в совершении преступления, быстро провести публичный судебный процесс?

ГОРБАЧЕВ. Надо. Вот об этом и говорит Егор Кузьмич.

Надо прикрыть подходы, чтобы не проходил транспорт, чтобы самолеты не летали из Еревана и т. д.

Попросим у Владимира Ивановича и Анатолия Ивановича для печати информацию о том, что армянские предприятия начали работать. Кстати, у них вчера прекрасные передачи прошли по местному телевидению. Показали людей на рабочих местах, хорошее их настроение.

СОЛОМЕНЦЕВ. В программе «Время» тоже показали. В Степанакерте показали один завод. Дали выступление ереванских рабочих, которые осуждают происшедшее, говорят, что отработают пропущенные дни.

ГОРБАЧЕВ. Договорились, товарищи?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Да.

ГОРБАЧЕВ. Я сейчас переговорю с нашими товарищами насчет работы в народе — вот база.

Постановление принимается.

Делаются протокольные поручения о введении комендантского часа в Сумгаите и подборке писем по Нагорному Карабаху за последние 3 года.

ЦХСД, коллекция рассекреченных документов.

ИУДЫ И РОБИНГУДЫ

Летом 1909 года в среде заграничной революционной эмиграции получило широкое хождение «Открытое письмо Большевистскому Центру», запомнившееся резким обличением руководства РСДРП в двуличии, в нетоварищеском поведении, в отказе от прежних соглашений. Автор письма — «Саша Охтенский», он же — А. С. Сергеев, в 1906—1907 годах член боевой технической группы РСДРП и одновременно заведующий патронной мастерской в Петербурге. В январе 1907 года он с товарищами отправился на Урал выполнять специальное задание Большевистского Центра.

3 июля 1907 года на борт почтово-пассажирского парохода «Анна Степановна Любимова», следовавшего по Каме, поднялась шумная компания из десяти мужчин и двух женщин. Летний вечер прошел быстро и без особых волнений. А после полуночи на подходе к селу Ново-Ильинское Пермского уезда «веселые ребята» бросили петарды в ходовую часть, заставили команду корабля поставить его на якорь, застрелили матроса, полицейского урядника и военного фельдшера, смертельно ранили пассажира в форме тюремного надзирателя, тяжело — командира корабля и легко — двух пассажиров. «Улов» оказался неплохой — около тридцати с половиной тысяч рублей почтовых денег. Главным инициаторам «экса» — А. С. Сергееву («Саше») и М. А. Паршенкову («Демону») — досталось около семи тысяч, еще 1900 — командиру партизанского отряда А. М. Лбову, который на пароход не поднимался, но входил в число главных разработчиков акции. Остальную сумму поделили другие боевики. Свои семь тысяч рублей «Саша» и «Демон» передали Большевистскому Центру под расписку и с обязательным условием обеспечить лбовцев оружием. Но ни денег, ни оружия они не получили.

О Большевистском Центре см: Родина. № 3, 5, 8-9, 10. 1992.

Наоборот, с ноября 1907 года большевистская печать стала проявлять «неподдельный» интерес к событиям на Урале. В «Письме с Урала» неизвестный корреспондент «Пролетария» вовсю бичевал Лбова и его сподвижников, называя их «бандитами» и «наглыми авантюристами», вызвавшими своими действиями правительственный террор и репрессии против мирного населения. В июле 1908 года тот же «Пролетарий» именовал лбовцев не иначе как «шайкой», а в мае следующего года вообще связывал общий упадок уральского рабочего движения с ростом «лбовщины» и обливал грязью руководителя отряда.

Масла в огонь подлили меньшевики, прознавшие о темных делах соратников по борьбе. Они тут же обвинили большевиков в связях с «полуанархистской» боевой дружиной и грубом попрании резолюции Лондонского съезда, который в мае 1907 года осудил любые партизанские действия. Сейчас мы можем с уверенностью сказать, что деньги лбовцев пошли на освобождение из Берлинской тюрьмы легендарного Камо (А. С. Тер-Петросяна), но «лесные братья» Прикамья оставались в неведении у разбитого корыта — их использовали, бросив на произвол судьбы.

В июне 1909 года в Париже состоялось «Совещание расширенной редакции «Пролетария», на котором признали необходимость уладить все конфликты внутри и вне Большевистского Центра. Но кому собирались большевики возвращать незаконно присвоенные деньги лбовцев, остается загадкой. Многих боевиков уже осудил Казанский военно-окружной суд в декабре 1908 года, Михаил Паршенков погиб при вооруженном сопротивлении в Петербурге, а Лбова тайно казнили в ночь на 2 мая 1908 года во дворе тюрьмы города Вятки.

Немного об участниках нашумевшего «экса». Возглавлял «Первый Пермский революционный партизанский отряд» Александр Михайлович Лбов, мотовилихинский рабочий, участник восстания 1905 года. Его слава гремела по всей России — недаром за голову «уральского Робин Гуда» царская охрана обещала громадную сумму в 5 тысяч рублей.

Себя и своих сторонников из числа различных партий Лбов именовал «коммунистами-анархистами, людьми вольными, стоящими вне партий и политики». В 1906—1907 годах отряд совершил более тридцати экспроприаций и нападений на различные присутственные места (частные банки, конторы заводов, почтовые отделения, казенные винные лавки). Деньги лбовцы тратили на закупку оружия, раздавали местным беднякам и просто отсылали в различные революционные комитеты, в основном эсеров-максималистов и большевиков. Уральские боевики оказались соучастниками знаменитого «экса» максималистов в Фонарном переулке в Петербурге 27 октября 1906 года (Лбов передал им часть денежных средств для организации акции), а также поставили тем же максималистам 15 фунтов динамита для убийства начальника Главного тюремного управления. Максималисты оказались честнее

большевиков, прислав лбовцам оружие и денежное вознаграждение их руководителю.

Остается только добавить несколько слов о судьбе самого письма. Понятно, что после установления монополии большевиков подобные реликты неизбежно попадали в разряд сугубо секретных и хранились в спецхранах. Так произошло и с этим документом. До октября 1928 года он находился в личной коллекции Д. Ф. Сверчкова, известного в те годы автора книг по истории освободительного движения. Затем историк, сознательно избавляясь от криминала, передал письмо на хранение в институт Ленина (позже — ИМЛ при ЦК КПСС). Там оно и пролежало более 60-ти лет.

Автор выражает искреннюю признательность научному сотруднику библиотеки института Т. М. Ушаковой и пермскому краеведу В. И. Аборкину, оказавшим большую помощь в работе над данным материалом.

Только для членов Партии

Открытое письмо Большевистскому Центру (Расширенной редакции «Пролетария»)[1]

Товарищи! Опять вы за старое, опять вы начинаете увиливать и тянуть; опять не хотите даже вопроса рассматривать, был ли Б. Ц. должен Лбовской дружине или нет, а неизвестно, за что и почему предлагаете нам, не социал-демократам[2], целых 500 рублей. Почему не меньше? Почему не больше? Что это за цифра такая? Вы отлично знаете, что за вами осталось наших Лбовских денег 4600 рублей. Сами же вы не раз признавали, что Б. Ц. обязан уплатить нам долг; сами возвратили, правда по мелочам и неохотно, остальные 1400 рублей. Откуда снова такой с божьей помощью поворот?

Оставьте! Вы достаточно вертели хвостом с июля 1907 года, когда взяли у меня, уполномоченного Партизанского Пермского Революционного Отряда (так называемой Лбовской дружины), 6000 рублей на покупку оружия[3].

Когда вы брали от меня деньги, вам не надо было дожидаться полномочий ни от Расширенных Собраний Б. Ц., ни от Конференции, ни от Съездов, а теперь, когда платить, — так то узкое Б. Ц. не компетентно, то расширенное вопроса не рассматривает... и долг вы то признавали, то не признавали.

Вспомните, товарищи, когда мы вынуждены были бежать из Финляндии, как травленные волки и когда Мишка Паршенков[4] обратился к вам и просил дать хоть сколько-нибудь на ночевку — вы отказали. Через несколько дней после удачного сопротивления на 14-й линии и неудачного на Обводном его взяли на улице, скитающегося без денег и ночевки. Смертью своей заплатил он за свое доверие к вам.

Но почему же вы отказали? Может быть, вы считали, что вы ничего не должны? Я не думаю, ибо через несколько дней вы предложили мне 300 руб. с тем, чтобы я уничтожил расписку. Неужели вы думали, что за 300 руб. я, как Иуда Искариот, под влиянием нужды, безработицы продам вам товарищеские деньги. Или вы мне ничего не были должны — тогда вы б без угрызения совести могли видеть мою казнь, как и других Лбовцев, или же вы были должны — тогда зачем же вы давали 300, а не все 4600 руб.

Вспомните, товарищи, как впоследствии, через другого члена вашего Ц. К. и Б. Ц., вы официально обещали мне к 18-му марта прошлого года выплатить 3000 рублей — и не платили[5]. Наконец, когда я обратился в Париже к вам, вы через члена тех же высоких учреждений тов. Н. Н.[6] предлагали мне в расчете на мое безвыходное положение 200 фр. — теперь вы даете, как на торгах, отступного 500 руб. с тем, чтобы я отдал вам нашу расписку.

Товарищи! Бросьте эту игру, которая тянется 2 года, недостойную ни центра большевиков, ни меня, представителя людей, которые и для вас немало сделали.

Итак, вы нам много навредили: обязались дать оружие, за деньги при этом, — и оставили безоружными против солдатских винтовок в самую решительную минуту[7]; а теперь в «Пролетарии» попрекаете Лбова, что он оказался не таким страшным, как его малевали[8]. К чему это издевательство?

Когда полиция ничего не могла с нами поделать, когда стражники со страха уходили массами со службы, когда против нас приказали посылать одни регулярные войска — мы обратились за оружием к вам — большевикам. К кому же больше?

И что ж? Деньги вы взяли, заключили договор, как равные с равными, письменный за всеми подписями и печатями на бланке Ц. К. Все гарантии! А затем — распустили свою военно-техническую группу, не дав нам револьверишка поганого!

А дальше! Когда мы находились на краю гибели, когда наши товарищи скитались без пристанища, не имея полтинника на ночевку, когда их ловили, стреляли в них на улице, вешали, — вы с нашими деньгами в кармане не только помочь — разговаривать с нами не хотели, как с «хулиганами» и «разбойниками».

И все эти два года, когда лбовцев вылавливали одного за другим, когда они сидели голодные и оборванные, месяцами ожидая то помощи, то смерти, когда у них чистой смены не было, в чем выйти на казнь, вы, товарищи из Б. Ц., спокойно пользовались нашими деньгами, благополучно перебравшись через границу, и всячески тянули дело. Неужели вы ждете, когда всех нас переловят и повесят, когда некому будет требовать уплаты, ждете, что неприятный вам долг будет задушен рукою палача?

Мы, товарищи, все это время относились к вам иначе, не по-вашему, несмотря на все ваши оскорбления и измены. Мы поступали с вами по-товарищески: чем могли, поддерживали вас; давали деньги местным организациям, ставили типографии, как социалистам-революционерам, так и вам, и ни разу не отказались помочь Б. Ц., даже тогда, когда вы позорили нас — и себя, товарищи! — называя нас «хулиганами» и «разбойниками»[9].

К нам же пришлось вам обратиться, когда в Териоках сели документы Ц. К. и Б. Ц., и мы забыли ваши обиды ради святого имени социал-демократии, не тянули, не торговались, не прижимали вас с уплатой, пользуясь вашим безвыходным положением и тем, что нужна наша помощь, а сразу пошли и отбили у полиции с оружием в руках ваши деньги[10]. Но и после того вы не отдали нам денег, хотя наша судьба висела на волоске.

Проходит полгода (!), берут вашего, по большевистскому центру, товарища[11]. Опять вы обращаетесь к нам, опять мы идем отбивать вооруженной рукой, рискуя своей жизнью; а в награду те же проволочки и увертки. Неужели можно вести так революционное дело? Выжать людей, как лимон, и бросить на дорогу: «Пусть топчут, а мы не причем».

Дальше так продолжаться не может. Я не могу больше ни ждать, ни торговаться. У меня 59 товарищей сидит по тюрьмам[12], а сколько погибло из-за ваших оттяжек. Не мои деньги, товарищеские — вырывать их у них все равно, что вырвать скамейку из-под ног осужденного. Остальное докончит палач с другими помощниками и дернет за ноги и скинет через полчаса, а наследство вам, товарищи из Б. Ц., целиком. Палачи нынче не имеют в нем доли и риз казненных не делят.

Товарищи, не может этого быть, чтобы рабочие снесли такую несправедливость. Да и как же революцию делать, если надувать друг друга, да еще на оружии.

У вас не вооружение народа выходит, а барышничество, афера. Что купец-банкрот, что вы. Деньги забрал, шубу вывернул и опять торгуй сначала, так ведь здесь не торговля, а жизнь человеческая. В другой раз кто вам поверит? Да и купец не всякий виселицами спекулировать станет, а мы с вами революционеры.

К вам обращаюсь, товарищи-рабочие: помогите! — Вашу честь позорят, честь социал-демократии.

Саша

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письмо было адресовано Парижскому совещанию расширенной редакции «Пролетария» (8—17 (21—30) июня 1909 г.). Совещание фактически оказалось пленарным заседанием Большевистского Центра.
2. В партизанский отряд А. М. Лбова («Семен Лещ», «Длинный»), действовавший в Пермской губернии, входили представители различных политических партий. Дружина имела статус внепартийного формирования и в разное время включала в себя от 20 до 50—60 боевиков.
3. В разных источниках данные о сумме, поступившей в Большевистский Центр от лбовцев, расходятся (но она все же не превышала 7 тыс. рублей). «Первым Партизанским Пермским Революционным Отрядом» лбовцы стали именовать себя с июня 1907 г.
4. Паршенков Михаил (Илларион) А. («Демон») — член группы питерских боевиков социал-демократов и максималистов, примкнувших к отряду А. М. Лбова в январе 1907 г. Большевик, член боевой технической группы при ЦК РСДРП в Петербурге. В дружине Лбова считался признанным бомбистом. Принял участие в «эксе» на пароходе «Анна Степановна Любимова», вместе с «Сашей» доставлял деньги в Финляндию для ЦК РСДРП.
5. К 18 марта 1908 г. Вероятно, А. С. Сергеев имел дело с В. Л. Шанцером («Маратом»), выполнявшим роль кассира Большевистского Центра.
6. Личность не установлена.
7. Речь идет об активизации деятельности уральских властей по преследованию лбовцев с начала лета 1907 г. Полицейский террор был ответом на участившиеся дерзкие «эксы» «лесных братьев». В августе—октябре этого же года в отряде Лбова начинаются расколы, появляются трудности с оружием, становится очевидной усталость людей от военных столкновений. Лбов и оставшиеся с ним «лесные братья» прекращают активные партизанские действия в октябре 1907 г.
8. 13 (26) мая 1909 г. в газете «Пролетарий» в разделе «Хроника» появилась заметка «Рабочего З.» под названием «Страничка из недавнего прошлого Уральского рабочего движения». Автор неточно описал задержание А. М. Лбова 17 февраля 1908 г. в Нолинске при вооруженном сопротивлении с городовым и указал: «... он (Лбов.—*В. К.*) оказался не таким страшным, как его раньше малевали».
9. «Саша» имеет в виду публикации «Пролетария» от 19 ноября 1907 г.: «Письмо с Урала» и некоего «А-ій» под названием «Пермь» в той же газете от 2 июля 1908 г., в которых деятельность лбовцев против режима оценивалась весьма вульгарно.
10. В летописи уральских партизан такая акция не упоминается, «Саша», вероятно, вспоминает помощь питерских боевиков по освобождению документов ЦК РСДРП в пос. Териоки (Финляндия) в ноябре—декабре 1907 г.
11. Вероятно, речь идет о Л. Б. Красине, одном из лидеров Большевистского Центра. Его арестовали в Финляндии 22 марта 1908 г., но вскоре освободили, и он выехал за границу. «Саша» с товарищами готовил военную акцию по освобождению Красина.
12. 59 лбовцев и сочувствующих им предстали в декабре 1908 г. перед военно-окружным судом в Казани. «Лесные братья» Прикамья были приговорены к различным срокам заключения. К лидерам движения власти применили самые строгие меры наказания и сделали это гораздо раньше. Так, в апреле 1908 г. в Перми казнили питерских боевиков эсеров-максималистов, принимавших участие в водном «эксе»: Д. М. Савельева (он же Д. П. Воронов, Л. К. Минеев, «Сибиряк»), В. Я. Баранова («Фомка»), А. Б. Александрова («Уралец»), А. Н. Максимова («Сорока»). М. Д. Гресс («Гром») получил 15 лет каторжных работ.

Подробнее о судьбе уральских партизан и истории «лбовщины» см.: Белобородов А. Г. Из истории партизанского движения на Урале (1906—1909 гг.) // Красная летопись. Пг., 1926. № 1 (16). С. 92—99; Ваганов Н. Д. Незабываемое. В подполье // Прикамье: Альманах Пермского отделения Сп. Пермь, 1957. № 23. С. 7—12; Назаровский Б. Н. Лбов Александр Михайлович (1876—1908) / / Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 325—333; Аборкин В. И. Генеральная репетиция. Готовясь к грядущим боям... // Слово о Мотовилихе. Годы. События. Люди. Пермь, 1974. С. 142—272.

Публикация, предисловие и примечания
ВАЛЕРИЯ КРИВЕНЬКОГО,
кандидата исторических наук

Трагична была судьба русских солдат и офицеров, попавших в плен. К физическим страданиям добавлялись и моральные: что ждет впереди? О судьбе советских военнопленных, оказавшихся в Англии, рассказывают сегодня журналист Борис Сопельняк и историк Леонид Решин.

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

Подарок в 10 тысяч ДУШ

Яков Джугашвили в плену

Адмирал Канарис не просто догадывался, а знал, что англо-американские войска вот-вот бросятся через Ла-Манш. Агентура абвера установила, что в английских портах скопилось около семи тысяч кораблей, транспортных и десантных судов, на аэродромах — одиннадцать тысяч самолетов, а для захвата стратегического плацдарма выделено тридцать две дивизии и двенадцать отдельных бригад — иначе говоря, подавляющее превосходство над армиями Роммеля и Рундштедта, прикрывающими западное направление. И все же форсировать пролив — не такое простое дело.

И тогда на одном из совещаний в бункере Гитлера созрел дьявольский план: перебросить в район Атлантического вала как можно больше русских военнопленных. А чтобы об этом узнал Эйзенхауэр, асы Геринга получили приказ — разведывательные самолеты противника не сбивать.

Это совещание проходило в начале мая 1944 года, а уже через неделю более миллиона русских из концлагерей Германии, Австрии и даже Польши были переброшены на западное побережье Франции. Большинство из них были одеты в немецкую военную форму, а некоторым даже выдали старые винтовки.

Как и планировал абвер, все это стало известно в Ставке Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзников генерала Эйзенхауэра.

Через несколько дней, 28 мая 1944 года, по поручению министра иностранных дел Великобритании Антони Идена британский посол в Москве Арчибалд Кларк Керр направил наркому иностранных дел СССР следующее письмо.

«Многоуважаемый господин Молотов. Как я узнал из Лондона, Главный англо-американский объединенный штаб обладает сведениями, показывающими, что значительные силы русских вынуждены вместе с немецкой армией сражаться на Западном фронте. Верховное командование экспедиционными войсками союзников считает, что следовало бы сделать заявление с обещанием амнистии этим русским или справедливого к ним отношения при условии, что они при первой возможности сдадутся союзным войскам. Это обещание не должно распространяться на тех, кто по доброй воле совершил акт предательства, а также на добровольцев и сотрудничающих с войсками СС. Амнистию следует сделать только тем советским гражданам, которые действовали по принуждению. Сила такого заявления заключалась бы в том, что оно побудило бы русских дезертировать из немецкой армии. В результате немцы стали бы с большим недоверием относиться ко всякого рода сотрудничеству с русскими».

В конце письма посол не преминул добавить, что такого рода заявление имело бы наибольший эффект, если бы исходило от Маршала Сталина.

В течение трех дней в кремлевских кабинетах шло активное обсуждение этого письма. Как быть? О какой амнистии речь? Кого амнистировать — тех, кто надел немецкую форму и взял в руки немецкое оружие? Об этом не может быть и речи. Эти мерзавцы знали, на что шли!

31 мая Керр получил письмо, подписанное Молотовым.

«Согласно информации, которой располагает советское руководство, число подобных лиц в немецких вооруженных силах крайне незначительно и специальное обращение к ним не имело бы политического смысла. Руководствуясь этим, Советское правительство не видит особой причины делать рекомендованное в Вашем письме заявление ни от имени И. В. Сталина, ни от имени Советского правительства».

Так был дан зеленый свет началу операции «Оверлорд». Угрызения совести союзников больше не мучили, и 6 июня 1944 года они обрушили на западное побережье Франции такой огневой шквал, что оборона немцев была смята и пехота без особого труда высадилась на берег. Бои, конечно, были, и бои серьезные, но превосходство в силах давало себя знать.

Победоносные колонны союзников катились на восток, а навстречу шли разношерстные толпы пленных. Здесь были и шагающие поротно, во главе с офицерами, немцы, и люди в полосатой робе, и возбужденные группы в пиджаках и платьях... Но больше всего немногочисленных солдат охраны удивляло то, что многие немцы почти ни слова не понимали по-немецки и говорили только по-русски.

Уже 17 июня в сообщении английской разведки говорилось, что русские составляют не менее десяти процентов среди захваченных и отправленных в Англию пленных. Первое время русские сдавались в плен куда охотнее немцев, а потом вдруг начали сражаться с яростью обреченных и бились до последнего патрона. Оказалось, что немецкая пропаганда умело обыграла сложившуюся ситуацию. *«Вы между двумя огнями,* — говорили немцы русским. — *Вы прокляты Сталиным и дома вас ждет расстрел. Вас презирают англо-американцы и если не расстреляют сами, то выдадут НКВД. Единственная надежда на спасение — кровью доказать верность Третьему Рейху, и Великая Германия примет вас под свое крыло».*

А пленные все прибывали и прибывали. В Англии для них не хватало места, и многих стали переправлять в США и Канаду. Проблем возникло множество; но одну союзники решили сразу и бесповоротно: настоящих немцев по возможности содержали отдельно от тех, кто не говорил по-немецки, хотя и был одет в немецкую форму.

Руководство министерства иностранных дел Великобритании прекрасно понимало деликатность ситуации и 20 июля письменно запросило совета у советского посла Федора Гусева: ***«Что делать с тысячами граждан СССР, которые попали в плен?»*** В ответ — молчание. Надо сказать, что в этом запросе британских чиновников была немалая доза иезуитства, ибо точка зрения МИДа уже была сформулирована. Вот какой документ приводит Н. Бетелл в своей книге «Последняя тайна»: *«Этот вопрос целиком относится к компетенции советских властей и не имеет отношения к правительству Его Величества. В дальнейшем все те, с кем советские власти пожелают иметь дело, должны быть выданы им, и нас не касается тот факт, будут ли они расстреляны или подвергнутся каким-либо иным наказаниям, даже если эти наказания будут более строгими, чем наказания, предусмотренные английскими законами».*

Казалось бы, все ясно, приговор советским военнопленным подписан, но... нашлись в Англии люди, которые не согласились с точкой зрения МИДа, а стало быть, и правительства. Одним из них был лорд Селборн — министр военной экономики, он же руководитель Управления особых операций, организации, занимавшейся разведывательной и диверсионной деятельностью. 21 июля он направил полное тревоги письмо Антони Идену.

«Мой дорогой Антони! Я глубоко потрясен решением Кабинета отослать в Россию всех граждан русской национальности, кто попал к нам в плен на полях сражений в Европе. Я намерен обратиться по этому вопросу к премьер-министру, но прежде я хотел бы познакомить Вас с причинами моего несогласия в надежде, что мы могли бы прийти к соглашению по этому вопросу.

Как Вы знаете, в течение последних недель один из моих офицеров опросил ряд русских военнопленных, и

в большинстве случаев их истории оказались сходными в своей основе. Сначала, попав в плен, они стали объектом невероятных лишений и жестокого обращения. Во многих случаях пленные по нескольку дней вообще оставались без пищи. Их поместили в концентрационные лагеря, в ужасающие санитарные условия, где они голодали. Их заедали насекомые, заражали отвратительными болезнями, а голод доходил до такой степени, что людоедство стало среди них обычным явлением. И не раз немцы фотографировали эти людоедские трапезы в пропагандистских целях.

Через несколько недель такого обращения, когда их моральные силы были полностью сломлены, их выстраивали в строй, и немецкий офицер предлагал им вступать в немецкие трудовые батальоны, где они получат достаточно пищи, одежду и нормальное обращение. Потом немцы спрашивали каждого в отдельности, согласен он или нет. Первый ответил «нет». Его тут же расстреляли. То же случилось и со вторым, и с третьим, и т. д. до тех пор, пока, наконец, кто-то не сказал, что он согласен, и тогда другие тоже согласились, но только после того, как они воочию увидели, что это единственный способ уцелеть».

Казалось бы, такое письмо должно вызвать по меньшей мере потрясение, но Иден, отложив в сторону эмоции, в ответном послании твердо отстаивал позицию министерства иностранных дел: все пленные, независимо от их желания, должны быть выданы советским властям.

Селборн снова берется за перо! Он горячо возражает: выдать русских пленных — значит подписать им смертный приговор. При этом Селборн ссылается на слова Сталина, сказанные им в самом начале войны: что Советский Союз не знает пленных, он знает лишь мертвых и предателей. *«И это не пропагандистская оговорка,* — убеждал Селборн. — *Сталин последователен. Он убийственно последователен, отказавшись вызволить из плена даже собственного сына! Речь шла об обмене на совершенно не нужного Москве Паулюса, но Сталин не согласился. Обмен военнопленными — нормальная практика всех войн, ничего преступного или аморального в этом нет, но Сталин, слепо следуя им же придуманному лозунгу, обрек сына на страдания, а может быть, и на смерть. Можете не сомневаться, что судьба тысяч и тысяч неизвестных ему людей предопределена!»*

Но Иден и его сотрудники заняли чрезвычайно жесткую позицию. Они нашли контраргументы, уверяя, что если Великобритания будет чинить препятствия возвращению советских военнопленных, это может сказаться на отношении советских властей к английским военнопленным, освобожденным Красной Армией из нацистских лагерей в Восточной Европе.

Ознакомившись с письмом Селборна, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль написал 26 июля Идену: *«Я думаю, что мы рассматривали этот вопрос в Кабинете министров слишком общо и точка зрения министра военной экономики должна, конечно, быть поставлена на обсуждение. Даже если мы пойдем на какой-нибудь компромисс (с советским правительством), следует пустить в ход машину всевозможных проволочек. Я думаю, на долю этих людей выпали непосильные испытания».*

Письмо Черчилля не последнее в этой дискуссии. Она продолжалась вплоть до 4 сентября 1944 года, когда Военный кабинет одобрил предложение Идена о насильственной репатриации русских военнопленных.

Тем временем в графствах Йоркшир и Сассекс спешно сооружались лагеря для русских военнопленных. К концу лета в лагерях Баттервик, Кемптон Парк, Стадиум и других содержалось более 12 тысяч советских граждан и еженедельно прибывало еще не менее двух тысяч. Как они жили? Как себя чувствовали на земле союзников? Какие проблемы их волновали?

В конце августа в лагерь Баттервик доставили 2400 пленных, одетых в немецкую форму. Судя по тому, как гордо они ее носили, все поняли — это убежденные сторонники Гитлера. С большим трудом, но все же их заставили переодеться в лагерную форму.

Все было спокойно до тех пор, пока не подошла разношерстно одетая колонна из 550 пленных. В лагерную форму они переоделись не пререкаясь. Но узнав, кто их солагерники, потребовали вернуть старую одежду.

— *С «власовцами» не смешиваться! Держаться отдельно! Требовать немедленного возвращения на Родину!* — кричали они.

Лишь с наступлением темноты митингующие успокоились... Каково же было удивление коменданта лагеря, когда на утреннем построении он увидел шеренгу людей, одетых в кальсоны. Чуть дальше стояли женщины... без юбок.

— *Что за маскарад?!* — сорвался на крик комендант. — *Кто позволил?!*

— *Уничтожив нашу одежду, вы хотели уравнять нас с теми, кто надел немецкую форму и стал врагом русского народа. Мы этого не допустим! Чтобы отличаться от врагов народа, мы сняли штаны,* — объяснили они свой поступок. — *Понимая, что поставили вас в затруднительное положение, мы написали официальный протест и просим передать его представителям советского посольства.*

Через день комендант снова объявил общее построение и приказал всем надеть лагерную форму — только сто из пятисот пятидесяти подчинились этому приказу. Тогда разъяренный комендант приказал снести палатки, а бунтовщиков посадить на хлеб и воду...

Наступил сентябрь, холодный дождь лил круглые сутки, начались болезни, но четыреста пятьдесят русских солдат оставались под открытым небом. Командующий местным военным округом в отчаянии писал в Военное министерство: **«Заключенные подвергаются и будут подвергаться самому жесткому режиму. Однако они настолько закалились в концентрационных лагерях в Европе, что едва ли мы сможем их сломить».**

Лишь 5 сентября протест заключенных Баттервика был передан послу СССР в Великобритании Федору Гусеву.

«Уважаемый товарищ посол! Мы находимся здесь в лагере для военнопленных вместе с немцами, с членами Русской Освободительной Армии и другими злостными врагами и предателями. У нас силой забрали гражданскую одежду, и мы носим унижающие человеческое достоинство формы, украшенные ромбовидными заплатами на спине и штанах. С нами обращаются хуже, чем с немцами, и держат нас под усиленной охраной, как преступников. Условия нашего содержания стали намного хуже. Пища плохая, нам не дают табака. Нас не слушают, нам не сообщают военных сводок. Мы просим Вас, товарищ посол, выяснить наше положение и предпринять шаги по ускорению отправки нас на родину, в Советский Союз».

Советское посольство располагало и другой информацией — например, о бунте в одном из лагерей графства Сассекс. Когда администрация начала составлять списки для первоочередной отправки на Родину, сорок два человека закрылись в бараке, отказались принимать пищу и потребовали защиты у британского правительства. Они заявили, что всей группой вступили в немецкую армию, чтобы бороться с коммунизмом. Как только их переправили на Западный фронт, они тут же сдались в плен. Когда им предложили встретиться с кем-нибудь из советского посольства, они заявили, что с радостью умрут за возможность отправить на тот свет кого-нибудь из коммунистов.

Бурное совещание в посольстве закончилось решением требовать скорейшей отправки на Родину всех до единого советских военнопленных — и честных патриотов, и отпетых мерзавцев, вроде тех сорока двух. А там, в России, есть компетентные органы, которые разберутся, кто есть кто.

То, что произошло дальше, можно объяснить либо полным незнанием обстановки в стране, либо предательством попавших в беду советских людей. Вот несколько официальных писем той поры, вчитайтесь в них, и вы поймете, что стоило сместить акценты в некоторых из них, прислушаться к мнению наиболее здраво мыслящих государственных деятелей, и десятки тысяч русских людей остались бы живы и уж во всяком случае не стали бы материалом для ГУЛАГа.

«Министру иностранных дел Великобритании господину Антони Идену.

От имени правительства Союза Советских Социалистических Республик настоятельно требую передачи военнопленных и прошу правительство Великобритании как можно скорее подготовить суда для их транспортировки.

Посол СССР в Великобритании Ф. Гусев».

«В Военное министерство.

Что вы об этом думаете? Здесь ничего не сказано о том, что если эти люди не поедут назад в Россию, то куда они денутся. Нам они здесь не нужны.

Антони Иден».

«Дорогой Антони.

Мы стоим перед очевидной дилеммой. Если мы сделаем так, как хотят русские, и выдадим им всех их военнопленных, невзирая на их желание, то мы пошлем некоторых из них на смерть. И хотя, как Вы не раз отмечали, мы не можем во время войны позволить себе быть сентиментальными, я признаюсь, что считаю такую перспективу отвратительной, и думаю, что общественное мнение будет испытывать то же самое чувство.

Старший министр министерства обороны П. Дж. Григ».

«Эти люди служили в немецких войсках, и у нас нет иных доказательств, кроме их собственных утверждений, что они это делали против своего желания. Я думаю, что мы не можем позволить себе сентиментальность в этом вопросе.

Кристофер Вернер.

Отдел по советским делам министерства иностранных дел».

«Министру военной экономики лорду Селборну.

Я понимаю, что многие из этих людей, очевидно, очень страдали, когда находились в руках немцев, но факт остается фактом: в конце концов их присутствие в немецких вооруженных силах ослабляло наши собственные силы... С моей точки зрения, эти люди должны объяснить свое присутствие в немецкой армии своим собственным властям, и мы не можем отказать нашим союзникам в праве рассчитываться с собственными подданными и поступать с ними в соответствии с собственными правилами.

Искренне ваш

А. Иден».

Первым результатом этой переписки было разрешение сотрудникам советского посольства посещать лагеря для русских военнопленных. Встречаясь с военнопленными, они шли на заведомую ложь, уверяя, что Москва их считает полноправными советскими гражданами, что советская власть никогда не преследует людей без разбора, что она добра и гуманна, что она поймет и простит своих сынов.

Многие этому верили, но было немало и тех, кто решительно отказывался вернуться в Союз, прекрасно понимая, что их там ждет либо пуля, либо Колыма. Кроме того, они требовали вернуть им немецкую форму и настаивали на том, чтобы с ними обращались, как с немецкими солдатами. Последнее требование очень смутило английских чиновников. Дело в том,

что немало юристов не только в Англии, но и в Германии считали, что принадлежность солдата к той или иной армии определяется формой, которую он носит — и только. А если так, то все русские пленные, одетые в немецкую форму, полноправные германские солдаты. Как только Гитлер узнает, что англичане отдают его солдат Сталину, он тут же вызовет Гиммлера, и тогда английским пленным, находящимся в немецких концлагерях, станет очень и очень худо.

Не считаться с такой возможностью развития событий английское правительство не могло. Поэтому была удвоена охрана, усилен режим секретности — и ни один звук протеста не выходил за пределы лагерей. На этом фоне все больше и больше возрастала настойчивость советского посла. Он требовал держать русских пленных под охраной советских офицеров, в лагерях организовать нечто вроде самоуправления, причем начать с создания трибунала и строительства внутренней тюрьмы. Самое странное, английские власти пошли на удовлетворение этих требований. Единственное, о чем они попросили — не выносить смертных приговоров без предварительной консультации с английскими юристами. Для других наказаний, предусмотренных советскими законами, таких консультаций не требовалось. Нашлись для этого и юридические обоснования: договор о боевом союзе 1940 года.

Но все это происходило на английской земле, и ни один пленный все еще не был возвращен на Родину. Не исключено, что тактика «всевозможных проволочек», провозглашенная Черчиллем, срабатывала бы и дальше. Но вопрос о пленных поднял лично Сталин.

9 октября 1944 года Черчилль и Иден прибыли с официальным визитом в Москву. Три дня продолжались крайне напряженные переговоры, а 11-го Сталин принял приглашение на ужин в английском посольстве. Там-то и произошел разговор, решивший судьбу тысяч советских людей. Когда официальная часть была позади и мужчины закурили — кто трубку, кто сигару,— Сталин сказал Черчиллю, что и ему, и всему советскому народу трудно понять, зачем английские власти обрекли на страдания тысячи советских людей, вынужденных жить в скверно обустроенных лагерях, да еще и под открытым небом.

Черчилль сделал вид, что ему ничего не известно, и потребовал объяснений у Идена. Тот вскипел, сказал, что немедленно во всем разберется и проблем с отправкой советских военнопленных на Родину в принципе нет. Как только удастся раздобыть приличное транспортное судно, первая партия будет доставлена в Мурманск.

Сталин благодарно улыбнулся и попросил как о личной услуге: чтобы этот транспорт прибыл к 27-й годовщине Великого Октября.

На том и порешили. Правда, Черчилль не преминул заручиться уверениями Сталина, что к британским военнопленным, освобожденным Красной Армией из нацистских концлагерей, со стороны советских властей будет проявлено всяческое внимание и забота.

На следующий день состоялась конфиденциальная встреча Идена и Молотова. Иден не скрывал, что есть определенное количество пленных, не желающих возвращаться на Родину. Эта проблема беспокоит как правительство, так и общественное мнение: не считаться с этим, особенно накануне выборов, нельзя. Молотов тут же протянул руку, предложив распространить в печати официальную точку зрения советского правительства, которое, мол, настаивает на получении всех без исключения пленных, находящихся в английских лагерях, независимо от их желания или нежелания.

— Кроме того, мы настаиваем на своем праве рассматривать преступную деятельность некоторых из этих людей в соответствии с нашими законами, — закончил Молотов.

Иден согласился со всеми доводами. Сошлись на том, что количество пленных, отправляемых в конце октября — начале ноября, будет зависеть только от размеров судна, и ни от чего другого.

По возвращении в Лондон Иден отдал необходимые указания. Уже 20 октября начальник лагерей для военнопленных генерал Гепп направил циркулярную телеграмму комендантам лагерей: ***«Отправка первой партии 31 октября 1944 года. Погрузка в порту Ливерпуля. Транспортное судно «Скифия» может принять не более 10 тысяч человек. Группа должна состоять из тех, кто желает немедленно отбыть на Родину. Но если их будет менее 10 тысяч, включить и тех, кто хотел бы остаться в Англии. Сопротивление подавлять силой».***

Последняя фраза телеграммы сыграла решающую и роковую роль 31 октября, когда в порту Ливерпуля шла посадка на «Скифию». Как только пленные выпрыгнули из машин, их тут же окружили солдаты, образовав плотный коридор. Первая колонна состояла из тех, кто рвался на Родину, поэтому вначале проблем с посадкой не было. Но вот кто-то закричал, что не поедет на убой! Его поддержал другой, третий... Полицейские и солдаты охраны метались среди пленных, хватали их за шиворот, толкали вперед. Кровь. Ссадины. Синяки. Лохмотья порванной одежды. Проклятия... Но люди один за другим проваливались и проваливались в черную пропасть трюма.

...Дощатый причал. Островерхие сопки. Из прилипших к земле туч валит густой снег. На ветру полощутся кумачовые транспаранты с неровно намалеванной надписью: «Да здравствует 27-я годовщина Великого Октября!». Оркестрик, состоящий из одетых в черные ватники людей, выдувает какой-то марш. Чуть в сторонке два хорошо одетых господина — это английский майор Крегин и американский дипломат Мелби, именно они отправили отчеты в посольства об этой встрече.

Из «Скифии» вытекает колонна измученных морским переходом людей. Их тут же окружает конвой с взбесившимися овчарками на поводках. Кто-то отстал, кто-то упал... Автоматчики привычно-лениво взбадривают их ударами прикладов. Голова колонны втягивается в окруженный колючей проволокой лагерь. Бараки. Вышки с пулеметчиками. Злющие собаки...

Круг замкнулся.

ЛЕОНИД РЕШИН

НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ ОРКЕСТРИК

Судьба советских военнопленных и перемещенных лиц во второй мировой войне — печальный и серьезный вопрос, требующий обстоятельного и внимательного изучения. Всякие неточности и домыслы здесь недопустимы.

Как известно, сформированные в 1942—1943 годах «ост-батальоны» — русские, украинские, казачьи, кавказские, туркестанские — еще в сентябре 1943 года были выведены с оккупированной территории Советского Союза в Западную Европу.

Допрошенный 28 августа 1945 года «Смершем» генерал-майор барон Оскар фон Нидермайер, занимавший в 1944 году должность командующего «добровольческими» силами Западного фронта, показал, что во Франции, Голландии и Бельгии для несения береговой обороны и создания укреплений на Атлантическом побережье находилось около 60 «ост-батальонов». *«Практика боев с союзниками,* — отметил фон Нидермайер, — *показала низкую боеспособность этих частей. «Добровольцев», вооруженных старыми русскими винтовками, бросали в бой против превосходно оснащенных войск союзников, и несмотря на ожесточенное сопротивление некоторых их них, «ост-батальоны» либо уничтожались, либо отступали под ударами превосходящих сил противника.*

Низкая боеспособность «ост-батальонов» привела к решению об отводе их в тыл, с целью использования на тыловой службе или для расформирования. После моего доклада генералу Кестрингу последний заявил, что он ведет переговоры с Гиммлером о передаче этих частей в распоряжение генерала Власова».

Отметим, что из 60 батальонов, названных генералом Нидермайером, большая часть представляла собой строительные части, занятые на фортификационных работах. Численность батальона составляла 450—500 человек. Таким образом, на Атлантическом побережье было примерно 30 тысяч советских граждан. Говорить о миллионе русских, брошенных немцами на защиту Атлантического вала, — это значит грешить против истины.

Из письма премьер-министра Великобритании У. Черчилля к И. В. Сталину от 14 июня 1944 года, написанного через неделю после начала операции «Оверлорд», говорилось, что число пленных, захваченных английскими войсками, составляет 13 тысяч человек. 12 июля эта цифра выросла до 51 тысячи, 24 июля — до 60 тысяч человек. Потери союзников за этот период составили соответственно 30, 64 и 110 тысяч. Немецкие потери были не меньше, так что на легкую прогулку операция «Оверлорд» походила мало. Оборону держали, конечно, немецкие дивизии, и держали крепко.

«Ост-батальоны» были более или менее равномерно распределены по Атлантическому побережью, по побережью Средиземного моря, в Северной Италии. На Бретонском полуострове находилось пять «русских» батальонов, приданных немецким дивизиям, оборонявшим этот участок побережья. Одним из них — 635-м — командовал майор РОА Николай Николаев, назначенный позднее начальником штаба 1-й дивизии РОА. В конце июня 1942 года он был завербован в «Русскую народную национальную армию» (РННА), формируемую немцами в поселке Осинторф, близ

Орши. В январе 1943 года РННА была переименована в «721-й полк особого назначения». Полк проводил карательные операции против партизан в Дулебских и Лебужанских лесах, а в октябре 1943 года был передислоцирован во Францию. В Марселе его расформировали, а батальоны передали немецким дивизиям. 635-й батальон (такой номер получил бывший 3-й батальон РННА) вошел в состав 521-й немецкой дивизии, с задачей — сооружение Атлантического вала.

Примерно такое же количество «ост-батальонов» находилось и в зоне действия операции «Оверлорд» фронтом в семьдесят миль (112 км). Понятно, что никакого влияния на исход операции «Оверлорд» эти подразделения оказать не могли. Ежедневно союзники высаживали по 25 тысяч человек — чуть меньше общей численности всех «ост-батальонов» на Западном фронте...

Надо сказать, что английское командование было хорошо осведомлено о количестве и назначении «ост-батальонов». И именно советский разведчик Ким Филби давал в Москву обстоятельную информацию о формировании немцами частей из советских военнопленных.

Еще 28 апреля 1944 года Андрей Вышинский, занимавший в то время ответственную должность в Наркомате иностранных дел СССР, направил письмо Дмитрию Мануильскому, отвечавшему в ЦК ВКП(б) за работу по разложению войск и тыла противника. В письме говорилось:

«Секретарь английского представителя в Консультационном совете по вопрсам Италии Хэлфорд сообщил нашему представителю, что на стороне немцев в Италии против 8-й армии действуют два русских полка, из которых два батальона находятся уже на передовой линии. Англичане просят наше представительство вступить в контакт с отделом психологической войны с тем, чтобы дать последнему установку и изложить нашу точку зрения на возможность ведения пропаганды среди указанных частей для перехода их состава на сторону союзников. Все необходимое для пропаганды, включая радиоаппаратуру, англичане обещают дать.

Прошу сообщить Ваше мнение по существу данного вопроса».

Через несколько дней, 1 мая 1944 года, Мануильский разработал рекомендации, которые были в той или иной степени реализованы. Генерал фон Нидермайер показал, что из 162-й «туркестанской» пехотной дивизии, дислоцированной в Италии, еженедельно на сторону партизан и союзников уходило 15—20 легионеров.

Кстати, письмо Арчибалда Кларка Керра, направленное 28 мая 1944 года В. М. Молотову, процитировано неточно. На самом деле это послание, имеющее гриф «лично и строго секретно», гласило:

«Мне сообщают из Лондона, что имеется большое количество русских, которые были насильно мобилизованы для службы в германских войсках на Западе. SHAEF (Верховная Ставка Союзных Экспедиционных Сил) весьма желает, чтобы было сделано заявление, содержащее обещание этим русским амнистии или снисходительного отношения при условии, что они при первой возможности сдадутся союзникам. Обещание, которое Ставка имеет в виду, не охватывало бы лиц, о которых известно, что они намеренно совершили деяние предательства, или что они являются добровольцами или являются добровольцами или членами отрядов «СС», но ограничивалось бы теми русскими, которые состоят на военной службе по принуждению со стороны немцев. Цель такого заявления состояла бы в том, чтобы вызвать дезертирство русских из германских вооруженных сил и возбудить у немцев недоверие к русским, находящимся в этих войсках. По понятным соображениям безопасности заявление это могло бы быть сделано лишь после первого дня операции «Оверлорд».

Я был бы весьма благодарен, если бы Вы известили меня, будет ли Ваше правительство расположено сочувственно рассмотреть это предложение. Само собой разумеется, что заявление, подобное предложенному, имело бы величайшую ценность, если бы оно было сделано от имени Маршала Сталина»[1].

Б. Сопельняк по каким-то причинам заменил слова «насильно мобилизованы для службы в германских войсках» на «вынуждены сражаться вместе с немецкой армией». Неадекватность этих понятий заметна невооруженным глазом, но не это главное. Главное — выпали слова о желании британского правительства опубликовать упомянутое обращение лишь после начала операции «Оверлорд». Если учесть это обстоятельство, то рассказ о прекраснодушных британцах и ненавидящем собственный народ советском правительстве теряет всякий смысл. Речь шла, попросту говоря, о рядовом мероприятии по разложению немецких войск. За годы второй мировой войны обе стороны реализовали десятки тысяч подобных акций.

Кстати, на следующий день письмо аналогичного содержания было направлено Молотову и из американского посольства. Ответ оба посольства получили в один день — 31 мая с задержкой в один день.

Обращение с советскими гражданами в британских лагерях действительно трудно назвать идеальным. Советский посол в Лондоне Гусев получил шифровку с указанием — заявить протест британскому правительству.

16 октября 1944 года посол Великобритании Арчибалд Керр вручил Молотову ответный меморандум министра иностранных дел Великобритании Антони Идена. Обратим внимание только на два пункта меморандума:

«...4). Правительство Его Величества готово удовлетворить просьбу Советского правительства, чтобы с этими лицами обращались как со свободными гражданами Союзной Державы до того, как они могут быть репатриированы.

5). Соображения безопасности и требования британских законов вызывают, однако, необходимость в том, чтобы статус этих лиц, многие из которых были захвачены, находясь на службе в германских военных или полувоенных формированиях, был уточнен в течение периода их временного пребывания в Великобритании».

Выходит, что фильтрацию советских граждан — взятых в плен или освобожденных из плена — начало британское правительство в полном соответствии с законами Великобритании.

Б. Сопельняк приводит одну из версий относительно первого этапа репатриации советских граждан из Англии. Кстати, мало кто в нашей стране знает, что еще в начале августа 1944 года правительство Великобритании предложило советскому правительству совместно использовать против немцев советских граждан, находящихся на территории Франции и Италии, а также иностранных рабочих и союзных военнопленных. На заседании Совнаркома, состоявшемся 28 августа 1944 года, это предложение отклонили. И только после этого англичане согласились на проведение репатриации.

11 ноября 1944 года уполномоченный СНК СССР по делам репатриации советских граждан генерал-полковник Голиков сообщил Сталину:

«Докладываю:

1. В Мурманск из Англии 6 ноября 1944 г. транспортом прибыло и принято:

освобожденных военнопленных —	**8334 человек**
советских граждан —	**1573 человека**
Всего —	**9907 человек**

Среди военнопленных 337 человек офицерского состава. Из советских граждан: мужчин 1510 человек, женщин — 24 человека, детей — 39 человек, из которых 4 человека не имеют отцов и матерей.

Из военнопленных 18 человек арестовано органами СМЕРШ, и 81 человек больных направлены в госпитали, расположенные в Мурманске.

2. Выгрузка людей начал... в 10 часов 7 ноября и закончилась в 8 часов 8 ноября 1944 года.

3. Прибывшие военнопленные и советские граждане эшелонами направлены: военнопленные — в спецлагерь НКВД СССР — Таллин, советские граждане — в гор. Затеек (40 км севернее Кандалакши) для проверки и отправки их на Родину».

Видимо, если бы речь действительно шла о «подарке» Сталину ко дню 27-й годовщины Октября, то генерал Голиков донес бы об этом эпохальном событии своевременно, а не четыре дня спустя. Скорее всего, имело место обычное совпадение, которыми так богата история.

Эшелоны ушли в спецлагеря НКВД. Кто-то из репатриантов действительно попал оттуда в ГУЛаг. Но судя по отчетам Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, не менее 60 процентов освобожденных военнопленных пополнили действующую армию.

В истории нашей страны много туманных страниц. Конечно, их надо раскрывать. Но пропуск даже одной строчки в документе может создать образ такой картины событий, которой никогда не было на самом деле.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Архив Президента РФ. Ф. 3 Оп. 50. Д. 506. Л. 26.

СВЕТЛАНА ГОЛИКОВА

ДЕРЕВЕНСКИЙ КОЛДУН

ДЕЛО АГАФОНА УСОВА

Колдовство и ворожба на Руси имеют многовековую историю. В каждой деревне был в старину колдун, которого уважали и боялись, волей-неволей оказывая почести, приглашая на свадьбу или иной домашний праздник. А то, не дай Бог, нашлет порчу. Самыми разнообразными способами мог навредить деревенский колдун. Мог превращать людей в волков или свиней; мог напрочь расстроить свадьбу: заставит лошадей понести или, наоборот, стать как вкопанным; а то испортит невесту, и закричит она за свадебным столом дурным голосом или покажется жениху страшной, как ведьма, и он в ужасе бежит от суженой пред самым венцом. А разнообразные шишки и синяки, болезни внутренние и внешние, уродства, возникающие у прежде здоровых людей, изуроченных злым глазом? Не перечислить всех «амплуа» колдуна российской деревни. Все их проделки хорошо известны из рассказов, записанных фольклористами по деревням и весям в прошлом, да уже и в нашем веке. Реже встречаются строго документальные материалы. Предлагаем вниманию читателей историю, основанную на судебном отчете по делу некоего вятского крестьянина. Дело это отыскала в государственном историческом архиве сотрудница Института истории и археологии Уральского отделения Академии наук РАН. Итак, дело колдуна...

Метла, как известно, инструмент Бабы Яги. Но она же и орудие труда доброй волшебницы.

Фото Геннадия Бодрова

Конкретных имен колдунов названо пока мало. Судебные дела, хранящиеся в фондах Синода, помогают восполнить пробел и не только узнать, как звали предсказателей и гадателей, но и рассказать об их судьбе. Таинственный образ этих людей, созданный народной молвой, судебные архивы дополняют реальными фактами.

В 1744 году Синод рассматривал дело уроженца Слободского уезда Холуницкого стана крестьянина Агафона Усова, который обвинялся в ворожбе. (Российский государственный исторический архив. Фонд 796. Синод. Канцелярия. Опись 26. Дело 363.)

На допросах Агафон подробно рассказал о том, как стал колдуном. В 1744 году ему было 43 года. За семь лет до этого он отправился на соляные промыслы. В пути остановился на ночлег в деревне Глазовской у «отина Иброша Глазова» (отин — вотяк). Тот и научил Агафона колдовству. Дело подготовки ворожеев у Иброша было поставлено с размахом — вместе с Усовым обучалось несколько человек. Агафону были вручены необходимые принадлежности: серебряная копейка, с помощью которой и производилось само гадание, и «волшебная тетрадка». Написанный на ее первой странице текст свидетельствовал о происхождении колдовских приемов «отина Иброша» от леших Бела озера: «леший мужик Акалей Хахонина сына Бела озера Архипия Хахонин сын Бела же озера с товарищи».

Расставшись с учителем, Агафон Усов «волшебствовал во многих местах» в одиночку или вместе с другими. Объединившись с еще одним волшебником и несколькими крестьянами, они отправились за 15 верст от родной деревни спрашивать у леших о зарытых сокровищах. Принесли им три пирога гороховых да сорок пять яиц красных и с приговором «Вот вам, лешие мужики, гостинцы и за то скажите нам поклажу денег» положили в нужном месте. На что невидимые, но хорошо слышимые ими лешие подробно описали место, где зарыт клад. Пойдя туда, они, однако, сокровищ не отыскали и «возвратились в домы свои ни с чем».

Лучше удавались ему гадания на серебряной копейке. Процедура, по описанию самого Агафона, состояла в следующем: «Когда кто о чем его просил, тогда он тую копейку, опущая в воду, говорил такие речи: «Господи Христе сыне Божие, спаси и помилуй нас. Как солнце по земле светит, так и мне, рабу, о загаданном знать было светло». И когда о какой покраже или о чем другом гадает, то смотрит на копейку. И ежели покраденые деньги или что другое может найтиться или чему статься будет можно, то от оной копейки пойдет подобие дыма, а буде чего не найдется или что не сбудется, так никакого знака не бывает». Особенно часто крестьяне просили Агафона узнать о судьбе пропавшей скотины. Он «ворожил о покраденной лошади, — что оную увели воры и не найдется», о потерянной корове, двух баранах и многом другом скоте. Прибегали к его помощи также при розыске денег. Когда к Агафону обратились крестьяне с просьбой разыскать деньги, зарытые в поле их умершей матерью, то он «дознал», что их кто-то вырыл и унес, но не мог описать приметы вора. Другим просителям повезло больше, Агафон указал им место при речке Боровой, где был зарыт клад. И получил из найденных денег три рубля.

Его услугами стали пользоваться и жители города Вятки. Их запросы носили иногда специфический характер. Так, его клиент справлялся, долго ли ему быть управителем. Агафон становился известным в среде городских чиновников. Одному из канцеляристов он указал место, где были положены деньги, а за ворожбу получил поношенную мужскую рубашку.

Следующим этапом карьеры колдуна было проникновение в дом вятского воеводы Андрея Писарева. Его жена Софья была больна и, услышав об удачливом ворожее, призвала его к себе. В доме воеводы Агафону пришлось столкнуться с любовной и политической интригой, на которую глухо намекают, ничего не раскрывая, судебные архивы. Сначала он проявил себя как знающий лекарь, успешно вылечив жену воеводы. Колдун «пользовал Софью рысьим и бобровым салом и тем от болезни излечил», получив в награду свиной окорок и ее доверие. Жена воеводы и в дальнейшем решила использовать дар колдуна для самых разнообразных семейных дел. Первым делом было гадание ее дочери Настасье, которая хотела узнать «...скоро ли ей замужем быть за канцеляристом вятской канцелярии Ефимом Протопоповым?» Сколько ни смотрел ворожей на копейку, а выходило, что «за оным канцеляристом... ей не бывать». Решение семейных дел было продолжено по пути в Москву, куда направились дочь с матерью. Ворожца Агафона Усова они прихватили с собой. Настасья оказалась человеком настойчивым, переформулировав вопрос так: «едет ли за ней помянутый канцелярист Ефим Протопопов?» Влюбленная девица трижды просила колдуна погадать. Но он был верен своей профессии и не подделывался под вкусы клиента. Все три раза, смотря на копейку, Агафон получал один и тот же результат: «...что из дому своего он, канцелярист Ефим Протопопов, не выезжал». И три раза за этот неутешительный ответ воеводская дочка била его батожьем...

По приезде в Москву жена воеводы нашла практическое применение способностям колдуна. Вместе с ее дворецким он должен был отправиться на Дон в деревню, принадлежащую Писаревым, и отыскать там клад, якобы зарытый в тех местах разбойниками. Осуществиться задуманному предприятию помешал начавшийся на реках ледоход. И они вернулись в Москву.

Вскоре из Вятки приехал сам воевода Андрей Писарев и в тот же вечер позвал колдуна к себе. Воевода был озабочен ссорою, которая произошла между ним и вятским епископом, и желал знать, «...не воспоследует ли от того какого несчастья». Семья воеводы в этот вечер особенно прилежно смотрела, не идет ли от копейки «подобие дыма», всем сердцем желая обратного. На этот раз копейка оправдала их надежды. На радостях воевода поил ворожея «вином довольно», но утром отослал опасного свидетеля, дав ему денег, обратно в Вятку.

Вернувшись домой, Агафон возобновил гадательную практику. Последнее его дело было особенно удачным. «По призыву купца Арбузова он ворожил о покраже казенных денег» из ризницы. Агафон точно описал приметы воров. Они были пойманы и во всем признались. Купец Арбузов весьма своеобразно отблагодарил ворожея — он написал на Усова донос. Тот был взят под стражу, а волшебная копейка, став вещественным доказательством, превратилась в обыкновенную серебряную копейку.

Колдун Агафон Усов сознавал себя честным посредником между миром людей и сверхъестественными силами. Исказить поведанное ими было для него кощунством. Люди XVIII века, от крестьянина до воеводы, постоянно прибегали к помощи «ворожцов». Не пустовал дом «отина Иброша». Путешествовали по городам и весям «товарищи» Агафона Усова. Не прекращалась живая преемственность, начавшаяся, как это было написано в колдовской тетрадке, от «Акалея Хахонина сына Бела озера Архипия Хахонина сына Бела же озера...».

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА,
собственный корреспондент журнала «Родина» по Уралу и Сибири

ЦВЕТОЧЕК АЛЕНЬКОЙ

Клавдия Григорьевна Глинских, знаток старинных частушек.

Фото Сергея Крылова

Русская народная припевка — частушка — своей краткостью во многом обязана образу, символу. Символика цвета разработана в ней богато и разнообразно.

Мы с миленочком расстались
В узком переулочке.
Он был в розовой рубашке,
Я — в бордовой юбочке.

В этой частушке-новелле драма передана двумя фразами с помощью цвета. Бордовый — цвет женщины, зрелой страсти (помните «эту темно-вишневую шаль»?); розовый — цвет зари, цвет новой любви. И вот она при расставании еще вся во власти прежней страсти, а он уже думает о новой любви...

Любимое есенинское — «Да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю в голубом» — о чем это? Белое — символ чистоты, невинности; голубое — радости, счастья. И вот движение — от недоступной, милой, но далекой — к реальной радости и взаимной любви (не зря это противопоставление — «но»).

Голубое часто встретишь в припевках.

Голубого не видать,
С оборочкой не нашивать.
Коих мы любили ране —
Парочкой не хаживать.

Одна из любимых припевок, записанных мною близ Невьянска Свердловской области, в деревне Шайдуриха от бабы Оксиньи, так говорящей, как и не снилось записным краснопевцам. И вот эта *«оборочка»* цепляет за сердце. Припевка женственная, ласковая, смиренная, принимающая неизбежное. Совершенно есенинская.

Ойе, ойе, ретивое,
Все изволновалося;
Так и надо ретивому,
Чтобы не влюблялося!

«Глупое сердце, не бойся, все мы обмануты счастьем!» На каждое стихотворение Есенина найдется близкая припевка. И есенинская символика цвета — народная. В отличие, скажем, от цвета у Цветаевой, близкого, я считаю, к цветам русской иконы.

Творчество Есенина переливается нежными всполохами голубого («этот дом с голубыми ставнями, не забыть мне тебя никогда»), синего, белого.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.

Вспыхнувших — это ведь снег на солнце вспыхивает! Ландыши — белые, снежные, волшебные. И видишь: поэт бредет по первому пушистому, рыхлому снежку, в солнечный денек, взвихривая снег носком модного ботинка. Солнечно, тихо, и он один — именно наедине-то и осознаются, и восстают внутренние силы. Почему ясно, что поэт один? Да потому, что

снег — нетронутый, первый (и — море новых ассоциаций: чистота, нетронутость); но и потому, что ландыши — и они растут в тиши. «Как ландыш потаенный», — сказал Пушкин про свою Татьяну. И хотя учителями Есенина были великие поэты, все же самый ранний, бессознательный еще поэтический опыт идет у него от народной припевки с ее богатым подтекстом, выразительной деталью...

Голубое да синее... На этом фоне ярки всполохи зари, костер рябины. «В саду горит костер рябины красной...»

Но еще больше любит наш народ цвет — алый. В деревне Щипачи, родине поэта Степана Щипачева, ныне исчезнувшей с лица земли, довелось мне записывать признания пожилой женщины, схожей по яркости восприятия, невинности, простодушию, поэтичности с молодою девушкой: «Любимый мой цвет — алой. Не красной, не бордовой — алой». Она так поизносила: *алой*. И я тут же вспомнила: «Привези мне цветочек — аленькой...»

У меня на голове
Аленькой платочек.
Я никем не занята —
Гуляю как цветочек.

Много поют про алое. Вот любимая из моей коллекции (впрочем, они все любимые, отборные — и нигде до сих пор не публиковались):

Что ты, мама, рано встала,
Алый цветик сорвала?
Не дала покрасоваться —
Рано замуж отдала?

Алый цветок — символ цветущего девства, невинности. «Привези мне цветочек — аленькой...» — просит купецкая дочь. Не богатых нарядов заморских, как ее старшие сестры, — алый цветик, что найти всего труднее; а когда находит отец и срывает — горы сдвигаются с места, потрясаются мироздания. По-видимому, алый цветок в языческие времена имел магическое значение. Мифический цвет папоротника, что «цветет раз в сто лет», сорванный в ночь на Ивана Купалу, — отпирал заклятые, заколдованные клады. Так и в сказке «Аленький цветочек». Остался он ключом к счастью.

Лазоревые цветы тоже цветут в русском фольклоре. Если алое — символ цветущей невинности, то лазоревое — радость, счастье, надежда. Только лазоревый цвет встречается больше в сказках и обрядовых песнях, а в припевках, частушках — голубой.

Я своего милого
Наряжу, как барина,
Голубого сатинцу
Куплю у татарина.

Ласковое *«сатинцу»* придает частушке женственность, и блеск-блестка звука «ц» мерцает посреди строки: так и видишь, как блестит и переливается на солнышке голубой сатинец!

Вот и перешла я к своей излюбленной теме — гениальной звукописи народной припевки.

Сера уточка летела
И кричала: чи-чи-чи,
Четкаринские ребята
Все такие трепачи!

Это же чечетка! Чечеточные слоги скачут так: оч-ча; чи-чи-чи; че-чи! С ними перекликаются слоги: ер-ле-ел; ри, ри-ре. Все в целом создает образ чечетки на вечерке, где поют и пляшут под частушки. Звуки-слоги *«оч-ча-ча»* и *«ер-ле-ри»* — сами по себе, даже независимо от смысла слов, настолько выразительны, значимы, что они уже «сами пишут» стихи. И попросту не могло не родиться в русской литературе искушения — или откровения — писать не словами, а слогами, отвлекаясь от общепринятого значения слов. Иначе сказать, если бы не было у нас Хлебникова, Бурлюка, Северянина — их следовало бы выдумать. И конечно же, слог сам по себе — значим, и звук несет определенные знаковые нагрузки, что великолепно подтверждает и русская частушка. Нежная, любовная будет писаться лепетом: всеми этими ле-ель-ли... Озорная, ерническая — «щ», «ч» (но «ч» может иметь и другое, сумрачное, ночное, экзотическое значение).

Вернусь еще к частушке про серу уточку, что кричала: чи-чи-чи.

С припевкой этой вышла такая история. Я забыла ее точный текст и в разговоре с кем-то первую строчку прочитала *«на забор сорока села»*. И вот чувствую: что-то не так. Разыскала записи, ну конечно: не могла и первая строка обойтись без ведущего в частушке звука «ч»: уточка, а не сорока! Да и сороке жаловаться на ребят и ждать верности не приходится. Иное дело серая уточка — эта вечно обделенная счастьем скромница: какое уж там ей счастье? Когда и ребята-то нынче... И ведь вот опять цвет: серый. Серое — уныние, тоска...

Про четкаринцев, село Четкарино вообще великолепные частушки:

Четкаринцы к нам не ходят,
Говорят, что мосту нет.
Вместо мосту льдиночки —
Ходите, ягодиночки!

Всюду опять эта «ч», подчеркивающая значимое слово — название села. И прекрасный поэтический образ льдинки — хрупкой любви, неверной надежды на счастье... Мост — тоже образ.

Смачная частушка, инструментованная звуком «ч»:

Из-под сахару мешочек,
Из-под чая сумочка,
Мой миленочек на фронте —
Отдыхает куночка.

Звук «щ» во многих частушках, шуточках и плясовых сплелся со словом «теща»:

Был у тещи в гостях,
Теща плавала во щах...
Теща и щи то и дело рядом:
Ох, теща моя,
Хуже лихорадки,
Щи варила, пролила
Зятю на запятки!

Редкое в русской речи «щ» поддержано редким же «х» — *«теща»* и *«лихорадка»* будто так и родились рядом; та, в свою очередь, усилена звуком «х» в слове «хуже»: одно слово само цепляет за собою другое. *«Зятю на запятки»* — каблучки сами вытаптывают: та-та-та!

Кажется, уже убедила я, что коллекция моя, потом и кровью добытая в уральских деревнях, селах и городах, состоит действительно из шедевров народного творчества. И все же не удержусь и еще приведу. Вот как фыркает частушка про норовистого «хахаля»:

Не форси, форсун форсистый —
Я тобой не дорожу.
Я такими форсунами
Огороды горожу!

Все «фр-фр» да «фрс-фрс».

Я открыла для себя: русская припевка часто содержит скрытую монограмму. Ключевое слово как бы витает над нею, прямо не выговариваемое, но тем вернее западающее в подсознание, память, тем вернее убеждающее. Вот та же гениальная частушка, приведенная мною в начале этой статьи:

Мы с миленочком расстались
В узком переулочке.
Он был в розовой рубашке,
Я — в бородовой юбочке.

«В узком переулочке» — опорные звуки: з-р. В следующей строке наоборот: р-з-р. Над стихом встает слово *«роза»*, и смысл всего стиха — о новой любви — сам собою выпевается помимо всех слов...

г. Екатеринбург

Рубрику ведет
ВЛАДИМИР НИКИТИН,
кандидат исторических наук

ПУТЕШЕСТВИЕ НА «АДМИРАЛЕ НАХИМОВЕ»

Сегодня мы познакомим читателей с одним из путевых фотоальбомов, собраниых морским офицером на борту крейсера «Адмирал Нахимов». А подробнее рассказать об этом мы попросили ведущего научного сотрудника Российского государственного архива Военно-морского флота Александра Иоффе.

В октябре 1885 года традиционная бутылка шампанского разбилась о форштевень «Адмирала Нахимова», и 100-метровая громадина с шумом врезалась в невские воды. Это был один из сильнейших крейсеров своего времени. Отечественными инженерами он проектировался как океанский броненосный корабль. Впервые в русском флоте на «Адмирале Нахимове» установили электрическое освещение вместо масляных фонарей, стальные мачты, противоторпедные сети... Чтобы опробовать свои боевые качества, в сентябре 1888 года «Адмирал Нахимов» покинул уютную акваторию Кронштадтской военной гавани и, управляемый капитаном 1 ранга К. К. Де Ливроном, устремился на Дальний Восток. Маршрут плавания крейсера хорошо известен по архивным документам: Киль — Плимут — м. Доброй Надежды — Коломбо — Батавия — Нагасаки — Гонконг — Шанхай — Нагасаки — Кобе — Йокохама — Нагасаки — Манила — Сингапур — Батавия — Гонконг — Кобе — Владивосток — Коломбо — Суэц — Шербур — Кронштадт. Отчеты командира регулярно печатал «Морской сборник»...

И как величайшую удачу можно расценить находку роскошного фотоальбома, посвященного первому плаванию знаменитого крейсера. Снимки хранятся в семье правнучки и внучки адмиралов Киткиных в С.-Петербурге. Дело в том, что в числе тридцати трех офицеров на «Адмирале Нахимове» находился, в качестве командира одной из рот экипажа крейсера, 28-летний Александр Павлович Киткин, сын контр-адмирала Павла Алексеевича Киткина (сам будущий контр-адмирал), ему и принадлежал этот прекрасный альбом.

В мае 1905 года «Нахимов» получил серьезные повреждения от японской торпеды. Всю ночь команда боролась за спасение крейсера, пытаясь завести пластырь и ликвидировать крен. Когда выяснилось, что спасти корабль невозможно, командир принял решение затопить его на расстоянии около 5 миль от северной оконечности о. Цусима на глубине 89,6 м. После уничтожения секретных документов, шифров и сигнальных книг приступили к спасению команды на катерах и гребных судах. При появлении японского вспомогательного крейсера «Саду-мару» и миноносца «Серану» на «Нахимове» открыли кингстоны, и он с неспущенным Андреевским флагом ушел под воду. Оставшиеся на мостике капитан 1 ранга А. А. Родионов и лейтенант В. Е. Клочковский были смыты волной и

через несколько часов подобраны японскими рыбаками.

Перед затоплением крейсера судовая казна в размере 1686 фунтов стерлингов золотом была разделена поровну между офицерами, но спустя годы возникла легенда о «несметных сокровищах» на затонувшем «Адмирале Нахимове» (см. книгу Г. Ризберга «600 миллиардов под водой»). 16 сентября 1980 года японцам удалось обнаружить остатки корабля, после чего компания «Ниппон марин дивелопмент» начала поиск «сокровищ». 22 сентября на пресс-конференции в Токио президент компании К. Таманаи и президент Японского фонда судостроительной промышленности Р. Сагагава объявили, что 3 миллиарда иен, затраченных на поиски «Адмирала Нахимова», окупятся, поскольку на крейсере найдено 5500 деревянных ящиков с 5000 фунтов стерлингов золотом в каждом, 16 платиновых и 48 золотых слитков — все общей стоимостью около 4 миллиардов долларов. Но, как выяснилось впоследствии, незаконные водолазные работы на крейсере, который являлся собственностью СССР, и легенда о «сокровищах» понадобились лишь для привлечения внимания к фирме, поднятия ее авторитета и получения кредитов.

Редакция благодарит родственников контр-адмирала А. П. Киткина и его внучку Валерию Николаевну Боровик за предоставление фотографии из альбома.

Сдано в набор 10.02.93 . Подписано к печати 12.05.93 . Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. п. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. **Тираж 80 000 экз. Заказ № 447.** Цена в розницу — договорная, 25 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбвт, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291

БАНКИРЫ — ДЕТЯМ

По инициативе журнала «Родина», Министерства народного образования, подкомитетов по печати и народному образованию Верховного Совета РФ осуществляется акция «Каждой российской школе — бесплатную подписку на исторический журнал «Родина».
Ваши деньги — на просвещение России!

* * *

«Авиабанк» — еще один банк, который выделил благотворительному фонду по поддержке исторического образования в России 1 миллион рублей.
Расчетно-кассовое обслуживание и кредитование юридических лиц, прием срочных вкладов от частных лиц, предоставление индивидуальных сейфов.
Осуществление валютного обслуживания клиентов, включая экспортно импортные расчеты, ведение текущих счетов, куплю-продажу валюты и другие операции.
Эксклюзивное право кредитования государственной программы «Конверсия» в авиационной промышленности.
Банк имеет филиалы в Москве, Санкт-Петербурге, Жуковском, Самаре, Воронеже, Душанбе, Махачкале.

* * *

101849, Москва, Центр, Уланский пер., д. 16
Тел.: (095)207-58-56, 207-68-24.
Факс: 207-04-67.
Телекс: 412788 AVIB SU

Благотворительный счет журнала «Родина»: № 1609255 во Внешторгбанке Российской Федерации МФО 201865 уч. Н-7 (Банкиры — детям)